

ВРУЧЕНИЕ ВЫСШ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил 4 июля в Кремле высшие награды Советского Союза знатым рабочим, партийным и государственным деятелям.

Ткачиха Ивановского камвольного комбината В. Н. Голубева и машинист электровоза локомотивного депо Москва-Сортировочная В. Ф. Соколов отмечены орденами Ленина и вторыми золотыми медалями «Серп и Молот» Героев Социалистического Труда.

Орденов Ленина и золотых медалей «Серп и Молот» Героев Социалистического Труда удостоены заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина, председатель Комитета народного контроля СССР А. М. Школьников, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А. С. Дрыгин, заведующий Отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК КПСС В. А. Карлов.

Тов. К. У. Черненко выступил при вручении наград.

Награжденные сердечно поблагодарили Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство, товарища К. У. Черненко за высокую оценку их труда.

При вручении наград были кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заведующий Отделом ЦК КПСС К. М. Боголюбов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешавили, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Прибытков.

На снимке: во время вручения наград.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ИХ НАГРАД

ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

9 июля в Москву с рабочим визитом прибыл член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал.

На аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, Г. И. Марчук, Н. В. Талызин, министры СССР Б. П. Бугаев, В. М. Величко, Н. С. Конарев, председатель ГКЭС Я. П. Рябов, первый заместитель министра внешней торговли Н. Д. Комаров, заместитель министра иностранных дел СССР Б. И. Аристов, другие официальные лица.

Среди встречавших был посол ЧССР в СССР М. Завадил.

В этот же день в Кремле состоялась встреча Н. А. Тихонова с Л. Штроугалом.

Исходя из договоренностей, достигнутых в беседе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко и Генерального секретаря ЦК КПЧ, Президента ЧССР Г. Гусака во время их встречи в Москве в июне с. г., были согласованы практические мероприятия по дальнейшему расширению советско-чехословацкого сотрудничества, углублению интегра-

ционных связей в важнейших отраслях народного хозяйства обеих стран.

При обмене мнениями по некоторым актуальным международным вопросам было отмечено, что в нынешней сложной международной обстановке единство и сплоченность социалистических стран, их участие в Варшавском Договоре надежно обеспечивают безопасность и нерушимость границ государств социалистического содружества.

Встреча глав правительств СССР и ЧССР прошла в теплой, дружественной атмосфере и подтвердила единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам, а также обоюдное стремление сторон к дальнейшему динамичному развитию и углублению тесного сотрудничества между СССР и ЧССР.

По итогам встречи был подписан советско-чехословацкий протокол.

Правительство СССР в честь гостя дало в Кремле завтрак.

Вместе с Л. Штроугалом были сопровождающие его в поездке официальные лица.

С советской стороны присутствовали Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, секретарь ЦК КПСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1984

№ 29 (2974)

14 ИЮЛЯ 1984

К. В. Русаков, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели госкомитетов СССР. Товарищи Н. А. Тихонов и Л. Штроугал обменялись речами.

Вечером Л. Штроугал отбыл из Советского Союза. На аэродроме его провожали Н. А. Тихонов, другие официальные лица.

На снимке: во время подписания протокола.

Фото В. Черединцева, А. Яковлева (ТАСС)

Момент исторический: последнее звено на Бурятском участке БАМа — 25 метров из 525 километров!

Хлеб-соль героям трассы.

Фото В. КУЗНЕЦОВА

«Огонек» на БАМе

ИТАК, ВИТИМ!

ЗАВЕРШЕНО СООРУЖЕНИЕ 525-КИЛОМЕТРОВОГО БУРЯТСКОГО УЧАСТКА ТРАССЫ БАМ * ПУТЕУКЛАДЧИК ШАГНУЛ К ВИТИМУ — «УГРЮМ-РЕКЕ» * РЕКОРДНЫЙ РЫВОК БРИГАДЫ МОНТЕРОВ ПУТИ АЛЕКСАНДРА БОНДАРЯ — ЗА СУТКИ УЛОЖЕНО 5 400 МЕТРОВ РЕЛЬСОШПАЛЬНОЙ РЕШЕТКИ * СТО КИЛОМЕТРОВ ТАЕЖНОГО ЧИТИНСКОГО СЕВЕРА — ПОСЛЕДНИЙ ФИНИШНЫЙ ОТРЕЗОК БАМа.

...Конечно, к тепловозу, стоящему поодаль, можно было идти и напрямик, но машинист Юрий Николаевич Крупский решил пройти вдоль всего состава. Уж больно красив и необычен был поезд, который ему предстояло сегодня вести. Хотелось увидеть весь состав вблизи, почувствовать, чем дышат его сегодняшние пассажиры, а потом уже подать тепловоз к вагонам. На них лозунги: «Рельсы БАМа до Витима — трудовой подарок 325-летию вхождения Бурятии в состав России!», «Слава строителям БАМа!», «Магистраль века — досрочно!».

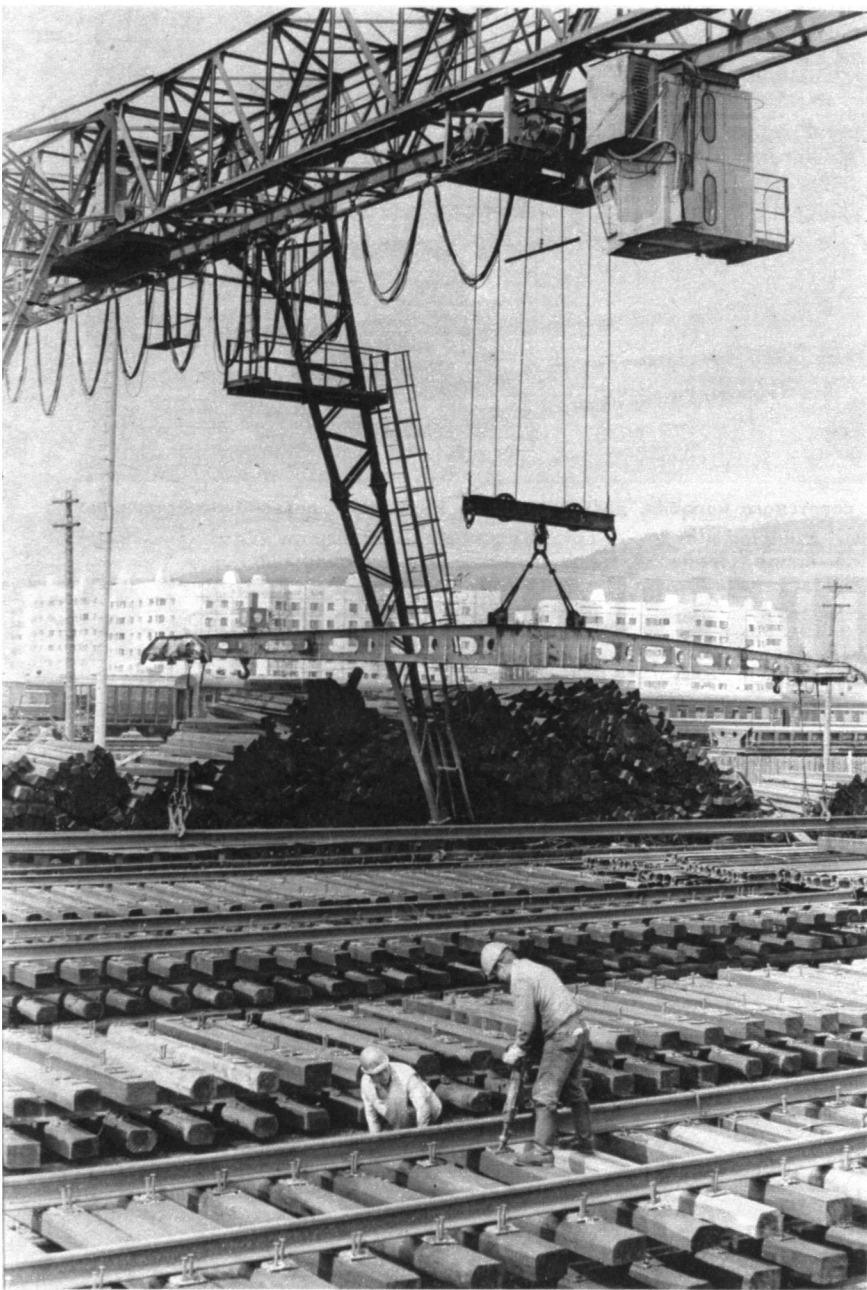
Из свежерубленных домов поселка Таксимо, упрятанных в сосновом бору, шли с песнями парни, одолевшие последние десятки километров прокладки Бурятского участка магистрали до Витима. Шли монтеры пути, монтажники мостов, водители могучих самосвалов, бульдозеристы, лесорубы... Шли лучшие из лучших — почетные пассажиры первого поезда, которому суждено было пройти до тех последних 25 мет-

ров шпальной решетки у Витима, где асы путеукладки из прославленной бригады Александра Бондаря ждали прибытия высоких гостей. Ждали, чтобы на глазах своих товарищей по труду, тех, кто обеспечил им высокие темпы прокладки решеток-двадцатипятиметровок уложить «последнюю — серебряную». А за ней — мост через «Угрюм-реку» и — по читинской земле навстречу друзьям-соперникам из бригады Ивана Варшавского.

Авторы репортажа шли к вагону прессы вместе с машинистом. Познакомились. Тридцать лет водит составы. Четверть века в партии. Участвовал в строительстве магистрали Абакан — Тайшет — Лена. На БАМе, как он сказал, «вровень с комсомольским десантом в Звездном».

— Да вы обо мне не пишите, — попросил машинист. — Герои — те парни, которых я повезу до Витима. Мне сказали, что в вагонах сплошной интернационал — ребята шестидесяти национальностей, строящих БАМ на Бурятском участке, — русские, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, буряты...

Несмотря на просьбу Юрия Николаевича, мы все-таки решили

Рядом с кварталами Севербайкальска работает база звеносборки.

немного рассказать о нем. Дело в том, что, на наш взгляд, он машинист уникальный. Вряд ли еще кому-нибудь из его коллег доводилось трижды водить первые поезда по таким маршрутам: вначале до Киренги, потом — до Кичеры, затем — до Окусикана. И вот четвертый — до Витима. Граница с Читинской областью. Перед рейсом, как водится, провел тепловоз без состава — «прошупал каждый мост, каждый подъем и спуск, все повороты...». И вывод: хотя дел впереди много, но укладка пути и монтаж мостов сделаны на совесть. «А вести буду так, — пошутил машинист, — что никто с полки не упадет, ни одной дикой утки с выводком не спугну. Сами увидите — их тьма-тьмущая вдоль дороги в любом водоеме».

Мы проводили Юрия Николаевича до тепловоза, пожелав счастливого пути. Уже из окошка он прокричал: обратили внимание, что МПС отстает? Не успело на вагоны таблички «Севербайкальск — Таксимо — Витим» заказать. Вот какие темпы бамовцы предложили!

В вагонах у пассажиров было приподнятое настроение: сразу было видно, что ехали творцы этих высоких темпов. Все уже

знали, что накануне бригада путеукладчиков Александра Бондаря установила рекорд, уложив за сутки 5400 метров «решетки», побив прежние достижения бригады Ивана Варшавского с читинского участка на 800 метров. Но, радуясь успеху «именинников», каждый из пассажиров поезда и их товарищей, оставшихся на рабочих местах, ясно осознавал свою причастность к рекорду, а в более широком плане — к большой трудовой победе у Витима. В успехе путеукладчиков, словно в фокусе линзы, сошлись усилия бригады звеносборочной базы, возглавляемой лауреатом премии Ленинского комсомола Вячеславом Бритиковым. Это она досрочно, еще 17 мая, собрала последнее звено Бурятского участка магистрали, а ныне создала задел в 35 километров «решетки» для бригад, которые будут вести укладку пути уже на читинском участке. В этом фокусе — и напряженный труд сотен водителей машин и бульдозеристов, ведущих отсыпку пути, бурильщиков, лесорубов, прорубивших под притрасовую автодорогу, ЛЭП и железнодорожный путь 2036 километров протек. И, конечно же, тоннельщиков, сооружающих в невидан-

но сложных, подчас экстремальных климатических и особенно гидрологических условиях, самых трудных на БАМе, девять тоннелей. (К сведению читателей: два из них — Нагорный и Байкальский сданы в эксплуатацию, на Мысовых идет отделка, на самых длинных и коварных — Северомуйском и Кодарском идет проходка, причем на последнем ее закончат к 1 сентября.)

В вагонах поезда по пути к Витиму мы познакомились со многими почетными пассажирами.

Степанас Каспутис, тридцать лет, бригадир плотников на БАМе, сразу после службы на одном из кораблей Черноморского флота.

Строит постоянный поселок в Новом Уояне (полюс холода БАМа — 61°C).

— Вы видели наш поселок? — И по тому, как он спросил, сразу стало ясно, что, по его мнению, лучшего на магистрали нет. Тем более что строит Степанас вместе со своим братом Людасом.

Рижанин Саша Любич — шофер могучего МАЗа — на БАМе три года. Весельчак, прекрасный рассказчик. Здесь, в Таксимо, молодая семья Любичей увеличилась на одного человека — родился сын Илья. (Умолчим о весе его при рождении, поверим Саше, который сказал, что такие богатые могут рождаться только на БАМе.) В работе Саша исповедует принцип — никогда никого не подводить. Хороший принцип, не правда ли?

На торжество, связанное с укладкой «серебряного звена», он ехал вместе с верным другом, ленинградцем Сергеем Мамяновым. Когда-то в рижском ресторане случайно семьями оказались за одним столиком. Саша рассказал о БАМе, пригласил приехать. Немного словный Сергей, крепкий, кандидат в мастера по боксу, ничего не сказал определенного. Потом решил — поехал. В Таксимо, куда его направили плотником, случайно встретились. Четыре дома уже построил Сергей в этом красивом поселке.

— Жалею, что живу не в Серегином доме, — сказал Саша.

— Почему?

— Отлично строит.

Сергей толкнул друга в бок:

— Ну, что ты. Не надо.

...Поезд шел, именно шел (мчался — для будущего!), мимо временных поселков с балками, палаточного городка ленинградских студентов, скопища самосвалов, подвозящих щебень, бетон, частоты вешек для балластирования пути, на цыпочках проходил через многочисленные мосты и трубопроводы. А вокруг — «зеленое море тайги», могучей, сосновой на песках у Таксимо и лиственничной, крепкой на взгорках и чахлою на падах. В придорожных озерах, низинах, залитых талой и полной водой, — сонмища уток с трогательным молодняком (прав был машинист). В пути Юрий Николаевич не сигнализировал: очевидно, щадил нервы

всякой таежной живности, а скорее всего — берег силу гудка для торжественного случая.

На подходе к Витиму, неподалеку от путеукладчика «с серебряным звеном», машинист дал сигнал. И голос его слился с медью оркестра, рокотом вертолета, разбрасывающего листовки для истории.

Саша Бондарь и его друзья деловито и сноровисто спустили «решетку», в считанные минуты состыковали ее с соседней. Праздник праздником, но надо было, чтобы все, кто сюда сегодня прибыл, видели — здесь работают мастера. Тем более что за работой наблюдает самый почетный гость — друг-соперник Иван Варшавский, все руководство БАМа. В ярком свете июльского солнца в руках ребятам-забойщикам блеснули костыли. От забитых на пройденных бригадой до этого сотнях километров пути они отличались одним — головками, — по торжественному случаю их макнули в серебряную краску.

И вот звучит радостный марш. Мы видим радостные слезы в глазах управляющего трестом «Нижнеангарсктрансстрой» Героя Социалистического Труда Ф. В. Ходаковского, у Вячеслава Бритикова, у многих-многих строителей. Кто-то из ребят бригады Бондаря, до этого мастерски уложивших «решетку», припал к рельсу. Не посчитаем это сантиментом. Просто очень дорогое дело, которому честно служишь.

...После митинга, прямо с трибуны, Бондарь и Варшавский прошли к временному мосту через могучий Витим. Еще вчера и сегодня он разделял их бригады, идущие друг другу навстречу с востока на запад и с запада на восток. А завтра...

Трудились мы не только в разных областях и республиках, но и в разных часовых поясах, — засмеялся Иван. — Теперь будем в одном. Когда думаешь перебраться за Витим?

— Мешкать не будем. Завтра. Полотно на читинском — твоим — берегу готово. Ребята мои тоже.

Два прославленных бамовских бригадира помолчали. Что им виделось на том берегу?

Они обнялись.

— До встречи, теперь уже у «золотого звена».

**В. КУЗНЕЦОВ,
А. ПАНЧЕНКО,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Управляющий трестом «Нижнеангарсктрансстрой», Герой Социалистического Труда Ф. Ходаковский с бригадирами А. Бондарем и И. Варшавским.

Бойцы одного из отрядов Сандинистской народной армии.

Разгрузка советского корабля, доставившего в Никарагуа сельскохозяйственную технику.

Фото ТАСС

19 ИЮЛЯ

— НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК
РЕСПУБЛИКИ НИКАРАГУА —
ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

«...Можно с уверенностью говорить, что одержавшие победу партизаны-сандинисты исполнены решимости перестроить Никарагуа так, чтобы страна не имела ничего общего с прошлым...»

Так всего через несколько дней после свержения сомосовской диктатуры писала американская газета «Крисчен сайенс монитор». И сегодня, когда народ Никарагуа готовится отметить пятую годовщину своей победной революции, в очередной раз убеждаешься, что тогда в США кое-кто более трезво, чем ныне, оценивал расстановку политических сил в Никарагуа.

Новый, прогрессивный уклад жизни утвердился за эти годы в стране повсюду — в городе и в деревне. Бывшие батраки познали радость коллективного труда на своей земле. Однако успехи сандинистской революции в хозяйственной деятельности были бы куда более значительными, если бы молодой республике не приходилось выделять столько сил и средств на борьбу против контрреволюции, поощряемой, обучаемой и оплачиваемой Соединенными Штатами Америки. Сообщения, которые приходят сейчас из Никарагуа, являются фактически военными сводками. Взрывы мостов и нефтехранилищ, убийства мирных жителей и минирование портов — вот далеко не полный перечень средств, с помощью которых наемное войско пытается уничтожить народную власть в стране.

Своеобразный парадокс «тайной» войны против Никарагуа, которую ведет американский империализм, заключается в том, что эта война давно уже перестала быть тайной, переросла в открытую агрессию. Один лишь факт публичного предоставления конгрессом США 25-

миллионного кредита Центральному разведывательному управлению для продолжения операций, «направленных на дестабилизацию сандинистского правительства», говорит об этом достаточно красноречиво.

Однако с оценкой боеспособности молодой республики «контрас» и их хозяева явно просчитались. Наемники все чаще получают по заслугам. Как вынужден был однажды признать после неудачной вылазки один из их главарей, «у нас не оставалось иного выбора, как отозвать наших людей на базы в Гондурас, наши люди в Никарагуа были в таком состоянии, что некоторые из них добрались до своих баз буквально босиком...».

Ключом к политике США в Латинской Америке в целом является ставшая теперь хорошо известной циничная фраза, сказанная в свое время одним из американских президентов: «Сомоса, может быть, сукин сын, но это наш сукин сын». Именно поэтому стремление посадить на шею никарагуанского народа нового диктатора берет в правящих кругах США верх над здравым смыслом. Как не вспомнить тут уже упомянутую статью в «Крисчен сайенс монитор» и слова из нее о том, что Никарагуа не допустит вмешательства извне, которое бы воспрепятствовало усилиям, направленным на восстановление страны. «Это», — писала газета, — похоже на прямое предупреждение Соединенным Штатам о том, что Никарагуа... не будет более вассалом Вашингтона.

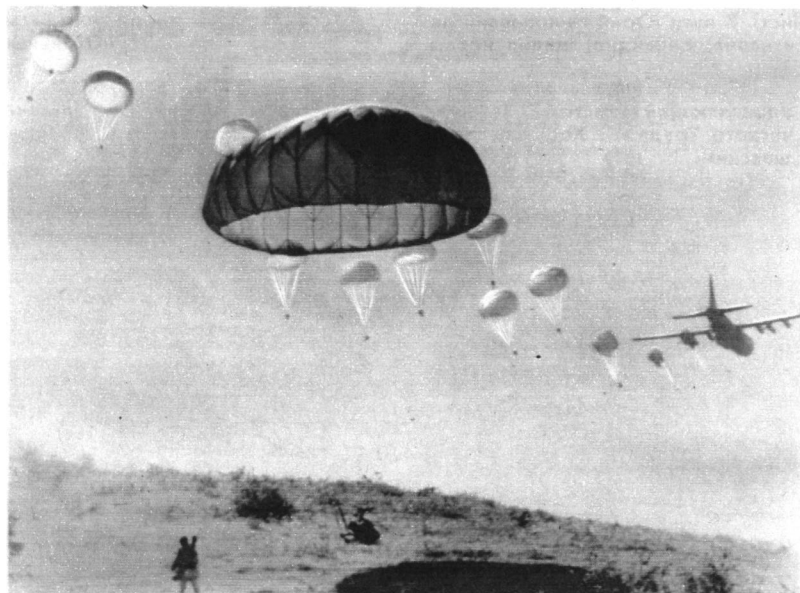
Ясно было сказано еще пять лет назад.

И народ Никарагуа решительно подтверждает это сегодня.

А. СОКОЛОВ

«Все на защиту революции!..»

Маневры «Биг Пайн-2» — одна из провокаций США у границ Никарагуа.

ВЫБОРЫ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Владимир НИКОЛАЕВ

В Соединенных Штатах Америки выходит на финиш кампания по выборам президента страны на очередной четырехлетний срок. За традиционной показной шумихой, в которой стараются перещеголять друг друга две ведущие и соперничающие между собой буржуазные партии, республиканская и демократическая, за кулисами так называемых первичных выборов, партийных конференций и съездов, митингов, встреч, интервью, банкетов скрываются подлинные пружины политической машины Америки.

Несколько слов о процедурной стороне выборов. Президент США должен быть не моложе 35 лет, не менее 14 лет постоянно проживать в Соединенных Штатах и быть гражданином США по рождению. Президент может занимать свой пост не более чем два срока, то есть два четырехлетия. Каждая кампания по выборам следующего хозяина Белого дома начинается задолго до дня всеамериканского голосования. Так, на нынешние выборы первым выставил свою кандидатуру в феврале 1983 года сенатор Алан Крэнстон, в том же месяце его примеру последовал Уолтер Мондейл. Причем последний практически начал свою кампанию по борьбе за президентское кресло, едва покинув пост вице-президента в январе 1981 года. Он, будучи демократом, стал главным соперником республиканца Рональда Рейгана, который в январе этого года выдвинул свою кандидатуру на второй срок.

Если на этот раз у демократической партии было несколько претендентов, то у республиканцев единственным кандидатом был и остается Рейган. Есть в США и такой термин, как «темная лошадка», то есть относительно малоизвестный претендент, шансы которого на Белый дом поначалу незначительны по сравнению с другими кандидатами. Любопытно, что на выборах 1976 года такой «темной лошадкой» был Картер.

Кандидаты в президенты США от обеих ведущих партий определяются на их национальных съездах, которым предшествуют первичные выборы в штатах (но не во всех; в этом году таких процедур было 33). В ходе первичных выборов отсеиваются кандидаты, набирающие меньше голосов, чем их соперники, лидеры этой стадии избирательной кампании доходят до промежуточного финиша — национального съезда партии. На них республиканцы выдвигают своего кандидата в Белый дом, а демократы — своего. Составной частью этой общей кампании являются предшествующие национальным съездам конференции партийных организаций штатов, на которых отбираются делегаты на партийный съезд.

Национальные съезды республиканской и демократической партий решают вопрос о кандидате в американские президенты простым большинством голосов. Свои предвыборные съезды обе партии обычно проводят в июле — августе, чтобы до выборов в ноябре у них было время сделать рекламу своему претенденту на Белый дом. В этом году вопрос о кандидате на пост президента США от демократической партии решится именно на съезде, а вот у республиканцев это мероприятие будет чистой формальностью, поскольку у Рейгана в рядах его партии конкурентов нет. Как правило, кандидатура в вице-президенты подбирается на том же съезде.

Немаловажно, что находящийся у власти и добивающийся переизбрания президент, как сейчас, например, Рейган, имеет известные преимущества по сравнению со своим соперником, тоже претендующим на Белый дом. Пост президента, конечно же, позволяет вести избирательную кампанию весьма эффективно, используя при этом рычаги официальной власти. Начиная с 1900 года удачно завершились 11 из 14 попыток находящегося у власти президентов добиться избрания на второй срок.

В наше время большую роль в избирательной кампании, в формировании общественного мнения играют средства информации, особенно телевидение. Стали традиционными так называемые телевизионные дебаты между претендентами на пост американского президента. Мне не раз доводилось наблюдать в США это действо, в том числе и телевизионную дуэль между Рейганом и Картером в 1980 году. На ней необходимо остановиться подробнее. Во-первых, потому, что она, по мнению многих обозревателей, сыграла решающую роль в той избирательной кампании. Во-вторых, та дуэль играет немалую роль и в предвыборной гонке этого года. Казалось бы, пора забыть о теледебатах, давно ставших достоянием истории. Но сегодня о них говорят и пишут едва ли не больше, чем четыре года назад. В чем же дело?

Тогда, осенью 1980 года, на финише избирательной кампании, Рейган и Картер, по общему мнению, имели примерно равные шансы на победу в выборах. А вот после телевизионных дебатов шансы Рейгана сразу повысились, это было большой неожиданностью, поскольку считалось, что именно Картер одержит верх в этой дуэли. Ведь он к тому времени уже провел один срок в Белом доме и, надо думать, сумел вникнуть в специфику президентской деятельности. Поэтому существовало мнение, что он в политическом отношении опытнее Рейгана и более достоин быть главой американской администрации. И вот, как это ни удивительно, не он, а Рейган произвел впечатление более сведущего политика. Наблюдая тогда за ними на телеэкране, я диву давался находчивости и знаниям Рейгана. Он словно читал и даже предугадывал мысли Картера.

В тот вечер удивлялся не один я, а миллионы американских телезрителей. И прошло немало времени, пока победа Рейгана в этих дебатах нашла свое объяснение. Оказалось, что он и в самом деле знал наперед все доводы своего оппонента, но не потому, что обладал даром политического предвидения, а потому, что его люди похитили секретные документы, на которых строилась предвыборная стратегия демократов. В ходе раскрытия этой преступной аферы выяснилось, что в ней были замешаны ближайшие соратники Рейгана, занимающие сейчас важные государственные посты. Так, с обмана и кражи, то есть с тяжкого уголовного преступления, начался путь Рейгана-президента. Когда потом Картер узнал о подоплеке своего поражения в теледебатах, он сказал: «Насколько я понимаю, это была очень большая потеря для нашей кампании. Это были очень ценные документы».

Итак, преступление было совершено. Где же положенное за него наказание? Тут уместен вопрос: а судьи кто?! Нынешняя американская

администрация не торопится привлекать сама себя к ответу. Но демократы, соперники Рейгана, так коварно обманутые им в 1980 году, пытаются сегодня заработать политический капитал на этом скандале, подорвать шансы президента на выборах.

Подобные скандалы во время избирательных кампаний — давняя американская традиция. В борьбе за власть, за государственный пирог, за высокие официальные посты демократы и республиканцы идут на все. Известный американский журналист и общественный деятель Джон Славичек пишет: «Общество плутократов вовсе не так однородно, как это может показаться со стороны. Глубокие противоречия и разногласия, вызванные столкновением экономических интересов и тщеславия, раскалывают ряды находящейся у власти элиты. Поэтому выборные должности являются объектом ожесточенной конкуренции частных лиц и группировок». Добавим, что эти должности так влекут к себе не потому, что дают приличное содержание, а потому, что дают политическое влияние, которое при умении может обернуться большими деньгами — конечной целью и бизнеса и политики.

Одной из характерных черт президентских выборов является малая активность американцев. В 1980 году, например, в голосовании участвовало только чуть больше половины избирателей. В результате получилось, что за Рейгана отдали голоса всего 26 процентов избирателей (немногим более 40 миллионов человек). В чем же дело? А в том, что «рядовые американцы отказываются голосовать, ибо считают, что их голос ровным счетом ничего не изменит». Так объясняет эту ситуацию американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Уже сама стоимость избирательных кампаний говорит о том, что простым людям, без капиталов, в ней делать нечего. Так, в 1980 году кандидаты в президенты израсходовали 250 миллионов долларов. При этом надо учесть, что в ходе той же кампании претенденты в сенат и палату представителей затратили 350 миллионов долларов, а желающие занять выборные должности в штатах — 400 миллионов. В тот раз рекорд поставил, наверное, Джон Рокфеллер IV, член известного семейства миллиардеров. За то, чтобы остаться на второй срок на посту губернатора в штате Западная Вирджиния, он выложил 11 миллионов долларов. Причем в данном случае он платил, можно сказать, сам за себя, за свои политические амбиции. Обычно же рокфеллеры предпочитают оставаться за кулисами политической сцены и «делать» политиков за свои деньги. Американский исследователь Ф. Ландберг отмечает, что в этом процессе решающую роль играют поступления «от владельцев крупной собственности и людей с прочным финансовым положением, которые составляют лишь один процент от числа всех, получающих прибыль». Вдумайтесь в этот «один процент»! Ф. Ландберг подчеркивает, что это не один процент от всего населения или общего количества избирателей, а от тех людей, которые получают прибыль. То есть речь идет о каких-то долях одного процента от всего населения. Эти доли, ничтожные, казалось бы, по количеству, и составляют ту невидимую, но самую реальную власть в США, от которой зависит прежде всего бизнес и поставленная ему в услужение политика. Один из самых известных американских специалистов по анализу общественного мнения, Луис Харрис, свидетельствует, что крупные бизнесмены «настолько уверены в своей власти, что они открыто стремятся заблаговременно добиться избрания «своих людей», вместо того чтобы потом тратить деньги на обработку уже избранных».

Предыдущие президентские выборы лишний раз доказали справедливость подобных утверждений. Известно, что Рейган выступал как ставленник большого бизнеса. В ходе избирательной кампании 1980 года газета «Уолл-стрит джорнэл» спросила у пятидесяти руководителей крупнейших корпораций их мнение о Картере и Рейгане. Только семь из них предпочли Картера. На своем президентском посту Рейган вполне оправдал доверие денежных тузов и приложил немало сил к тому, чтобы сделать богатых еще богаче, а бедных — беднее. И вот результат: недавно та же газета снова опросила лидеров большого

бизнеса, и девять из десяти управляющих американскими корпорациями высказались за переизбрание Рейгана на пост президента. Еще бы! Ведь только за последний год прибыли корпораций возросли на 30 процентов и достигли рекордного за всю историю уровня.

Итак, американский бизнес голосует за Рейгана, а это значит, что за него горой стоит и военно-промышленный комплекс, жиреющий за счет гонки вооружений, проводимой нынешней администрацией. Мультимиллионер А. Блуминдейл, один из тех, кто сделал Рейгана президентом, как-то изрек: «Руководить правительством — все равно, что руководить «Дженерал моторс». Соединенные Штаты — это та же «Дженерал моторс», увеличенная вдвое или втрое. Мы окружим Ронни (то есть Рональда Рейгана. — В. Н.) опытными людьми, теми самыми, которых нанимаем для нашего бизнеса». Так оно и получилось. Причем «Дженерал моторс» в этой связи была упомянута не случайно. Это одна из крупнейших американских корпораций, она входит в десятку основных поставщиков Пентагона. Не случайно первым министром обороны США (министерство было создано в 1953 году) стал Чарльз Вильсон, президент «Дженерал моторс». Ему принадлежит известный афоризм: «То, что хорошо для страны, хорошо и для «Дженерал моторс», и наоборот». Это кредо можно назвать краеугольным камнем и «Дженерал моторс» и военно-промышленного комплекса. Такого рода философия и лежит в основе политики рейгановской администрации.

В США существует много разных способов финансовой поддержки политических деятелей во время выборов. Способов как законных, так и незаконных. В последние годы предприниматели стали создавать для этой цели так называемые «комитеты политических действий», финансирующие выборы и влияющие на них. За несколько последних лет их число возросло с 600 до почти 35 тысяч. Понятно, что примерно в такой же пропорции возросло их влияние. А в чем оно выражается? Вот как, например, гласит официальное положение о финансировании избирательных кампаний: «Каждый гражданин или каждый политический комитет могут самостоятельно израсходовать любую неограниченную сумму, стремясь обеспечить победу или нанести поражение тому или иному кандидату в президенты, если не вступают при этом в прямое сотрудничество или непосредственные контакты с кандидатом или его доверенными лицами». Гибкая формулировка, не правда ли? Еще до исхода президентских выборов 1980 года руководитель избирательной кампании Картера сокрушался: «Денежный поток Рейгана затопляет нас». Впрочем, тогда Картера и демократов затопил не только этот денежный поток. После выборов обозреватели сходились на том, что не столько победил Рейган, сколько проиграл Картер. Последний за четыре года правления не смог выполнить своих главных предвыборных обещаний: не обуздал инфляцию, не уменьшил безработицу, не снизил налоги и увеличил (а не уменьшил, как обещал!) расходы на вооружение. К тому же он оказался банкротом и во внешней политике (демагогическая кампания в защиту прав человека, бойкот Московской Олимпиады, военная авантюра в Иране в связи с проблемой американских заложников и т. п.).

По давней американской традиции Рейган в ходе избирательной кампании 1980 года тоже отдал дань демагогии и надавал немало обещаний. Сегодня он утверждает, что многие из них выполнены, особенно в области экономической: инфляция уменьшилась, учетные ставки понизились, несколько сократилась безработица. Заслуга Рейгана и его политики? Но вспомним лучше, что, как известно, американская экономика периодически переживает то спады, то подъемы. На завершение правления Картера и начало президентства Рейгана, на 1980—1982 годы, пришелся самый тяжелый после войны кризис. В 1983 году он закончился, и в экономике США началось оживление. Думается, что лично Рейган здесь ни при чем. Окажись на его месте Картер, случилось бы то же самое. Американские специалисты считают, что подъем в экономике будет продолжаться весь этот год, это, несомненно, поднимает на выборах шансы Рейгана. Но и во внут-

ренних делах он все же испытывает немало трудностей. Например, дефицит федерального бюджета достиг почти 200 миллиардов долларов. Факт беспрецедентный! Это прямой результат курса на милитаризацию экономики, который отвлекает жизненно необходимые средства на непроизводительные военные расходы. По этому поводу спикер палаты представителей Т. О'Нил заявил: «Политика администрации будет иметь катастрофические последствия для будущего Америки».

В ходе предвыборной гонки весьма уязвимыми выглядят позиции Рейгана в области внешней политики. Его оголтелый антисоветизм и взвинчиваемая им гонка вооружений уже достаточно скомпрометировали американского президента. Не все просто складывается у него с его же ближайшими союзниками, которых США затачивают в ядерную петлю. Десятки неприсоединившихся государств не желают видеть Америку в роли мирового жандарма с ядерной дубинкой в руках. Всеобщее возмущение вызывает империалистическая политика США в Центральной Америке и на Ближнем Востоке. Конечно же, Рейгана не может не смущать тот очевидный факт, что его имя отождествляется с угрозой миру, с ядерной войной. Исходя из предвыборных соображений, он теперь пытается отходить от этого уже привычного образа. Но, увы, отходить не на деле, а только на словах! Тут вполне уместно вспомнить избирательную кампанию 1980 года. Чем ближе был ее финиш, тем чаще кандидат в президенты Рейган вспоминал о мире и об угрозе войны. Но как только он вошел в Белый дом, все увидели прежнего, привычного Рейгана, который, например, еще в бытность свою губернатором Калифорнии заявлял: «Каждую ночь потенциальный противник должен засыпать в страхе, опасаясь, что мы прибегнем к ядерному оружию».

Претенденты на Белый дом от демократической партии не без основания критикуют как внутреннюю, так и внешнюю политику Рейгана, но их положение в предвыборной борьбе осложнилось тем, что они сами, по выражению американской прессы, «рвали друг друга на куски», поскольку с начала избирательной кампании вынуждены были бороться не только с Рейганом, единственным представителем республиканцев, но еще и соперничать между собой.

Примечательно, что известный американский обозреватель Дж. Рестон так оценил критику демократами внешней политики Рейгана: «Учитывая послужной список президента, это может оказаться стратегией победителя...» Что ж, поживем — увидим!

Наблюдая за соперничеством между демократами и республиканцами, нельзя не обратить внимания на то, что избирательная кампания, по существу, глубоко затрагивает лишь руководство обеих партий. Через несколько месяцев мы узнаем об итогах грядущих выборов, об активности в них американцев, а пока можем вспомнить несколько цифр из хроники выборов 1980 года. Тогда опросы общественного мнения показали, что только одиннадцать процентов голосовавших были поклонниками Рейгана и девять процентов — Картера. Как так? А вот как: около половины проголосовавших за Рейгана тем самым, по их словам, «голосовали против Картера», а треть из подержавших Картера «боялась прихода в Белый дом Рейгана». Недаром обозреватели называли те выборы «самыми негативно ориентированными выборами, с какими когда-либо приходилось сталкиваться». Таким образом, избиратель выступал не столько «за», сколько «против». Похоже, что такой подход в США становится уже традиционным. При этом, повторяем, примерно половина избирателей вообще не считает нужным участвовать в выборах.

Говоря об американских выборах, мы всегда можем опереться на высказывание Фридриха Энгельса о том, что в США действуют «две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее».

ЗЛОВЕЩ

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-
кинооператор
Советского телевидения

Фото автора

Когда в старой страшной сказке покойник, пролежавший в гробу десятки лет, раз в год вылезает из могилы, мало кто относится к этому серьезно. В сказке все возможно. И все же, когда наяву видишь, как призраки шатаются по белу свету, нельзя избавиться от тревожного ощущения. Многие думают, что в действительности такого не бывает. Не бывает! Как бы не так...

Тридцать девять лет назад народы зарыли гитлеризм в глубокую могилу и вбили в нее осиновый кол. Человечество наконец-то вздохнуло спокойно. Но прошло всего четыре года после подписания Германией в мае 1945-го акта о полной и безоговорочной капитуляции, и силы реваншизма за-

Митинг реваншистов.

ИЕ ПРИЗРАКИ

шевелились. И когда совсем недавно, в середине июня 1984 года, в Мюнхене собрались на свой слет немецкие реваншисты, именующие себя «Землячеством Судетской области Германии», то это была их тридцать пятая встреча. Примерно в то же время с десятком подобных организаций, претендующих на чужие суверенные территории, съехались в другие города ФРГ.

За двенадцать дней до сорок третьей годовщины варварского нападения Германии на Советский Союз, десятого июня, в Мюнхене состоялся большой реваншистский митинг. Он проходил на вместительной площади, украшенной гербами чехословацких и польских городов. Только названия этих городов были написаны на немецкий манер. Например, знаменитый Яблонек оказался «Габлонцем», Карлови Вари и Марианске-Лазне — «Карлсбадом» и «Мариенбадом», Ческе-Будеёвице — «Будвайсом», и так далее, и тому подобное. Над главной эстрадой возвышалась огромная карта с Прагой в середине. Карту венчала четкая надпись: «Ди хаймат дэр судетэндойцен» («Родина судетских немцев»). На север, юг, запад и восток от Праги десятки городов были обозначены на карте как немецкая собственность.

Митинг начался с торжественного богослужения, которое вел сам баварский епископ.

Организаторы обставили все с большой помпой. Под звуки любимого фашистами марша к трибуне вынесли так называемые знамена городов и областей, хотя это было прямым оскорблением народам Чехословакии и Польши, вызовом мировому общественному мнению. Но это нисколько не смутило федерального президента ФРГ Карла Карстенса (ныне в отставке. — Прим. ред.), выразившего в своей речи полную поддержку «судетскому землячеству». Еще дальше зашел премьер-министр Баварии Франц Йозеф Штраус. Он высказался за возвращение стран Европы к довоенным границам и неуважительно отозвался о социалистических странах. А в нескольких метрах от федерального президента ФРГ и баварского премьера у знамени стоял человек в зеленой форме, увешанный гитлеровскими наградами. Пустые, загробные мечты, неправдоподобные, как старая страшная сказка, владели реваншистами, собравшимися в зале. Но человечество не допустит повторения кровавого фашистского нашествия. Разгром и суровое наказание любого агрессора неизбежны — таковы уроки истории.

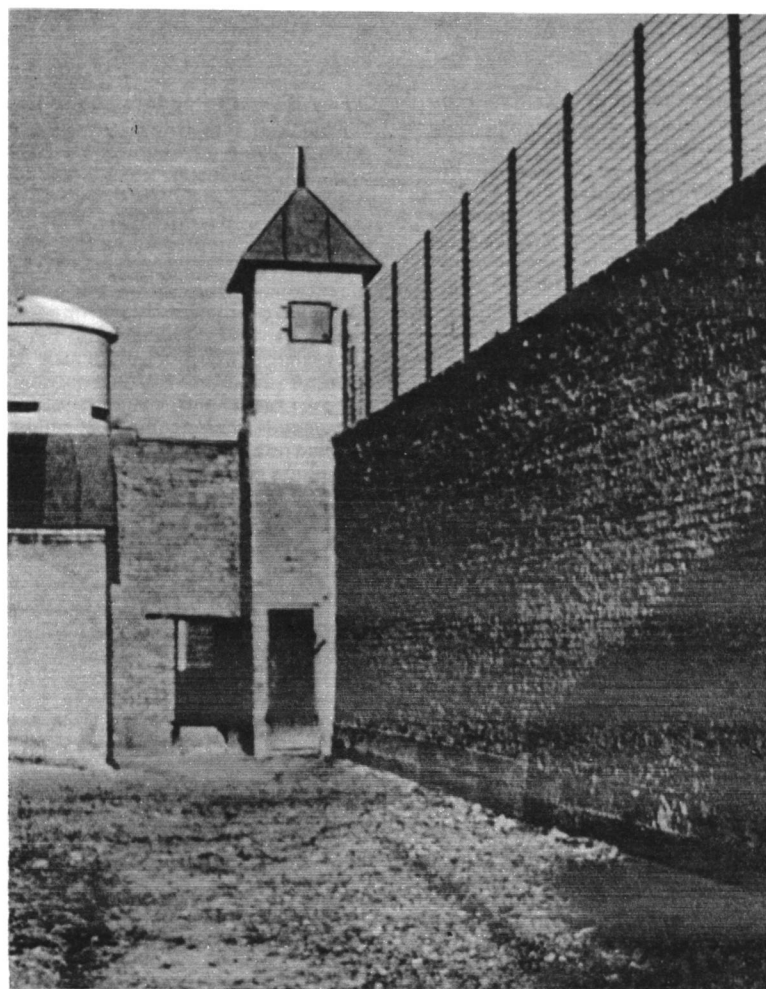

Фото В. САЛЬМРЕ

РАСКРЫТАЯ ТАЙНА ДЕВЯТОГО ФОРТА

Н. ХРАБРОВА

Сорок лет назад, 13 июля 1944 года, войска Советской Армии освободили столицу Литовской ССР — город Вильнюс. Незабываемый этот день отмечен многими событиями и свершениями нынешнего лета, ему посвящены трудовые победы, произведения искусства, отдана дань народной гордости за тех, кто завоевал свободу, и немеркнущей памяти о тех, кто пал непобежденными.

В июне этого года жители Каунаса присутствовали на открытии монумента памяти жертвам фашизма, замученным в Девятом форте. Шел дождь, но тысячи людей, совсем молодых и тех, кто пережил войну, прибывали и прибывали всеми видами транспорта на поле у Девятого форта. Над влажной зеленой землей встала скульптура Альфонсаса Амбразюнаса — угловатые железобетонные конструкции и рвущиеся из них к свободе сотни людей — лица, руки... Больше миллиона рублей внесли в фонд строительства мемориального ансамбля трудящиеся Литвы. Комсомол республики украсил землю вокруг мемориала зеленью и цветами. На века запечатлен еще один страшный и полный мужества эпизод Великой Отечественной войны.

Попробуем представить себе: кирпичные, шестиметровой высоты стены, на них в семнадцать рядов колючая проволока, а под стенами наполовину врытые в

землю промозглые казематы. Такие гулкие, что каждый шаг по железным настелым плитам пола звучит как гром, слышны каждый шорох и каждый вздох. Это Девя-

тый форт крепости под Каунасом. Несокрушимое сооружение конца прошлого века.

Попробуем представить: 1943 год, оккупированная Литва. Рождественская ночь — 25 декабря. В соседнем поселке, в домах, занятых оккупантами, — застолья, хмельные голоса вразнобой выводят песенки: «Тихая ночь...»

В казематах Девятого форта ночь смертельно тиха, коротким сном забылись тысячи заключенных. Ни шороха, ни шагов не слышат охранники.

Но вот беззвучно открываются двери камер. Не отзываются на невесомые шаги всегда грохочущие плиты пола. Невесомо вынымаются спасительное «окно» в железной двери, ведущей к выходу, в тоннель. Одно это «окно» — подвиг, он в любую минуту мог быть оборван выстрелом. Чтобы сделать лаз, узникам форта пришлось просверлить 360 отверстий, и все это под носом у охранников и в глубочайшей тайне даже от самых близких друзей — соседей по камере. Но если каждому из отверстий была назначена цена жизни — значит, были у узников причины для побега более страшные, чем смерть...

Нет, сколько ни пытаюсь, не могу представить, как шестьдесят мужчин и четыре женщины беззвучно прошли в это отверстие, накрывшись простынями, проползли освещенное прожекторами пространство. Прежде чем достичь шестиметровой стены, надо было еще подняться на крутой склон, и они, измученные лагерным голодом, поднялись. По собранной из досочек лестнице взобрались на стену, по этой же лестничке перебрались через тысячи колючек проволочного заграждения. Оказались на свободе. В истории Девятого форта, пока он был тюрьмой, ни до этой ночи, ни после нее не было ни одного побега...

Чрезвычайная Государственная комиссия, расследовавшая преступления фашистов в Каунасе, установила: почти во всех фортах находились заключенные. Девятый же форт был превращен в международную фабрику смерти, и называлась она в гитлеровских документах цинично «Предприятие № 1005-Б». Газовая камера не могла «обработать» всех расстрелянных — а комиссия установила, что расстреляно было здесь 80 000 человек, — и поэтому трупы закапывали в глубоких рвах. Когда же стало очевидным, что советские войска перешли в наступление и отныне будут идти только вперед, только на запад, в Девятом форте прибавилось «работы»: надо было и расстреливать и выкапывать расстрелянных ранее, чтобы сжечь трупы, уничтожить следы. Преступники решили делать это руками заключенных. Так советские военнопленные узнали о страшном масштабе убийств. Среди пленных были офицеры Советской Армии, им надо было не только уйти от страшных костров, но и довести до сведения борющихся народов о преступлениях фашистских застенках. Мысли и чувство осторожности узников были обострены до предела. Учтена была и рождественская ночь, пьяная немецкая сентиментальность и обожание — это у них-то, вурдалаков! — разных чувствительных торжеств.

Наутро после побега свора прибалтийских эсэсовцев кинулась на розыск, даже из Берлина прибыла подмога. Тридцать семь человек, вырвавшихся на свободу, были схвачены и расстреляны. Остальных укрыли подпольщики Каунасского гетто и переправили в партизанский отряд. Этим же утром беглецы составили акт о преступлениях в Девятом форте. Через партизанский отряд и Южный областной комитет Компартии Литвы этот документ самолетом был доставлен в Москву. Уцелевшие узники под командованием своего товарища капитана Советской Армии И. Весельницкого-Веселенко вошли в состав партизанского отряда и с удивительной силой сражались за Отечество.

Торопливо написанный Акт о массовых казнях и преступлениях против человечности хранится в архивах.

Из 80 000 расстрелянных в Девятом форте 10 000 человек были советскими военнопленными. Остальные — антифашисты из всех стран Европы: Польши, Чехословакии, Голландии, Бельгии, Франции, Монако, Австрии... Даже из далекого Алжира.

Если бы не героический побег советских военнопленных в рождественскую ночь, никто не узнал бы об их судьбе и страданиях.

Узников Девятого форта расстреливала банда литовских профессиональных убийц, выпущенных фашистами из уголовных тюрем в самом начале оккупации. Пройдя «опыт» массовых казней в Девятом форте, эти изверги пополнили свой батальон смерти такими же бандитами из литовских буржуазных националистов, распоясавшихся при гитлеровцах, и отправились стрелять, вешать, жечь — на Украину, в Белоруссию, в Латвию, Эстонию, Польшу, Австрию. Входивший в состав этого батальона Пранас Матюкас, до войны работавший печатником, а потом зубным техником, хвастливо признавался: «В батальоне я приобрел третью специальность — стал истребителем... Я был любителем пострелять». Да, он был любителем — 20 000 жизней на его совести. А гитлеровский палач Икекельн прибыл из Берлина в Прибалтику с таким заданием: «...Прибалтику полностью очистить от латышей, литовцев, эстонцев и заселить ее немцами...»

Часть военных преступников была осуждена в Нюрнберге. Но сотни сподвижников Икекельна и Матюкаса удрали, причем многие в Америку. Это ведь очень гостеприимная страна: не задумываясь о пище и крове для своих безработных, она холит и лелеет каждого предателя, перебежавшего за океан, чтобы за доллары лить помой на мир социализма. А уж палачи-то, расстреливавшие антифашистов, четыре десятилетия окружены нежнейшей любовью Белого дома.

Девятый форт после войны стал музеем. Его сотрудники, деятельные молодые люди, по крупицам собирают историю форта. А началась эта история давно. В 1882 году правительство царской России решило превратить Каунас в город-крепость, поставить преграду на этом вечно несущем беду Польше, Литве, России пути, что воинствующий германизм испокон

веку называл «дранг нах остен» — «наступление на восток». Каунас предполагалось окружить двойным кольцом фортов. В первом кольце их было запланировано и построено девять, а строительство второго кольца не было начато, потому что вспыхнула та война, с которой начался трагический отсчет глобальных войн, — первая мировая. Но тогда в ходе сражений каунасские форты не сыграли никакой роли, хотя могли бы устоять против любого натиска: с инженерной точки зрения крепостные сооружения были построены безупречно. Мощные стены, глубокие подземелья для боеприпасов покрывал земляной, заросший травой вал, делавший крепость неуязвимой. Но метастазы «дранга» через близкое родство царской семьи и дома Габсбургов задолго до начала войны оплели сановный Петербург, Зимний, Сенат, Думу, проникли в Ставку... Тогдашний комендант каунасской крепости просто сдал форты без боя. С предательства началась их история.

Потом, после поражения, с помощью все тех же кайзеровских штыков, фортами занялась литовская буржуазия. У нее был особый «характер». Едва возникнув в небогатой, полуграмотной стране, она стремилась захватить все ценности бывших польских магнатов и впадала в неутолимое стяжательство, бредовый шовинистический угар, принялась крушить все, что ей противостояло. О ее конце мы можем судить по фильму «Никто не хотел умирать», в котором наравне с высокой художественностью соблюдена и глубокая обобщающая документальность. Началом же озверения новоиспеченных хозяев Литвы можно считать малоизвестный факт: чуть ли не первой в Европе, раньше Гитлера или одновременно с ним, литовская буржуазия в каунасском первом форте оборудовала для казни... газовую камеру! В четвертом форте тюремщики разными доступными им способами убивали коммунистов. В 1926 году после зверских пыток были погублены К. Пожела, К. Гедрис, Ю. Грейфенбергис, Р. Чарнас. Литовский художник С. Жукас, бывший узник Девятого форта, написал в те годы картину. Людей нет в ее темном пространстве, но главные атрибуты власти палачей наготове: виселица с петлей на переднем плане, железные решетки, колючая проволока. Может быть, больше всего в картине потрясает тяжелое безмолвие камня, как бы замершего в ожидании предстоящего... «Литва — тюрьма» — так были озаглавлены листовки, написанные в казематах и проникавшие на волю. В маленькой стране, кроме каунасских фортов, в годы господства буржуазии было еще три концентрационных лагеря — в Димитраве, Пабраде и Правенишкесе.

Вот такие «родители» произвели в годы оккупации на свет Литовский батальон смерти. Он проходил под разными номерами — то 1, то 12, то 13. Уцелевшие жители Даугавпилса, Дедовичей, Львова, Житомира, Варшавы и Вены и сейчас с ужасом вспоминают этот батальон с его самодельным знаменем — изображением мертвой головы со свастикой в зубах

и газовые, поглощающие жизни печи...

Тяжело стоять у экспонатов музея Девятого форта. Медицинская экспертиза, освидетельствовавшая следы гитлеровских преступлений, обнаружила груды пепла и недогоревших костей. Останки погребены в бывшей камере под стеклом. Здесь всегда живые цветы. В стеклянных сосудах хранится все, что осталось от тех, кто когда-то был молод и счастлив, кто покоил своих внуков и кто по-детски играл даже в пыли лагерьных пустырей... Люди уходят отсюда с потрясенным сердцем.

Изо дня в день мужественно водит экскурсии литовская комсомолка Рима Урженене. Она рассказывает нам все, о чем написано здесь. И немножко о себе:

— Мой отец, в годы войны ставший из мальчишки юношей, сразу после освобождения Литвы вступил в комсомол и в отряд по борьбе с фашистским охвостом. Бандам этих садистов, привыкших к бесчисленным убийствам, противостояли сильные, здоровые духом и разумом люди, и, конечно же, убийцам пришел конец. Отец, ныне рабочий керамического завода, дал меня пример во всем. Для моего поколения война уже стала историей, только история эта всегда будет наполнена кровью и огнем борьбы за справедливость. Мы, сотрудники музея, по крупицам собираем воспоминания людей обо всем, что имеет отношение к каунасским фортам. Сейчас у нас идет реставрация, мы раскапываем здесь помещения, в которых никто не бывал с 1915 года... А памятью павшим стал новый монумент в поле, новое здание музея и витраж Казиса Моркунаса «Непобежденные», своим величием и эмоциональностью без слов рассказывающий о трагедии и мужестве узников Девятого форта, и не только его — о неопределимости всех, кто восстает против зла и насилия... А теперь извините меня, — говорит Рима, — приехали ленинградцы, я хочу провести эту экскурсию сама. Я очень люблю и уважаю жителей Ленинграда: это люди, вообще тонко чувствующие и по-особому понимающие трагедию войны.

* * *

В десятилетия складываются послевоенные годы, и у каждого из них свои заботы. Но постоянной и главной остается одна — сохранить мир. Встают и встают на нашей земле памятники тем, кто погиб, защищая жизнь, или пал безвинно. Без слов говорят монументы — ни одно поколение нашего народа не забыло войны. Пионеры, дети тех, кто родился после войны, разыскивают следы затерявшихся, и находят, и принимают их тяжкие судьбы в свои сердца...

А что снится тем, кто превратил в развалины Хиросиму и Нагасаки? Кто по-гитлеровски повторил трагедию Сонгми? Кто лишил свободы Чили, Сальвадор, Гренаду? Кто грозит всему миру атомной гибелью?

«Предприятие № 1005-Б» напоминает: не бывает неизвестных войн, не бывает неизвестных, сокрытых от мира военных преступлений.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ГРОМЫКО

К 75-летию со дня рождения

Фото И. Филатова

Жизнь, отданная искусству

Будучи, безусловно, верным и умным учеником Вахтангова, Завадский прочно сохранял в душе, в сознании, во всей собственной творческой практике все то, что обрел в жизни рядом со Станиславским... Но в то же самое время нельзя было не видеть в Завадском — наверное, даже в том юном, блистательном красавце, каким, например, он был и в «Турандот» у Вахтангова и в «Горе от ума» на сцене Художественного театра, — что его особая «самостоятельность», его артистическая индивидуальность, его неподдельное и неискоренимое изящество, таящее за собою творческое начало (не только внешнее, но и внутреннее), позволяли ему оставаться самим собой, быть личностью и в те далекие и сложные двадцатые годы и во всю последующую его жизнь...

Его судьба, снаjem сразу, была непростой, но счастливой и яркой судьбой талантливого организатора, строителя театра и руководителя таких великих, неповторимых артистов, которые во всем верили ему, шли с ним рядом до самого своего конца и оставили — во многом благодаря именно Завадскому — свой собственный, яркий, немеркнущий свет в искусстве. Достаточно назвать хотя бы только этих, ушедших из жизни ранее Завадского, сподвижников его и соратников, какими были артисты гениальные, друг на друга совершенно непохожие: Орлова, Марецкая, Мордвинов...

Пришедший от Вахтангова к художественникам, Завадский еще в пору своей работы и, конечно, учебы у Станиславского создал собственную театральную студию, где и Марецкая и Мордвинов были ведь его, совсем еще молодого Юрия Завадского, учениками. И уже тут он, претворяя в жизнь сугубо по-своему, с особым, свойственным ему изяществом сценических решений систему Станиславского, добивался прежде всего полноты и глубины образа, подлинной жизненности. Но не литературной его точности и не «бытовой» жизненности, а острой и яркой художественной правды, которая и делает пьесу на сцене высоким явлением творчества. Искусством.

Приблизительность образа — сиречь вежливое равнодушие актера к той, необходимой театру и необходимой сцене внутренней наполненности, силе изображения, так же гневил Завадского, как и Вахтангова и Станиславского. И Завадский признавался, что на всю жизнь запомнил слова, сказанные однажды Константином Сергеевичем о некоем произведении театра: «По сцене ходят какие-то недоноски...»

Завадский сохранил это, как он определил, «убийственное выражение» на всю жизнь.

В своих актерских работах и позднее, когда сам стал режиссером, он непременно утверждал на сцене «жизнь человека

ского духа». Но всегда вносил свое собственное отношение к этой жизни, свое понимание человека. Чацкий, например, в «Горе от ума» на сцене Художественного театра для Завадского внутренне был совсем иным, чем для Ливанова, для Качалова... Завадскому Чацкий казался скорее неким новым Дон-Кихотом, чем обличителем отсталых нравов... А ведь от ощущения артиста — пусть его одного — зависит иногда все в целом настроение, звучание постановки.

Да и князь Трубецкой Завадского в спектакле «Николай I и декабристы» потребовал чуткой и глубокой помощи Станиславского, который подчеркнул, что главное в поисках артиста не острая характерность пластики, грима, всего сценического поведения в целом, но сила и красота внутренних переживаний, историческая значительность судьбы героя.

И, наконец, совсем непохожая на предыдущие, третья большая роль: граф Альмавива в «Женитьбе Фигаро»... Подумать только, три года готовился к выходу на сцену этот спектакль, явившийся, быть может, одним из самых серьезных (и поэтому столь длительных) проверок Станиславским всех главных положений его системы, его учения. И силы учеников.

Порой Константин Сергеевич сердился на молодого Завадского за те отклонения от системы, про которые он говорил, что вот, Юра опять «турандотит»... Но, пожалуй, ведь и самое это «турандотство» сегодня-то все же предстает несомненной смелостью артиста, который позволял себе «сметь свое суждение иметь». Даже рядом со Станиславским... Именно переезд Завадского из Москвы в Ростов-на-Дону дал ему полную самостоятельность художника, руководителя коллектива.

В этом «скачке» была своя закономерность; была некая завершенность судьбы целого поколения семьи, преданной искусству; мать и отец Завадского, тетки и дяди, бабка и дед — все имели незаурядные артистические склонности, все пользовались признанием московской интеллигенции и любовью людей, их окружающих; хотя профессиональным артистом стал только Юрий Александрович, собиравшийся (до встречи с Вахтанговым) стать художником.

Живопись он считал своим

главным призванием. Но ведь и встречи с Серовым, Коровиным, Врубелем понадобились будущему режиссеру. Как и знакомство с семьей Лужских, с Маяковским. Все яркое, смелое западало в душу, оставляло в ней не просто следы, но формировало личность. А Вахтангов и Станиславский с их коллективами мастеров определили эту непрерывную внутреннюю творческую работу.

И таким вот, созревшим вполне деятелем Искусства открывал Завадский свой новый, ростовский, полностью самостоятельный период. И это уже тридцатые годы, требующие больших свершений, социально зрелых, нужных народу образов сценических героев. И Завадский ставит — ярко, свежо — «Любовь Яровую» Тренева, «Славу» Гусева. А вслед за ними на сцене и Шекспир — «Укрощение строптивой» с неповторимой Марецкой в главной роли, и Погодин — «Человек с ружьем», и многие другие спектакли. И уже через три года — Москва, Театр имени Моссовета, в ту пору — МГСПС...

Мордвинов — неповторимый Отелло, а затем он же Арбенин в «Маскараде»... Вера Петровна Марецкая — Машенька в одноименной пьесе Афиногенова; Ванин — Фаюнин, а также Федор Таланов... Астангов в «Нашествии» Леонова. Герага — Ратников («В одном городе»). И опять-таки Ванин — Братишка в «Шторме». И Чапаев... А нынешние, всем известный Ростислав Плятт, Фаина Раневская, Людмила Шапошникова, Леонид Марков, С. Цейц, М. Терехова, Г. Тараторкин...

Да разве назовешь всех, кто принял эстафету творчества от тех, великих!

Есть еще и сегодня спектакли, где не потускнел свет искусства Завадского. Искусства высокого, веселого и живого либо трагического, но чуждающегося «обычной» красоты, стремящегося уйти от сценических будней.

Сохранились «Петербургские сновидения» (по роману Достоевского «Преступление и наказание») — лебединая песня Мастера. Хорош «Теркин», тем более интересный и обаятельный и тем более живой, вечно бессмертный, что в спектакле москвовцев не один и не два Теркина, а целых семь. Творческая молодежь театра, увлеченно создавая коллективный образ героя — рядового солдата Великой Отечественной войны, думаю, тоже несет в себе мысль Завадского. Идею Завадского.

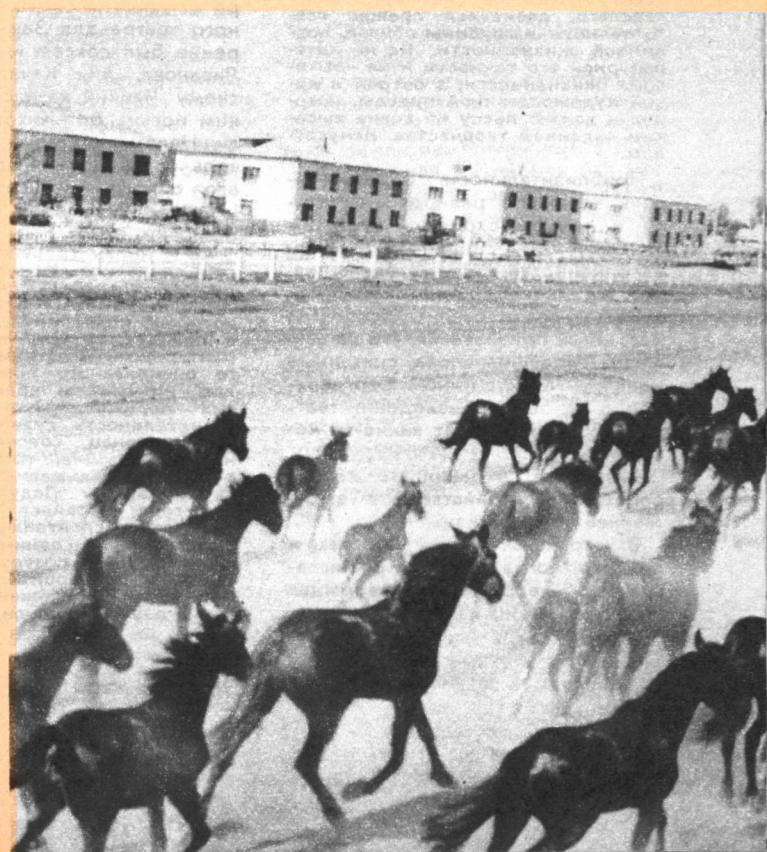
Н. ПАВЛОВА

Целиноградская область,
село Гайдар.
Пионерские почтальоны.

Ю. ЛУШИН,
фото автора

ПОЧТА БЕЗ КАН

Поселение походило на остров. С внешним миром — центральной усадьбой совхоза «Самарский» — его связывала проселочная дорога, так раскисавшая в ненастье, что тридцать километров превращались в неодолимую преграду. У жителей не было не только путной дороги, но и электричества, почтового отделения. Село даже названия не имело, в совхозе оно числилось как ферма номер один. Однако, несмотря ни на что, жители работали и ждали, когда появятся у них асфальт, свет и прочие блага цивилизации, и верили, что большое будущее ожидает место их обитания, весь тот обширный край, который они приехали обживать.

С такой вот веры начиналась судьба многих поселков на целине. И когда уже в наше время слышишь, что та или иная деревня объявлена неперспективной, становится не по себе. Если в деревне, поселке живут люди, если слышится там детский смех, то о какой же неперспективности можно говорить? Кстати, именно дети того безымянного села в «Самарском» дали ему имя. Здесь ребята организовали почту, пожалуй, единственную в своем роде — пионерскую почту!..

Лет двадцать с лишним назад шло в совхозе общее собрание. Как водится, подводили итоги, поздравляли передовиков, радовались целинному урожаю, намечали планы на будущее. О будущем заговорил и молодой директор школы Виктор Акимович Огневой:

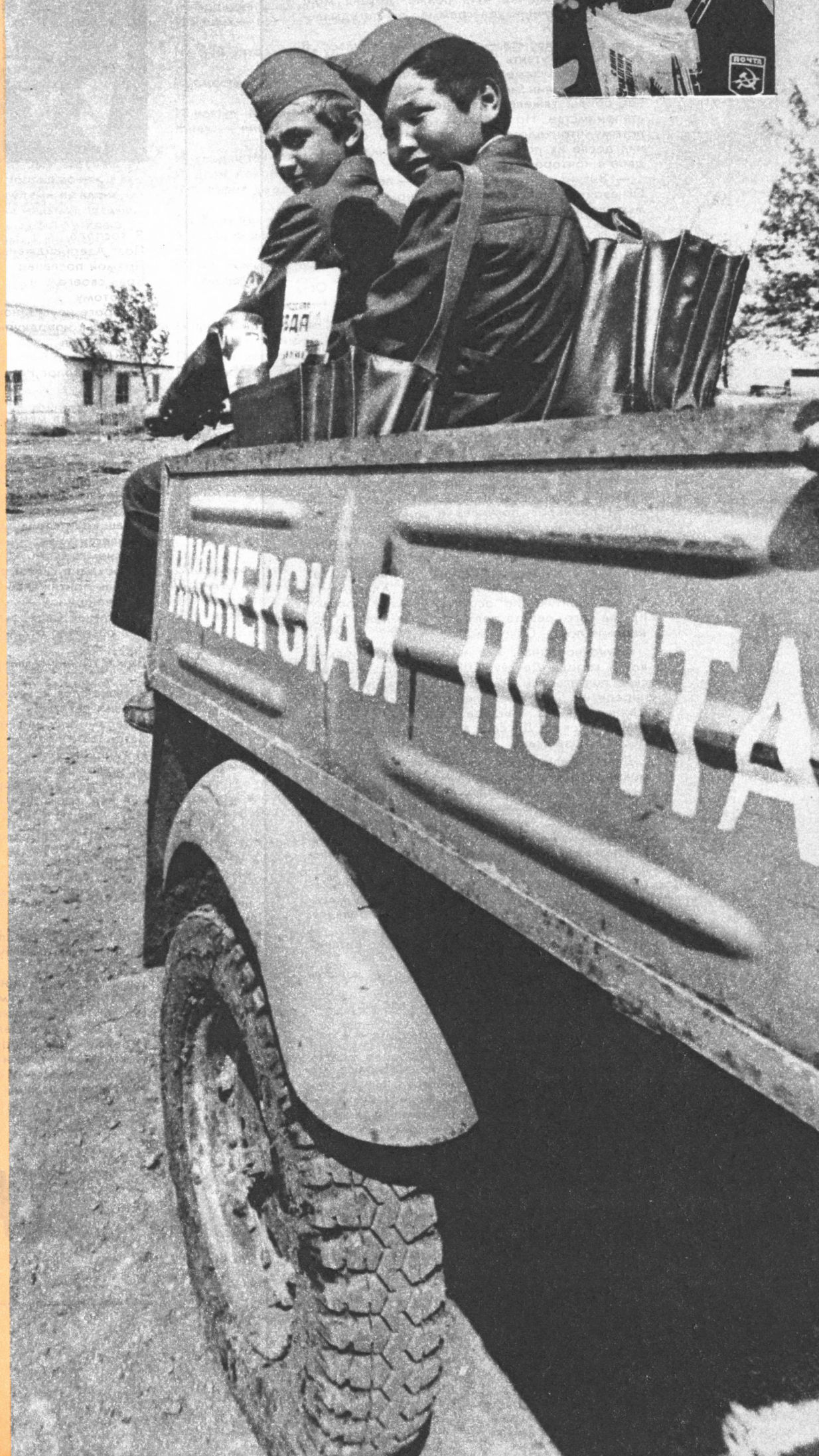
— Вчера наша школа витала на крыльях мечты. И ученики и учителя пытались предсказать будущее первой фермы. Должен признаться, что недостатка в романтиках у нас нет, но вдруг встал третьеклассник и тихо спросил: а как в том прекрасном будущем назовут наше село? Все замолчали, а мальчик уверенно сказал: его назовут именем Гайдара.

— А что, неплохая идея! — выкрикнул кто-то с места.

— Я тоже так считаю, — продолжал Огневой, — поэтому передаю просьбу наших школьников, желающих, чтобы отныне село называлось «Гайдар».

Через некоторое время из Алма-Аты пришла весть, что Президиум Верховного Совета Казахской ССР утвердил предложение школь-

Сегодня почту развозят
Игорь Песеуков и Нурлан Избастенов.

ИКУЛ

Совхоз «Самарский».

ников. С той поры письма, телеграммы, посылки, газеты и журналы имели точный адрес: село Гайдар.

Но вот беда, в Гайдаре не было почты, корреспонденцию складывали в конторе, а разносить ее было некому... Однажды после очередного школьного звонка на урок математики Виктор Акимович Огневой вошел в класс и бросил на ходу:

— О математике чуть позже, друзья мои! Сейчас о срочной телеграмме. Не догадываетесь, почему?

— Догадываемся,— хором ответил класс. В селе трудно утаить любую новость, и все знали, что к Мухамеджану Байкенову приехали гости, а хозяин не встретил их... Для казаха нет обиды тяжелее, чем подозрение в негостеприимстве. Но Байкенова гости не винили, потому что телеграмму о приезде он получил после их появления (она пролежала суток двое в конторе среди газет).

— Значит, догадываетесь?— переспросил Огневой.— Очень хорошо. В таком случае самые догадливые, может быть, подскажут, как помочь делу?

— Нужно попросить, чтобы в Гайдаре открыли почтовое отделение,— предложил кто-то.

— Холодно, ребята, холодно,— ответил Огневой.— Не положена нам почта.

— Сами будем разносить по домам письма и газеты!

— Уже теплее! А что, если нам пойти дальше? Не только доставлять корреспонденцию, но и принимать письма, отправлять их, вести подписку на газеты и журналы, работать как на самой настоящей почте?

— Го-ря-чо! Ура!— хором одобрил класс.

— Ура-то, ура,— засомневался вдруг Виктор Акимович,— только справитесь ли?

Они справились. Двадцать третий год существует в селе Гайдар пионерская почта. Начали с разноски пятнадцати газет, теперь почта пионеров получает и доставляет ежедневно сотни газет, журналов, подписных изданий и другой корреспонденции. Министр связи Казахской ССР в специальном приказе объявил благодарность юным почтальонам за хорошую работу, пригласил их в Алма-Ату и вручил сшитую по особому заказу форму. Кроме того, ребята получили штемпель: «Пионерская почта. Село Гайдар».

Случайно узнав, что у немецких школьников в городе Дессау, ГДР, тоже есть пионерские почтальоны, гайдаровцы завязали с ними переписку, которая переросла в дружбу. Школьники из Гайдара побывали у своих сверстников в Дессау, затем те погостили у ребят в Казахстане.

Давно стали взрослыми первые пионерские почтальоны, и теперь на почте работают ребяташки, родившиеся намного позже дня ее основания. Давно провели в Гайдар и асфальтовое шоссе и электричество, есть там и телевизоры, заметно прибавилось новых домов.

Я приехал в Гайдар, когда школьников выпустили на каникулы. Стояло тихое летнее утро, начинался сенокос, и по этой причине село обезлюдело. Только у школы стоял мальчишка в форме почтальона. Я поздоровался, он солидно представился:

— Начальник почты села Гайдар Виталий Швабауэр.

— Значит, ты работаешь. А как же каникулы?

— Почта каникул не знает!— не терял солидности начальник.

— Да, да, конечно,— согласился я,— а кто тебя назначил начальником почты?

— У нас не назначают. У нас выбирают. До меня была Батима Исмагамбетова. Но Батима окончила восьмой класс, а школа у нас восьмилетняя... Теперь меня выбрали. А вообще на почте работают по графику ученики с четвертого по восьмой класс...

Тут подъехала машина с белой диагональной полосой на борту. Почтовая. Виталий принял мешок с почтой и расписался в документах. Машина покатила дальше, а ребята потащили мешок в школу, где принялись за сортировку корреспонденции. Через полчаса они с почтовыми сумками поспешили в разные концы села.

Атбасарский район, Целиноградская область.

Джабир НОВРУЗ

ОТ АВТОРА

Во время поездки по США меня, советского депутата, познакомили с работой муниципальных советов. Год был на исходе, и обсуждались бюджеты на предстоящий период. На одной из таких встреч предоставили слово и мне. Зал битком набит. Включены микрофоны и магнитофоны. Я сказал, что не являюсь финансистом и буду говорить как поэт...

Я, господа,
Поэт Азербайджана,
Прямой посланец
Края своего,
И потому
В дороге неустанной
Свободы неподкупный вестовой.
Я вижу даль,
Где Драйзер был воспитан,
Я слышу голос Робсона
Вдали,
Я знаю,
В гости ждал меня Уитмен,
Великий гражданин своей земли.
Его живые,
Взвихренные строки,
Рожденные из чистого огня,
Меня пленяли
И в земные сроки
В ваш край спешили
Привести меня.
С огнем в душе
Я проходил сквозь годы,
Сквозь притяжение истин и планет
И с женщиной —
Со статуей Свободы —
Вел разговор открыто,
Как поэт.
Здесь тысячу желаний носит

ветер,
И тыща слов врывается в строку.
...А вы, наверно,
В первый раз на свете
Встречаете поэта из Баку?
И в первый раз
И, может быть, в последний
Я посещаю ваши берега,
Где над моею думой многолетней
Идут минуты и текут века.
Я открываю вам,
Покуда время
В запасе есть,
Покуда слышит зал,
Поэта сердце, льнущее

к поэме,—

И потому, что думал, то сказал
И речь повел, как будто спутал

карты
И вышел сам на линию огня,—
Я говорил с запалом и азартом,
И мэр глядел недвижно на меня.
За рядом ряд сидели тихо в зале
И белые и черные подряд,
Покашливали тихо и молчали —
Порой молчаньем тоже говорят.
И женщина, усталая, седая,—

Фрагменты поэмы.

В ее морщинах виделась печаль —
Глядела грустно, взглядом

проводя
Слова мои в невидимую даль.

И рядом с нею, всякий в новой

позе,
Речь толковал — на свой, конечно,

лад...
Но было что-то общее в вопросе,
Поставленном как будто наугад.

— Ко всем, кто жив,
Кому на белом свете

Неправда память не заволокла,
Я обращаюсь в грозный час

столетия:
Давайте бить во все колокола!

Над нами веют атомные ветры,
И пахнет в теплом воздухе войной,
И дышат черным пеплом

километры
Дороги сельской, маленькой,

земной.

И сотни наций, тысячи наречий
Готовы кануть в новый Вавилон,
И может сгнуться род людской

навечно —
В руинах всех народов и времен.

Хочу, чтоб в час,

когда на небе звездно,
Тревога клич по странам

разнесла:
— Во всеоружье — ведь еще

не поздно! —
Давайте бить во все колокола!
Давайте в сердце каждое

стучаться
В глобальный час, в нейтронный

этот час,
Давайте на Земле не

разлучаться —
Миллионы вас и миллионы нас...

Ответьте мне, кто может мне

ответить,
Зачем и почему в наш трудный

век
Косая тень лежит на белом свете
И обесценен в мире человек?

Его огнем и пулями разила
И возводила груды из костей
Слепая человеческая сила
Особых, разрушительных мастей.

Она в наш век себе снискала

славу,
Она собой затмила все пути,
Ракеты — слева, и ракеты —

справа,

ДАВАЙТЕ Б

И страшно думать: что же
впереди?
И день и ночь гудит тревожно
воздух,
Мильоны глаз оружие сторожат,
И, плача от отчаяния, звезды
Над хрупким миром день и ночь
дрожат.
И потому ко всем, кому на свете
Неправда память не заволокла,
Я обращаюсь в грозный час
столетия:
Давайте бить во все колокола!

Передо мной, куда ни взглянешь,—
люди,
Куда ни взглянешь,— люди:
стар и млад...
Я верил — многих речь моя
разбудит,
Ведь слово камень рушит,
говорят...
Вот женщину седую я заметил,
Жаль, не сумею никогда понять,
Какой судьбой вело ее по свету,
Кому она на белом свете мать...
А вот еще две женщины, два
мира,
По жестам вижу — спорят обо
мне...
И щелкают совсем не для
блезира
Фотографы, довольные вполне.
Мне кажется, что я иду границей
И рушу пограничные столбы.
И переводчик с правом очевидца
Слова за мною ставит на дыбы:

— А знаете вы, что такое — горе?
Что значит боль отцов и матерей?
Что значит — на войне погибший
город
И детский голод — в страхе
у дверей?
Что это значит — кровь рекою
льется,
Что значит—овдоветь, осиротеть...
И, не дай бог, кому из вас
придется
В день свадьбы траур навсегда
надеть.
Смотреть в кино и то невыносимо
На тех, кто в кадры страшные
попал,
Когда вы гриб зажгли над
Хиросимой
И на Вьетнам обрушили напалм.
Война и гибель, пламя, скорбь
и слезы —
Они не гаснут в памяти живой...
Об этом помнят звезды и березы
И миллионы тех, кто под землей.
Мы видели тот страшный
сорок первый,
И сорок пятый, и рейхстаг в огне...
И до сих пор проходит ток
по нервам,
Когда мы вспоминаем о войне:
И женский плач — по всей земле
родимой,
И города — в руинах и дыму,
Где, словно в купине неопалимой,
Мы на земле, не канувшей
во тьму.
Нехватка хлеба нас не подкосила,
И гнева нам хватило и огня.
И дрогнула —
пред ненавистью —
сила,

Ослабла
перед правдою броня.
Четыре года смерть на нас
глядела,
Четыре долгих лета и зимы
Во все концы, во все свои
пределы
Летела смерть, но выстояли мы.
Мы выстояли — мир увидел
стойкость
На линии нещадного огня...
И выстоим всегда! И эта повесть —
В моих устах.
Так слушайте меня.

Я говорю сейчас — не между
прочим!
Я с павшими убит был наравне.
Я ими как поэт уполномочен,
А также — журавлями по весне,
А также — всеми нашими лесами,
Морями всеми в дорогом краю,
И детскими живыми голосами,
Что свято верят в искренность
мою.
Да, я поэт. И всей Земли печали
Со мной, во мне...

И я хочу сказать,
Чтоб лидеры сегодняшние знали,
Что с нами в смерть не стоит
им играть.
...Весь мир, казалось, пробудился
вдруг,
В одном дыханье точно слит
со мной,
В одном движении сотни тысяч
рук —
Весь старый мир, стоявший
за спиной
Все поколения, годы, все века,
Всё жаждающее жизни на Земле —
От пулею сраженного цветка
До жертв Сонгми, затерянных
в золе.

За мной Нью-Йорк нищие
встают,
И Палестины беженцы встают,
Все ивы мира в красоте земной,
В плакучей красоте встают
за мной!
Мне все могилы нашего села
Глядят в глаза — их застилает
мгла.
И все пути, что в Вашингтон
ведут,
Как горы, за спиной моей встают...
На камень камень клался
тяжело,
За родом род сменялись люди
в мире,
Торился путь, добро теснило зло,
И засеивались пахотные шири.

Но мир принадлежит не только
нам,
Разумным людям в голубом
эфире...
Мы только гости временные там,
Мы только постояльцы в этом
мире.
Здесь наше все:
и слава и любовь!
И нашу память не переименуешь.
И сотни поколений будут вновь
Решать
неразрешимую задачу.
Земля! На ней следы
твоих подошв,
Следы давно прошедших
поколений,

Могилы предков, и над ними
дождь,—
Среди родных и чуждых нам
селений.

На ней,
не пряча честные глаза,
Встает великих личностей громада,
Младенцев ваших чистая слеза
И наших — голубая ясность
взгляда.
На ней титан наш мудрый —
Низами,
И вместе с ним — Уитмен ваш
великий,
И новые поэты меж людьми
Живут и пишут праведные книги.

И создаются тысячи чудес,
И дали покоряются такие,
Что верит сердце в истину,
в прогресс,
По будущему носит ностальгию.
Я говорю вам это, как поэт,—
Вы смысл моих речей уразумейте,
И уничтожьте опухоль ракет,
И землю возле них, как дым,
развейте!

Иначе смерть обрушится с небес,
Из атомных грибов дожди на лес
Падут, и ветер неживой подует,
В пожар всю землю превратив
окрест.
Дохнет глухой вселенскою тоской
Среди пейзажей скорбных
и унылых.
С лица Земли исчезнув,
род людской
Останется лишь в книгах
да в могилах...

...Я замолчал, а переводчик мой,
Вернее, переводчица — стояла,
Готовая опять идти за мной,
Все повторить опять за мной
сначала.

Она по-русски знала хорошо,
Хотя и родилась в стране чужой,
Девчонка с украинскою душой.
Она вздохнула грустно, тяжело:
«Пока была жива на свете мама,
Она на мове, всей судьбе назло,
Со мною говорила и упрямо
Мне пела песни чудные свои.
И часто вспоминала Украину,
Просила, чтоб я рассказала сыну,
Как тамошние пели соловьи...
Она свой путь закончила
земной,
И мова одинокая со мной
Осталась в мире—на чужом пиру,
Она умрет, когда и я умру...»

Мне стала эта исповедь мила,
Во мне струну какую-то задела,
А я-то думал, девочка была
Заквашена враждою оголтелой.
Я про себя сказал ей:

«Молодцом!
Нашла ты место в сердце у поэта,
В грязь никогда не ударяй лицом,
Храни в себе как можно дольше
это...»

Огромный город рядом клочкотал,
Людские шумно двигались потоки,
И гул машин и гомон забастовки
За окнами закрытыми витал.
А я передохнул и продолжал:

— Давным-давно собраться
с духом нужно
И обуздать навек источник зла;
Пусть деньги тратятся
не на оружие,
А только лишь на добрые дела.
Пусть деньги те — безденежным
и сирым,
Бездомным их давно раздать
пора!
Пусть не они владеют нашим
миром,
А мир владеет ими для добра!
Не пахнут деньги, говорят?
Нет, пахнут!
Разлуками, трагедией детей...
Они сгорают бомбами и чахнут
В сердцах убитых горем матерей.
И потому,
пока еще не поздно,
Пока гроза нас не заволокла,
Пока над нами солнечно
и звездно,
Давайте бить во все колокола!

Зал точно замер в тишине
суровой,
И, прежде чем совсем закончить
речь,
Я замолчал и огляделся снова,
И — как гора с моих свалилась
плеч.
Остыл мой пыл, и гнев улегся
первый,
И ненависть, что так владела мной:
Семнадцать дней натянутые нервы
Расслабились расстроенной
струной.
Я был как море после бури
страшной,
Что медленно входило в берега,
Я как сгоревший уголь был
вчерашний
В золе полупустого очага...

Америка — раздвоенное чувство,
Расколота надвое страна:
За метром метр лежат границы
густо,
За пядью пядь она разделена.
Здесь «Аполлоны» мирные,
и к Марсу
Протянута космическая нить.
Там наркоманов воющие массы,
Готовые за доллары убиты.
Присмотришься: роскошные
чертоги,
А рядом с ними — горе и нужда,
И преступленья страшные в итоге,
И нелюдская страшная вражда.
Пускай не все постиг я и отметил,
Но, уезжая с этих берегов,
Я чувствовал: друзей у нас
на свете
Все ж больше, чем озлобленных
врагов.
И потому ко всем,
кому на свете
Неправда память не заволокла,
Я обращаюсь
в грозный час столетия:
Давайте бить во все колокола!

Перевела с азербайджанского
Надежда КОНДАКОВА

ИТЬ ВО ВСЕ КОЛОКОЛА!

Светлана СТРИЖНЕВА,
директор Государственного
музея В. В. Маяковского

Аида СЕРДИТОВА,
зав. сектором
рукописно-документального
фонда Государственного
музея В. В. Маяковского

М АСТЕР ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. В. КАМЕНСКОГО

Этот веселый, полный энергии человек был удивительно многогранен. Самобытный поэт, актер, художник, прозаик, блестящий оратор, превосходный исполнитель своих стихов, один из первых русских авиаторов. И во всех этих обликах, по его собственному выражению, — «непромокаемый оптимист».

Чем бы ни занимался Каменский, чему бы ни отдавал свои силы, он делал все со страстной увлеченностью и вдохновением. «Василий Каменский, — утверждал А. В. Луначарский, — прежде всего энтузиаст. Его талант, его культурное значение, его личное обаяние сводятся прежде всего к тому, что он энтузиаст, что он вечно и прекрасно взволнован: живописно, эмоционально, музыкально взволнован, вечно вибрирует и со стихийной силой стремится заставить всех окружающих вибрировать в унисон с собой.

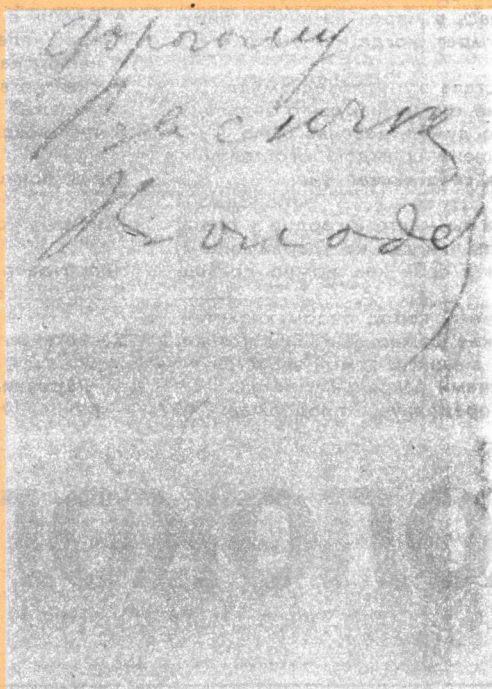
Этот жизненный энтузиазм и это стремление заразить им составляют большую долю каждого жизнерадостного оптимистического поэта».

Среди десятков книг с дарственными надписями Владимира Маяковского, хранящихся в Государственном музее В. В. Маяковского, автографы, адресованные Каменскому, относятся, безусловно, к числу самых теплых и дружеских. «Дорогому Васе Любящий Вол. Москва 22/V 21 г.», — написал Маяковский на титульном листе книги «150 000 000», а в 1925 году Каменский получает от Маяковского изданное отдельной книжечкой в Нью-Йорке стихотворение «Необычайное приключение» с автографом автора: «Дорогому Васичке Володя». Так Маяковский мог обратиться только к очень близкому человеку.

Василий Каменский.
Рисунок А. Лентулова.
Публикуется впервые.

Дарственная надпись В. Маяковского В. Каменскому.

Они были друзьями, несмотря на разницу в характерах, в отношении к жизни, в творческой манере, в основных поэтических темах. Знакомство их состоялось осенью 1913 года, а начало дружбе положила совместная с Д. Бурлюком поездка по городам России, начавшаяся зимой этого же года, с лекциями, утверждавшими новую поэтическую программу, и чтением стихов.

Очень тесно они были связаны и в первые послеоктябрьские годы. Каменский, встретивший революцию так же восторженно, как Маяковский, неутомимо выступал на собраниях и митингах, вместе с Маяковским активно участвовал в наглядной революционной пропаганде. Он даже написал специальный «Декрет о заборной литературе, о росписи улиц, о балконах с музыкой, о карнавалах искусств», вошедший в сборник его стихов 1918 года «Звучаль веснянки» (где было опубликовано стихотворение «Маяковский»). Этот декрет был выпущен и отдельной листовкой, которую Каменский расклеивал на улицах Москвы.

Восприняв победу рабочего класса как всенародный праздник, он призывал мастеров искусств расписывать фасады, заборы, тротуары, украшать улицы плакатами и картинами, расклеивать на них свои стихи.

Общим для поэтов было стремление поставить все виды искусства на службу революции. Маяковский много работал в кино. И когда в 1918 году снимался фильм по его сценарию «Не для денег родившийся», Каменский был приглашен им на роль поэта, читающего свои стихи. «Для этого он. Маяковский, ввел сцену «В кафе поэтов», где мы должны были писать свои стихи мелом на черной стене, — вспоминал Каменский. — Я был одет в длинную полосатую бухарскую блузу. Читал стихи и писал мелом на стене из поэмы «Степан Разин»:

Сарынь на кичку...

Сцену в кафе режиссировал сам Маяковский. И то, как он режиссировал, тоже было заснято кинооператором.

Роль Ивана Нова Маяковский исполнял, по-моему, блестяще...

Как-то в беседе с Луначарским в конце 1910-х годов Маяковский выразил свое теплое и дружеское отношение к Каменскому и высокую оценку его поэзии: «Вася чудесный парень, я считаю его лучшим современным поэтом... После себя, конечно... Только он другой. Весельчак, гармонист, песельник...»

Каменский в те дни был пылающим костром энергии. Его, по выражению Луначарского, «сразу и сильно полюбили». Первым из литераторов он был избран в Московский Совет, стал первым председателем Всероссийского Союза поэтов.

Незаурядность личности Каменского, обширные дружеские связи, интересные встречи и события, которыми была полна его жизнь, обусловили своеобразие материалов, составивших фонд поэта, в Государственном музее В. В. Маяковского.

За последние годы этот фонд значительно пополнился его письмами товарищам по искусству, родным, друзьям и фотографиями.

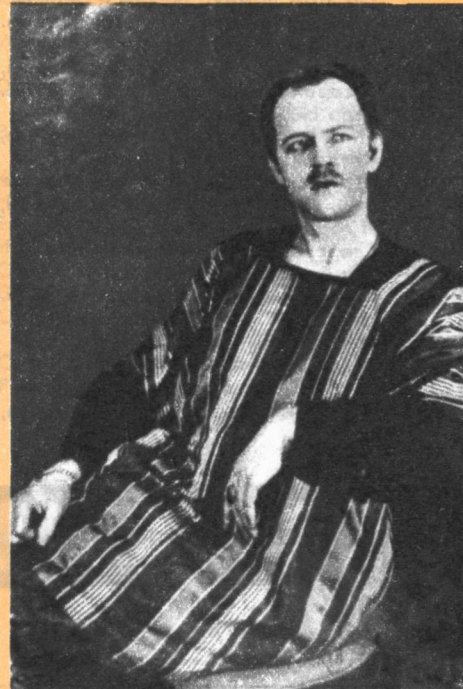
Обращает на себя внимание один из малоизвестных юношеских снимков поэта, недавно переданный в музей его вдовой Валентиной Николаевной Козловой-Каменской. На лицевой стороне фотографии обозначен театральным псевдоним Каменского — В. В. Васильковский.

О «совершенно бешеном» увлечении театром, которое привело его на подмостки, Каменский, вспоминая зиму 1902 года, писал:

«Театр лишил меня спокойствия и сна. Театр со всем многочисленным ансамблем влез в мою впечатлительную грудь и там давал сплошные сумбурные представления. Театр стал мной, а я — театром».

Весной он оставил место конторщика на Пермской железной дороге и, несмотря на предостережения товарищей: «Пропадешь!» — под покровительством актера Помпы-Лирского поехал в Москву, где вступил в члены театрального бюро. Играл в Севастополе, Тамбове, Кременчуге, в Николаеве попал в труппу Вс. Мейерхольда. По словам Каменского, именно Мейерхольд посоветовал ему бросить театр ради литературы, что он и сделал довольно решительно. К этому времени пришло разочарование в возможностях случайно сложившихся сезонных трупп, в которых ему довелось играть, появилось сомнение в правильности избранного пути. Но приверженность к театру сохранилась навсегда. Уже в 1944 году в письме к В. Ф. Матову он признавался: «Я ведь не просто интересуюсь театром, а люблю какой-то чародейной, потайной любовью, какой-то особенной стороной души». Каменский был не только страстным театралом, имевшим среди актеров много сердечных друзей, но и драматургом, написавшим около 40 пьес. Правда, художественный уровень многих из них был недостаточно высок и они не дошли до сцены. Но ряд работ для театра представляет несомненный интерес.

В. Каменский на съемках фильма «Не для денег родившийся».

Одной из первых революционных пьес было его «коллективное представление в 9-ти картинах» — «Стенька Разин». В первую годовщину Октябрьской революции этот спектакль был сыгран во Введенском Народном доме силами актеров театра имени Комиссаржевской с участием Алисы Коонен и актера МХТ Знаменского.

Пафос героической борьбы народа за лучшее будущее, которым была насыщена пьеса, как нельзя более соответствовал в то время настроению масс, поэтому она привлекла внимание театральных деятелей и была поставлена в Киеве, Петрограде, Нижнем Новгороде, а в одной из постановок, в Перми, Каменский сам выступил в главной роли.

Вспоминая неоднократные обсуждения с Маяковским вариантов постановок новых пьес, в частности «Мистерии-буфф», Каменский писал: «Мы увлеклись тем, что обычный театр уже казался нам крохотной, ни на что ни годной спичечной коробочкой. Мы мечтали о революционном массовом театре будущего, когда на гигантской арене можно будет уместить тысячи людей, сотни автомобилей и самолетов, чтобы перед миллионным зрителем прошла, скажем, героическая эпопея завоеваний Октябрьской революции... Маяковский предлагал включить моего «Степана Разина» в большой план, чтобы эту пьесу и «Мистерию-буфф» поставить под открытым небом на Воробьевых горах с участием Москвы-реки».

Мечта о грандиозном театральном зрелище, пусть не в такой форме и не в таких масштабах, как это виделось в первые после-революционные годы, воплотилась для Каменского в постановке оперы «Емельян Пугачев» Ленинградским академическим театром оперы и балета в Перми осенью 1943 года. В основу либретто он положил свою одноименную поэму, написанную в 1931 году. Автором музыки был композитор Мариан Коваль. Вскоре после премьеры, получив поздравления от В. Ф. Матова и А. А. Танеевой, Каменский ответил: «Поздравление принимаю с особенным сердцем автора, когда невероятный успех моего «Пугачева» (прежде всего как народной драмы в стихах) изобилует великим счастьем: получилось чудо!.. Я не видал нигде такого яркого праздника торжества в театре... Все шесть картин публично одинаково встречают овациями... Четыре часа поют мои стихи и так поют во весь голос, что я, автор, сгораю от счастья и наслаждения, так как редко в судьбе поэта бывает такое необозримое диво».

Афиша, извещающая о полетах В. Каменского. 1912.

Каменского привела в восхищение работа всего коллектива, осуществлявшего постановку оперы. Его всегда привлекал в искусстве именно творческий союз поэтов, певцов, художников, музыкантов, артистов. Горячие пристрастия Каменского не исчерпывались поэзией, театром, цирком, музыкой, живописью. Он интересовался техникой, любил авиацию.

Он также страстно увлекался авиацией. И, пожалуй, не был бы самим собой, если бы прошел мимо этого увлечения, настолько велика была потребность ощутить жизнь во всей ее полноте, настолько манило все новое, неизведанное. Его никогда не устраивала роль наблюдателя, пусть даже самого заинтересованного. Он всегда становился действующим лицом, активным участником захватывающих событий, которые разворачивала перед ним жизнь.

Авиация делала в то время свои первые шаги. Достаточно одного взгляда на неуклюжие, хрупкие сооружения с полотняными крыльями на фотографиях, собранных Каменским, чтобы представить, с каким риском были связаны полеты на них. Но Каменский делает все возможное для того, чтобы овладеть редчайшей в то время профессией.

С помощью известного авиатора В. А. Лебедева Каменский, испытав аэроплан «блерио» и пробуя свой аппарат на аэродроме в Гатчине и в родных местах на Урале, едет в Варшаву для подготовки к экзаменам на звание пилота-авиатора. Учителем его стал пилот-инструктор Х. Н. Славоров. Каменский так вспоминает время учебы: «Целые дни среди аэропланов. В глазах — взлетающие аэропланы. В ушах — музыка моторов... В мечтах — будущие полеты. О возможных катастрофах никто не говорил».

Весной 1912 года он отправился по городам Польши с лекциями об авиации и полетах. 29 мая в Ченстохове состоялся публичный полет Каменского, который закончился катастрофой и стал последним в его авиаторской карьере. Пилот в тяжелом состоянии со множеством переломов был доставлен в госпиталь. Газеты поместили некрологи, извещавшие о гибели знаменитого летчика и талантливого поэта Василия Каменского. «В статьях меня возносили до гениальности, явно рассчитывая, что я не воскресну», — острит он.

К удивлению врачей, Каменский выздоровел довольно скоро. Захватив с собой остатки аэроплана, уехал в Пермь. В 40 километрах от нее, на реке Каменке, он основал хутор, который на целых двадцать лет — с весны до поздней осени — стал его любимым пристанищем.

Летать перестал, но любовь и интерес к авиации сохранились на всю жизнь. В единственном номере оригинального издания «Мой журнал», выпущенном им в 1922 году, Каменский посвящает специальную рубрику новостям авиации в России и за границей, здесь же публикует фотографию Славорова, упоминающая его в разделе «Мой учитель».

Желание описать пережитое и увиденное было для него очень характерно. В период тренировочных полетов в Варшаве им была задумана драма «Жизнь авиаторская». Сведений о работе Каменского над этой вещью нет, но о том, что она действительно была задумана, говорит, в частности, хранящийся в музее эскиз обложки работы художника Бориса Григорьева, оформлявшего

В. Каменский. 1903—1904. Публикуется впервые.

первую его книгу, — роман «Землянка».

С Борисом Григорьевым, Михаилом Матюшиным, Еленой Гуро и другими «левыми» художниками Каменский познакомился в 1909 году на выставке «Импрессионисты» в Петербурге. В это время, заинтересовавшись живописью, он сам пробовал писать. На выставке экспонировалась его работа «Березы». В одной из автобиографических заметок Каменский не без удовольствия вспоминал: «И. Е. Репин сказал про мою картину: «Хорошая, наивная «Березовая роща» — так вот пишут дети».

В дальнейшем Каменский принимает участие в целом ряде выставок. В 1913 году в Перми он устраивает «Выставку современной живописи», привлекает к ней художников Москвы и Петербурга, сам выставляет ряд своих «детски-ярких» работ.

Ему хотелось, чтобы все окружающее радовало глаз человека. Расставшись с Каменкой и поселившись в Троице, на берегу живописной Сылвы, он перестроил полученный им дом по своему вкусу: украсил резьбой и росписью фасад, в яркие тона раскрасил ворота усадьбы и другие постройки.

Тяжелые физические страдания, пришедшиеся как раз на годы войны, не лишили Каменского жизнестойкости, желания участвовать своим поэтическим словом в приближении победы. Он пишет целый ряд стихотворений, посвященных Красной Армии, поэмы «Чкалов», «Партизаны», «Воздушный бой», работает над «Ермаком Тимофеевичем», последней из своих исторических поэм. Ранее им были написаны поэмы о Степане Разине, Емельяне Пугачеве,

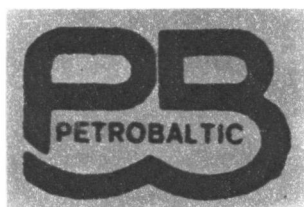
Иване Болотникове, ярко и образно передающие близкую поэту стихию крестьянских восстаний. Эта трилогия занимает центральное место в творчестве Каменского. Ее герои во многом выражают отношение самого автора к жизни и к истории.

Особенно был дорог ему образ Стеньки Разина, к которому он обращался на протяжении всей своей творческой жизни. С исполнения стихотворения о Разине началась эстрадная слава поэта.

В той готовности, с которой Каменский читал свои стихи всюду: на сцене, на палубе парохода, на камском плоту, при встрече с друзьями, на пионерском собрании, — сказались его постоянная душевная открытость и все тот же неугающийся энтузиазм.

«Надо уметь быть мастером в искусстве жизни — творить чудеса... И мой дух энтузиаста, несмотря на всю свою физическую драму, продолжает расцветать при любых обстоятельствах. Унывать не моя специальность...» Трудно поверить, что это строки из письма человека, уже лишившегося обоих ног.

Когда новая болезнь на долгие тринадцать лет приковала его к постели, он все равно не остается бездеятельным: постоянно рисует еще повинующейся ему левой рукой. На этих рисунках, сделанных цветными карандашами, лесные пейзажи сменяются морскими, сцены детских игр — сценами охоты; на них мы видим уплывающие вдаль корабли, летящие самолеты и парящих в небе птиц. В некоторые пейзажи Каменский вписывал дорогие ему имена: Ленин, Маяковский. В этих рисунках Каменского как бы сосредоточилась его духовная жизнь последних лет: воспоминания, мечты и, несмотря ни на какие страдания, надежды.

ПРОРЫВ К «ЧЕРНОМУ ЗОЛОТУ»

Владимир КОВАЛЕВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Июнь на Балтике еще не лето. Семь с лишним часов выматывал наши силы буксир «Кембрий», милою за милей преодолевая расстояние до буровой платформы «Петробалтик». За это время свой крутой нрав море выказало сполна. Укутавшись одеялом непроглядного тумана, обрушивая на легкое суденышко одну волну круче другой, оно на редкие минуты позволяло капитану Виктору Беликову выпускать из рук штурвал и отрывать взгляд от указателя курса. На экране радарной установки луч «цеплял» платформу, которая была совсем рядом, только никак не удавалось рассмотреть ее в молочной пелене.

— Боюсь, наша затея невыполнима, вряд ли пришьвартуемся в такой шторм, — помрачнел не унывавший до этого капитан и поделился своими сомнениями с радистом буровой.

— Корреспондентов сначала примет судно-снабженец «Гранит», отсюда их легче переправить к нам, — успокоил капитана «Петробалтик».

При переходе на польское судно не удалось вернуться из-под соленого ледяного душа. «Кембрий» гуднул, прощаясь, развернулся на обратный курс и минуту спустя растворился в тумане. Прямо над собой увидели мы гигантский стальной остров. Где-то наверху рычали механизмы, слышались отдаваемые по радио команды. Следуя обязательному правилу, облачаемся в ярко-оранжевые спасательные костюмы, весьма схожие со скафандрами покорителей космоса, внимаем, как вести себя в плетеной корзинке — «лифте».

— Главное, покрепче держитесь! — получаем последний совет и, подхваченные краном, уносимся на двадцатиметровую высоту. На палубе буровой обмениваемся рукопожатиями с высокими, крепко сложенными ребятами. На польском, русском и немецком языках принимаем поздравления с благополучным прибытием. Шутливо извиняется за плохую погоду Геннадий Шокуров, заместитель начальника платформы. Позже в своей каюте он обещает завтра столь необходимое для фотосъемки солнце.

— Разве это шторм! Врт в позапрошлую весну веселую ночь пережили, раскачивало, словно маятник. Но работ на буровой не прекращали. «Петробалтик», так сказать, всепогодный, хотя вам лишний раз в этом лучше не убеждаться, — заключает Геннадий, помогая освобождаться от «космических» доспехов, и приглашает к столу.

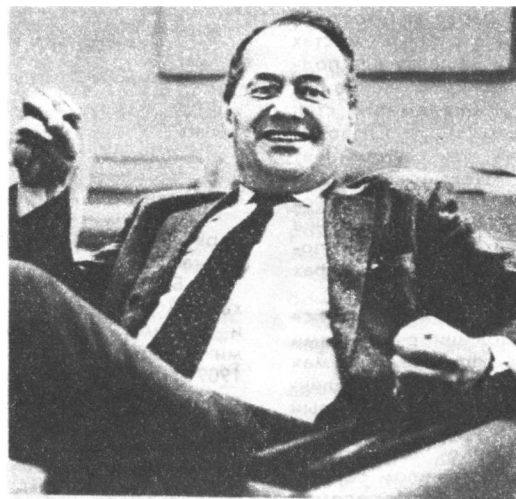
ШАГИ НА ШЕЛЬФ

Давно велись разговоры о том, что Балтийское море таит в себе, помимо традиционных морских богатств, еще и остро необходимые людям нефть, газ, полезные минералы. Разговоры, однако, разговорами оставались, пока буровые на суше исправно наполняли резервуары. Но с некоторых пор ценность каждой тонны материковой нефти, каждого кубометра природного газа стала весьма ощутимо возрастать. В рекомендациях ученых настойчиво проводилась мысль: на службу энергетике и другим отраслям народного хозяйства стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи пора ставить ресурсы моря. Тем более что ныне примерно пятая часть всей добываемой в мире нефти извлекается из прибрежных шельфов.

Дождь свое время и Балтика. Советский Союз располагал необходимым в подобных работах научным и техническим опытом, но поскольку общую морскую границу имеют три прибалтийских социалистических государ-

ства, проблему решено было решать сообща. В ноябре 1975 года было подписано правительственное соглашение о совместных поисках нефти и газа в пределах территориальных вод ГДР, ПНР и западной части СССР. Документ оговаривал создание совместной организации «Петробалтик», которой предоставлялось исключительное право на проведение геологоразведочных и буровых работ. Уже через полгода немецкое геофизическое судно «Импульс», польское «Коперник», корабли советской балтийской экспедиции зондировали акватории Балтики, подтверждая гипотезу о наличии богатств в кладовых Нептуна.

С нетерпением все ожидали начала очередного этапа. Еще до прибытия в Гданьск само-

Директор совместной организации «Петробалтик» Рышард Лабус: «Коллектив у нас отличный!»

подъемной плавучей буровой установки, названной именем совместной организации, из опытных специалистов-нефтяников трех стран были сформированы четыре бригады для работы в море. Польская сторона подготовила две бригады, СССР и ГДР — по одной. Несколько месяцев спустя платформу отбуксировали через Гданьский залив вдоль Хельского полуострова «на точку», открытую всем ветрам Балтики. «Петробалтик» готовился пробурить первую скважину на шельфе.

«ГРАНИТ» СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

С прогнозом Геннадий Шокуров не ошибся. За ночь ветер разметал туман, а проглянувшее бледное солнце оконтурilo горизонт. Слегка, правда, штормило, но чайки покачивались на желтовато-сизой воде — верный признак хорошей погоды.

— У моря характер, как у женщины. За это и любим его. — Заместитель начальника вводит нас в курс распорядка дня, дает ряд дельных советов. За пределами жилых помещений желательно надевать каску: любая мелочь, падающая с высоты, представляет опасность. Курить на палубе и выбрасывать за борт окурки строжайше запрещено.

— Борьба за чистоту окружающей среды?

— Частный случай. Вам представляется редкая возможность сравнить «Петробалтик» с буровыми на суше. Если заметите на воде му-

сор или хоть пятнышко мазута, с меня причитается.

Вспомнились кадры американского документального фильма об экологии морей и океанов: аналогичная буровая и относимый от нее течение радужный нефтяной шлейф... Зная, чем порой оборачиваются подобные работы на Западе, «Петробалтик» провожали в путь раздраженные голоса недругов социализма. «Восточный блок превратит Балтику в резервуар с отходами», «Что даст эта платформа, кроме загрязненного моря и загубленных пляжей?» — вот заголовки газетных и журнальных статей четырехлетней давности.

— Сейчас они помалкивают. Пребывание буровой на шельфе отвечает требованиям Международной конвенции по предотвращению загрязнения воды нефтью, — рассказывал с ноткой гордости в голосе заместитель главного механика Ян Выдерка. — Многие специалисты-нефтяники, бывая у нас, не снимают белых рубашек и галстуков. Санитарные отходы, остатки пищи, бумага, прочий мусор в контейнерах отправляются на берег и перерабатываются. Пролитое масло в машинном отделении смывается в особые колодцы, а затем регенерируется. Глинистый раствор прольется не на воду, а в специальные поддоны. Беречь колыбель всего живого на Земле — наш долг и прямая обязанность.

...На берегу почему-то казалось: удаленные на сотни километров от берега буровые сравнимы с исследовательскими станциями в полярных широтах. С той лишь разницей, что вместо снега — вокруг вода. Тем приятнее было узнать, что и психологическим моментам, связанным с оторванностью от «Большой земли», подошли здесь серьезно. Две недели по-сменному трудятся вахты. Столько же отдыхают в Гданьске, где почти у всех семьи, дети. Чем заполнено свободное время на воде? За пять минут столовая переоборудуется в кинозал, программы цветного телевидения, вот-вот появятся видеоманитофоны, неплохая библиотека с книгами на трех языках. Вертолет регулярно доставляет свежую прессу. В почте спорт, вертолетную площадку облюбовали любители бега. Время от времени разгораются турнирные страсти — на просторной палубе судна-снабженца «Гранит» натягивается волейбольная сетка, и три «сборные» команды — Советского Союза, Польши и ГДР — оспаривают чемпионский титул. Вот только мяч приходится привозить длинным напроновым шнуром к стреле крана...

В радиорубку мы зашли узнать, когда за нами прилетит из Гданьска вертолет. Заодно заинтересовались, нет ли там дождя. Щелчок тумблера — и из щели аппарата выползла подробнейшая карта атмосферных фронтов над всей Европой. Каждые четыре часа такая карта ложится на стол метеоролога, позволяя страховаться от напризлов погоды. Здеешнее хозяйство называют «оком в мир» еще и потому, что каждый желающий может поговорить по телефону с родными на берегу.

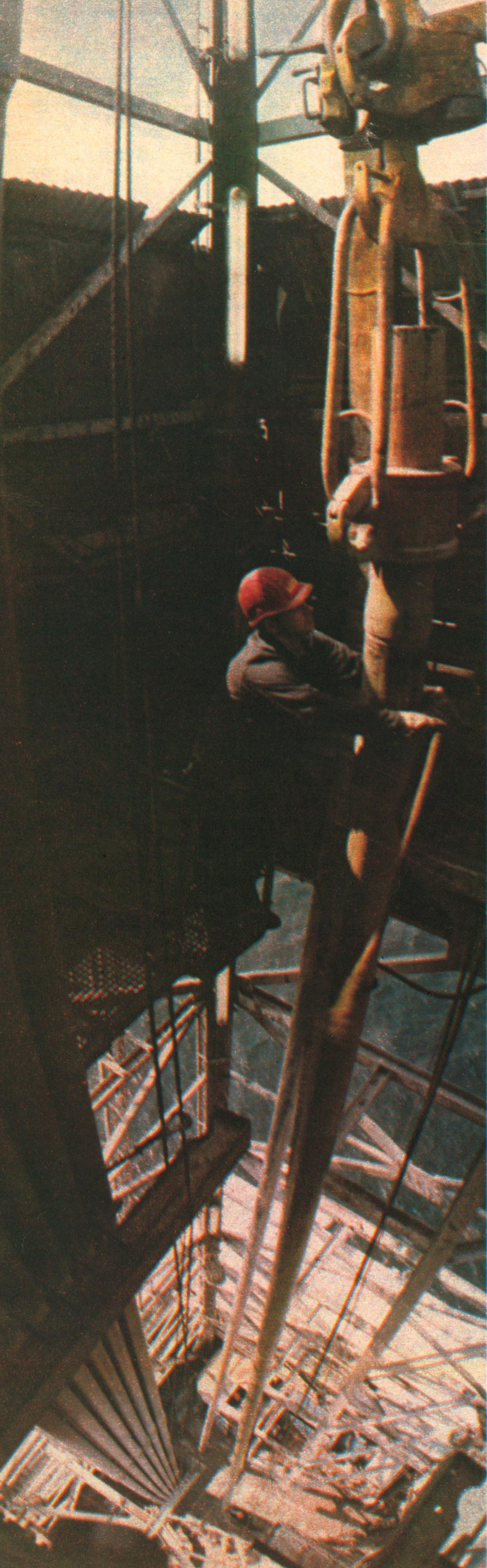
— Позвонить в Москву тоже можно? — спрашиваем у польского радиста Генрика Сохи. — И позвонить, и связаться по телексу с любым населенным пунктом. На нашем острове робинзоада не в почете!

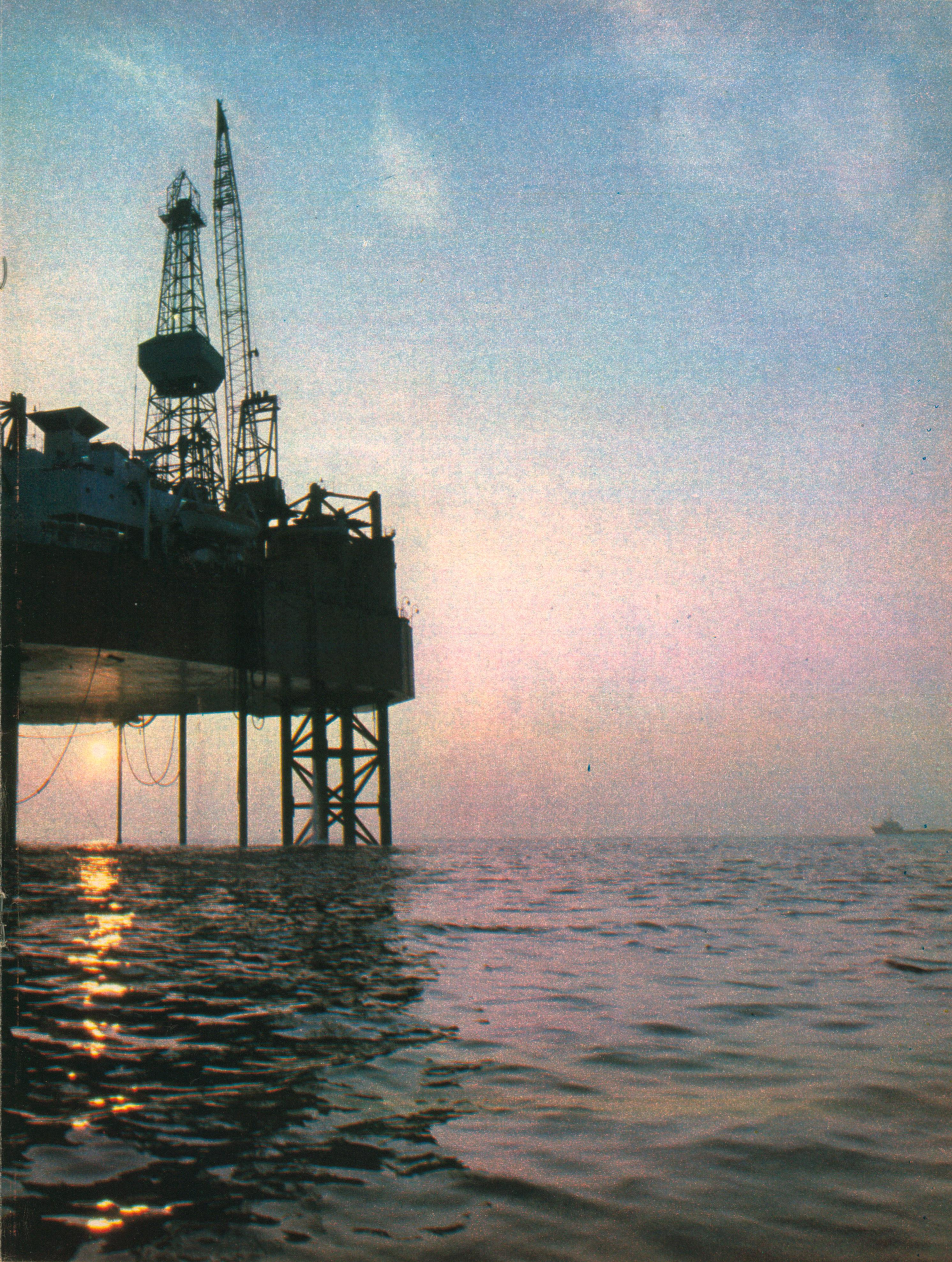
«Петробалтик» по праву именуют платформой-спасателем. В радиорубке нам поведали историю спасения финского рыболовного судна «Апилла». Однажды сквозь помехи на «радиоканале безопасности» (есть такой у моряков) прорвались сигналы о помощи. На всей Балтике эти сигналы с горящего корабля приняла только мощная радиостанция «Петробалтика».

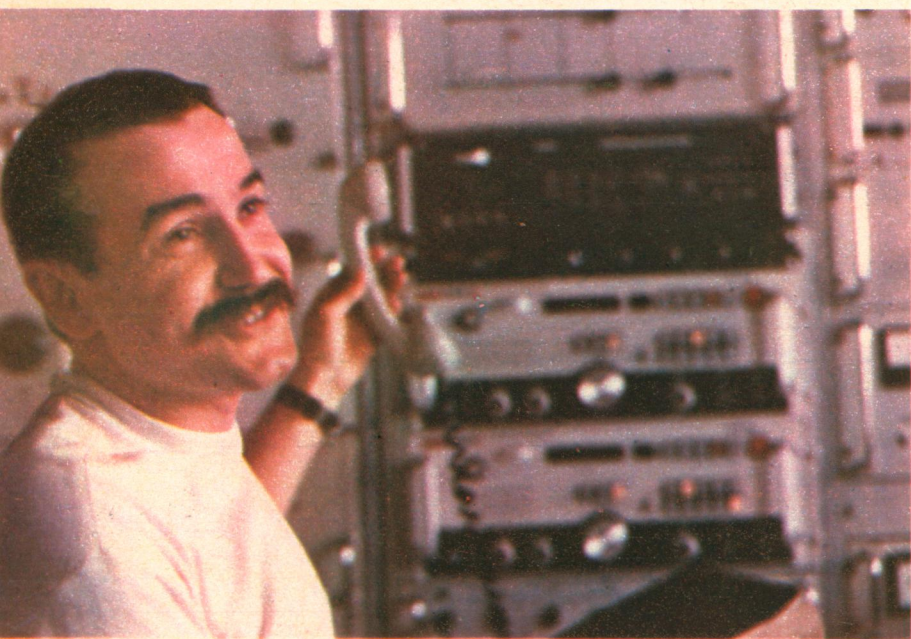
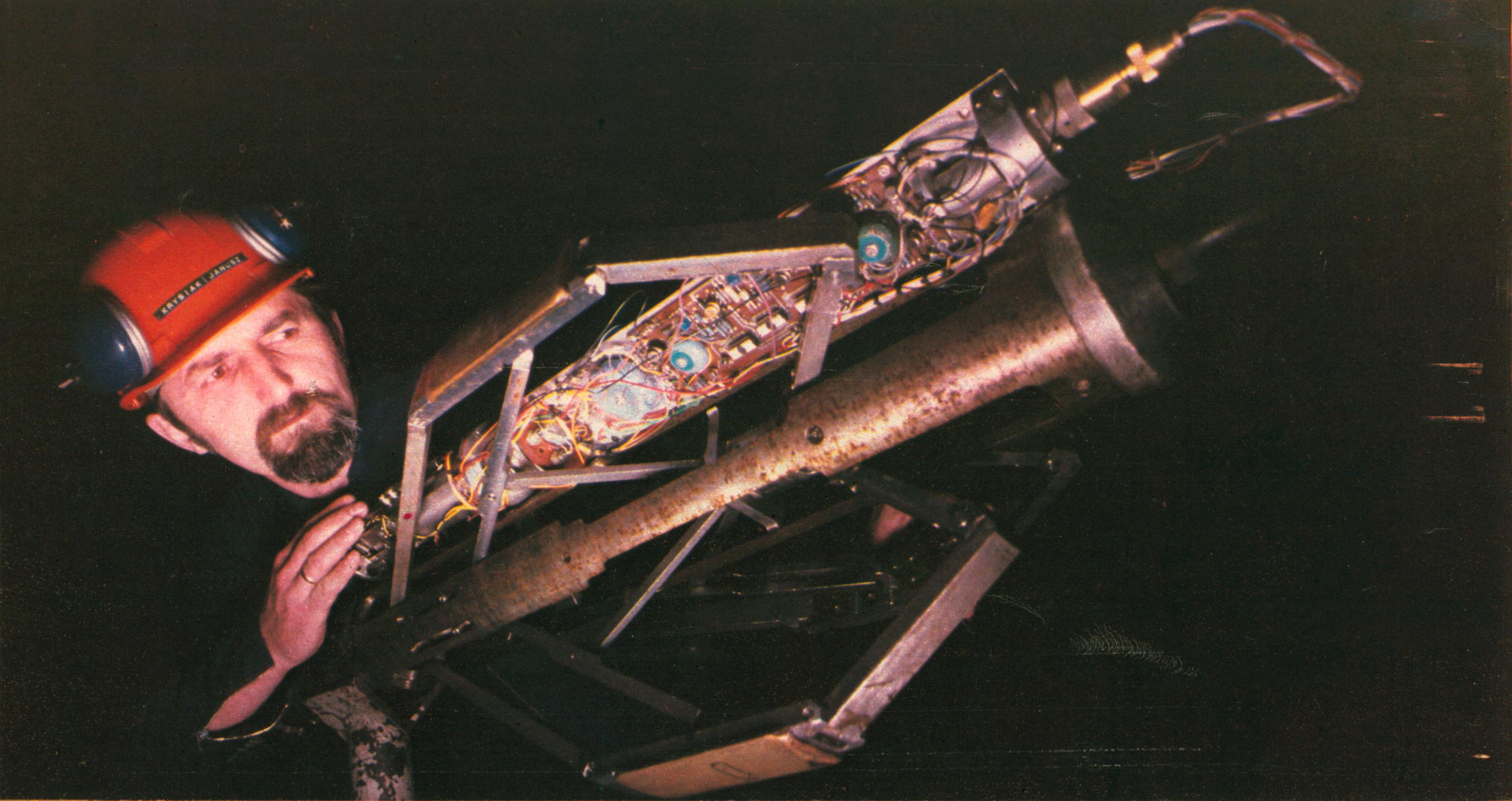
Живут и работают вместе русский Сергей Солдаткин, поляк Анджей Крамарский и немец Бернд Бабуке.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Подъем керна — операция сложная и ответственная * Так выглядит буровая платформа «Петробалтик» на закате.

Любое промедление грозило трагедией. Не мешкая ни минуты, поднял якорь и ушел к терпящим бедствие «Гранит». Шторм и темнота не позволили снять команду с потерявшего управление корабля. С трудом его зацепили тросом и потащили в порт. Морякам посоветовали собраться на носу, чтобы пламя и дым встречным ветром сносило к корме. Никто не пострадал, спасенные искренне благодарили интернациональный экипаж.

КЕМБРИЙСКИЙ КЕРН

Каждый новый день знакомства с объектом нашего местопребывания и его хозяевами приносил открытия. Четкость и слаженность действий всех без исключения звеньев, сверхповышенная ответственность каждого, переживания, а порой и боль за неудачу — вот нормы жизни монолитного, крепкого, словно цемент, рабочего коллектива. Мгновением пролетают две недели труда одной вахты. Никто не отсчитывает дни до прилета вертолета.

Каждый миг жизни буровой фиксируют приборы геологотехнологической лаборатории. В этом царстве электроники человек и машина действуют в одной связке. ЭВМ постоянно держит в поле зрения скважину. Надо узнать ее глубину с точностью до сантиметра — пожалуйте. Скорость проходки, обороты бурового долота, массу других параметров высвечивают индикаторы. По множеству данных принимаются оперативные решения.

— Не выходя отсюда, можно совершить путешествие в различные геологические эпохи Земли, — рассказывал начальник геологической службы Александр Грачев. Внешне он строг и неприступен, но о своей работе готов говорить часами. — Сейчас, к примеру, прошли мезозой, кайнозой, ордовик... Конечная цель — пробиться в кембрийскую эпоху. Именно она оставила много того, из чего позже образовались нефть и газ. Догадываетесь теперь, почему доставивший вас на платформу буксир именуется «Кембрий»?

У коллеги Грачева геолога-проектировщика из ГДР Бернда Бабуке мы интересовались вероятностью «попадания в точку». Ведь не исключено, что труд многих недель будет напрасным, если скважина окажется сухой...

— Надо не расстраиваться и быть готовым ко всему. Верно, на суше такая вероятность меньше. Но если одна из трех пробуренных на море скважин продуктивная, это можно считать успехом. Не забывайте, «Петробалтик» только ищет нефть, а добывать ее придется другим, гораздо более мощным платформам. Независимо от конечного результата у нас всегда достоверный геологический материал. Измельченные породы — шлам — выносит циркулирующий в скважине раствор, цельные же образцы — керн — поднимает с глубин специальное устройство. Научные ведомства в Советском Союзе, ГДР, Польше получают уникальные камешки — свидетели прошлого планеты.

— Какой день из проведенных на платформе запомнился вам обоим больше всего?

— Думаю, ты согласишься со мной, Бернд? — Александр долго не думает. — Тот самый, когда ранним утром на поверхность подняли керн из отложений кембрийского периода. Столбик породы был маслянистым, и вскоре вокруг него на столе натекла лужица коричневатозеленой жидкости с легким запахом бензина. При виде первой нефти, обнаруженной совместной организацией «Петробалтик», нельзя было сдержать слезы радости.

В окна лаборатории заглядывало ярко-красное закатное солнце. Блеснули гранями камешки на стеллажах. На срезе одного четко отпечатался лист древнего растения, второй был окаменевшей ракушкой, жившей полмиллиарда лет назад. Дрожал пол. То ли от дизель-генераторов внизу, то ли сюда передавалось напряжение бурового долота, вгрызающегося в попавшуюся на пути к нефти базальтовую «линзу»...

●
Готовится геофизическая аппаратура * Радист Ян Вонторский держит связь с «Большой землей» * Приятного аппетита! * Прибыл вертолет из Гданьска * Заместитель начальника платформы Геннадий Шокуров.

ИСПЫТАНИЕ...

С Володей Тимоновым, бригадиром советско-польской бригады бурильщиков, мы познакомились в первый день. Он оказался нашим соседом за столиком в столовой и соседом по каюте. Веселый, общительный красавец с черными, как смоль, усами всегда был в центре внимания. Не один час провели с ним на буровой площадке, наблюдая филигранные движения его умелых рук. Это была его идея — взять несколько лет назад в коллектив парня-поляка Влодзимежа Микшанеца. Всякое бывало, не всегда понимали друг друга, не все получалось у новичка. Теперь рабочая пятёрка — не разлей вода. Как на воде, так и на суше, в Гданьске.

— «Петробалтик» собрал людей из разных концов трех стран. Доводилось ли испытывать трудности с языком?

— Мы полиглоты, — смеется Тимонов. — Вообще-то наша бригада — исключение. Рабочие группы, как правило, состоят из представителей одной страны. Однако уже не замечаешь, когда польские рабочие меняют на местах немецких или русских. Общаемся на нашем «петробалтийском эсперанто». На основе трех языков сложился один, понятный всем.

В ночь, когда бригада Тимонова сменила ребят Лешека Ментела, мы стали свидетелями поединка человека и природы. Злополучная «линза» фигурировала в геофизическом прогнозе скважины. Встречи с ней ждали и надеялись проскочить быстро. Не ждали, что окажется она почти скалой и проверит на твердость характеры людей. В четыре утра резко упала скорость проходки, долото наскочило на каменный блин...

Ко всему ушел в отпуск наиболее опытный человек на платформе, ее начальник Эдвард Котылак. Вот где пригодились бы его знания и умение мгновенно находить выход из любой непредвиденной ситуации! Сам того не подозревая, мастер устроил одному из своих молодых заместителей, Геннадию Шокурову, экзамен по профессии.

Геннадий принял дела у своего немецкого коллеги Герда Вальтера Вольфа за несколько дней до нашего приезда. В свои тридцать с небольшим он умеет и знает многое. Родом из Уфы, столицы Башкирии. Республике, где каждый второй мальчишка после школы мечтает стать нефтегазодобытчиком. Вместе с братом пошел Геннадий по стопам отца. За плечами институт, поездки с поисковыми партиями по стране и за рубежом. В послужном списке у него не одно открытое месторождение. Предложение трудиться в интернациональном коллективе нефтяников Балтики воспринял как особую награду.

Совпадением ли был наш разговор незадолго до происшедшего? Бывали в практике заместителя и обрывы труб, и прихваты инструмента, когда ни вверх, ни вниз. Или попадетесь пуста, сколько ни значивай туда раствора, уходит в землю тоннами. Не говоря уже о выбросах газа, тогда место буровой обозначено грудой искореженного металла... Бурение остается делом темным и сейчас — природа неохотно допускает людей к своим кладовым...

Не будем слишком драматизировать ситуацию. Могучая техника стала подспорьем коллективному разуму. Сработала отчасти интуиция, не подвела электроника, но больше всего было надежды — и это оказалось решающим — на людей. Незаурядных личностей, инженеров ума, высоких профессионалов. В какой-то момент мы почувствовали себя лишними, когда четко и оперативно принимались решения: поднять керн, провести всесторонний анализ пород. Вновь со столбиком цифр на листе бумаги руководитель перед выбором. В дальнейшем уже все ясно: сбой не произойдет, жесткий график проходки не будет нарушен.

На наших глазах разыгрывались эпизоды, вполне подходящие для фильма на производственную тему. Со счастливым концом.

— В таких ситуациях проверяешь свою психику, — устало произносит Геннадий, глядя на вырывающееся из воды солнце. — Петробалтийский тест на профпригодность...

КРУГ ДИРЕКТОРСКИХ ЗАБОТ

Сорок минут полета над волнами — и вертолет в аэропорту морской столицы Польши. Гданьск, портовый город с тысячелетней историей, принял у себя штаб-квартиру совместной организации «Петробалтик». Здесь нас ждет директор фирмы Рышард Лабусь.

Обаятельный, средних лет, он сразу несколькими шутками располагает к себе. По-русски говорит почти без акцента. Интересуется погодой в Москве, театральным репертуаром и результатом последнего матча с участием «Спартак». Круг интересов москвичей ему хорошо знаком, несколько лет Рышард Лабусь

работал в аппарате Совета Экономической Взаимопомощи. Окна директорского кабинета выходят на причал, у которого загружаются разноцветными кубиками-контейнерами «Базальт», второе судно — снабженец буровой.

— Давайте вспомним, товарищ директор, с чего начинался «Петробалтик»? Ведь до сегодняшнего дня организация остается уникальной в своем роде, аналогов ей нет...

— И не было. Три прибалтийские социалистические страны, решив показать пример международного экономического сотрудничества, говоря образно, шли на ощупь. Было большое желание трудиться вместе, но, как вы понимаете, одного желания недостаточно. В минимальные сроки требовалось выдать максимальные и конкретные результаты.

Шаг за шагом накапливался опыт. Думаю, со мной согласятся мои заместители по техническим вопросам Эдуард Новиков из СССР и по экономическим Вернер Капплер из ГДР: основываясь на этом бесценном и уникальном опыте, смело можно говорить о перспективах совместной организации «Петробалтик».

От директора Лабуса мы узнаем, что находимся на месте бывшего пустыря и занесенного илом канала. Канал расчистили, углубили, соорудили причал. Постепенно база на берегу расширилась, появились складские помещения, административный корпус. В один из дней у причала отшвартовались сияющие свежей краской два судна-близнеца — «Гранит» и «Базальт».

— С самого начала было решено обходиться силами наших трех стран, — продолжал директор. — Буровую платформу весом в восемь тысяч тонн у себя в Польше мы, понятное дело, построить не могли. А вот с корабельным заказом успешно справились рабочие Гданьской судовой верфи имени Ленина. Есть у нас и геофизическое судно «Барракуда», также собственного производства. Правильность нашего решения подтвердилась в те дни, когда усилиями президента Рейгана социализм попытались окружить кольцом экономической блокады.

— Как решался кадровый вопрос? Ведь нужны были не просто нефтяники, а специалисты для работ на море.

— Для Советского Союза морские работы не новинка. Иное дело для ГДР и Польши. Полной мерой проявились здесь принципы социалистического интернационализма. К нам прибыли лучшие специалисты, успевшие поработать в Сибири и на Каспии, на Дальнем Востоке и Украине. Основательную практику бригады прошли в Югославии на подобной платформе, в других странах.

Не скрою, слабые и не подготовленные морально к тому, чем предстояло заниматься, ушли. Остались сильные духом и самоотверженные, щедрые душой и доброжелательные по натуре. «Петробалтик» мы старались сделать родным домом для людей трех национальностей, и он стал таковым. Радостно осознавать себя свидетелем рождения производственного коллектива нового типа, в котором творчество поставлено во главу угла. Такой коллектив мог родиться только в условиях социализма.

* * *

...Через полчаса силуэт «Петробалтика» едва угадывался в предвечерней дымке. В блокноте остались адреса и телефоны новых друзей, в сердце — надежда на новую встречу с ними. Пока есть такая возможность, просим капитана Беликова выйти на связь с буровой.

— Прощайтесь забыли? — подшучивает капитан, но просьбу выполняет. — «Петробалтик», здесь «Кембрий», прием!

— Платформа слушает.

— В спешке забыли спросить, удалось прослерить ту проклятую скалу, что преградила путь к нефти?

— Конечно, сразу же после вашего отлета к директору Лабусю...

Вот и выяснилась причина его приподнятого настроения. А раз так, значит, недалек день, когда над островом дружбы в Балтийском море вспыхнут нефтяные факелы и проходящие мимо суда, догадываясь в чем дело, длинными гудками будут поздравлять тружеников моря с очередной победой.

Гданьск — Москва.

*Я не чинил зла людям...
Я не убивал...
Я не преграждал путь бегущей воде...*

Древний египетский папирус.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Темнолицый высокий человек, сутулясь, смотрел на свои следы. Он смотрел долго и завороченно, силась что-то понять и еще не

Абдижамил НУРПЕИСОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

сознавая, что вдруг зацепило его внимание. Просто оглянулся назад, туда, на кручу, где в зимней мгле темнел рыбачий аул, и взгляд его, скользнув по привычному, споткнулся вдруг об эти свои следы на ранней пушистой пороше. Неровные, тяжелые следы усталого человека... Он сам не знал почему, но вызвали они тоску. Было в них что-то нескладное, не в ладу со всем, — что они напоминали, почему тревожили? Постой... да не всю ли жизнь твою?! Не эта разве нескладность твоя все тринадцать лет угнетала Бакизат? И вот чем все это кончилось: одинокий, неприкаянный, с утра томишься ты на пустынном ледяном поле. Не зря кем-то сказано: «Жизнь на исходе лет — что лоскут изодранный». Должно быть, в минуту отчаяния обронил кто-то эти слова, исполненные безысходной печали, а вот сейчас они — кстати или некстати — вспомнились и тебе, стали и твоими тоже. А ведь душа твоя давно предчувствовала, пусть смутно, но знала, что именно к этому, а не к чему-либо иному придет ваша супружеская жизнь, начавшаяся так неожиданно в ту далекую весну, в пору окончания института. Но так уж создан человек: в счастливую пору он гонит мрачные предчувствия. А ты тогда был просто огулен нежданно свалившимся, да нет — обрушившимся на тебя счастьем. После свадьбы тебя, дипломированного уже специалиста, как на крыльях подняло, ты и земли-то под собою не чуял. Почет и лесть аульчан, сбывшиеся мечты кружили голову, надежды пьянили. И все же в глубине души ты признавал, что твоей заслуги в том немного. Сознавал, что, кроме как на старую мать-пенсиянку да на собственные мосластые руки и ноги, полагаться тебе не на кого и не на что. Ты ведь и сам убедился, чего можешь достичь, уповая лишь на самого себя.

Но то было до женитьбы... О боже, как ты ликовал в тот день, когда вручили вам дипломы! На радостях новоиспеченные специалисты всю ночь напролет пели, шумели, резвились, тревожа сны горожан, и разве только не вламывались всей шумной ватагой в чужие квартиры... А наутро, подержав гудящую голову под струей из крана, ты поспешно собрался в дорогу. Подальше упрятав в карман плотные «корочки», ради которых пять долгих лет усердно протирал штаны, ты заспешил в родной аул, весело мыча под нос незатейливый тогдашний мотивчик: «О Арал, мой Арал, синее раздолье...» Юная твоя невеста ненадолго задержалась в городе, шила в ателье новый наряд. Ты же до ее приезда торопился устроиться на работу по специальности, а заодно и подготовиться к предстоящему свадебному тою.

Провожала Бакизат не одна, с подругами. Перед самым отходом поезда девушки вдруг расшалились, пристали к жениху и невесте: «Поцелуйтесь!..» Ты вообще-то ничего не имел против, однако сам не решался и, робея, только смущенно взгядывал на Бакизат. А она в ответ с едва уловимой досадой подмигнула: дескать, не обращай внимания, мало ли что взбредет в голову подружкам. Но проказницы не отставали и, похихикивая, все подталкивали вас друг к другу. Бакизат казалась подавленной. На утомленном ее лице слабо мелькнула улыбка. Чтобы отвязаться от назойливых подруг, она поднесла к алевшим губам кончики пальцев, изобразила звучный поцелуй.

Поезд тихо тронулся. Ты несколькими прыжками настиг последний вагон, вскочил на подножку. И пока пассажирский состав медленно втягивался за поворот, ты, высунувшись из

небом и землей, подставляя разгоряченную свою голову всем ветеркам высот. И лишь каждый раз при встрече с Бакизат розовый туман твоих восторгов мгновенно развеивался, истаявал, и ты вновь возвращался к тусклым житейским будням. После затяжного зимнего смога город у подножия сурово вздыбленных гор казался угрюмым, как невыспавшийся человек. Грязно-серыми были асфальт, дома. Серыми были улицы. Невзрачно серыми — люди. Разбрызгивая серую грязь, носились, мельтешили взад-вперед серые машины. И, как бы не желая выделяться в этом однообразном сером мире, твоя невеста тоже одевалась во все серенькое, и таким же грустным и серым было ее лицо. Ты, конечно, догадывался и даже точно знал о причине ее грусти, почему она ходит подавленной, и порой у тебя перехватывало дыхание, огнем ревности и стыда вспыхивали уши. И ты стоял перед ней, невольно опустив голову, не в силах вымолвить слова, и обреченно смотрел на носок своего обшарпанного ботинка...

Но как, однако, мотает на верхней полке прицепного вагона! А ты все думал о Бакизат и ее подругах, — как они провожали, смеялись...

— Эй парень! Подъезжаем к Аральску... Ты вскочил. Быстро собрался. И, едва спрыгнув с поезда, тотчас тронувшегося, почувствовал, как жарко здесь. До самой осени нещадно палит раскаленное аральское небо, и несет по степи угарным, как из преисподней, ветром, испепеляя все вокруг. Особенно невыносимой становилась жара в полдень, когда, казалось, даже сама тень плавилась, сжималась, стараясь упрятаться под чахлыми пыльными деревьями на узких и кривых улочках маленького городка, резко пахнущих

ДОЛГ

тамбура, во все глаза смотрел туда, на перрон, где оставалась твоя невеста в окружении подруг. Она помахала было рукой — и с внезапным озорством сделала вдруг грустное лицо, дрогнула подбородком и смахнула пальчиком воображаемую слезу. Девушки умирали со смеху.

А поезд между тем напористо набирал скорость. Мимо иных станций проносился ветром, мелькали разъезды, саманные домишки с огородами, чья-то жизнь. Гурьевский прицепной с грохотом мотало из стороны в сторону, того и гляди снесет на полном ходу с рельсов. Давно перевалило за полночь, близился рассвет, а сон все никак не шел к тебе. Пассажиры, сразу после ужина улегшиеся спать, храпели вразнобой, духота становилась невыносимой. Наконец, забрезжило, слабый свет занимающегося дня проник в вагон. И всю ту ночь ты так и не сомкнул глаз. О аллах, думал ты про себя в который раз, вот уже поистине безгранично велик ты и щедр, и неведома тебе мера ни в гневе, ни в милости. Как мила и как непохожа была Бакизат, провожавшая тебя на перроне, на ту, которую ты знал все эти годы. А ведь ходили слухи, что она вот-вот выйдет замуж за Азима, и никто уже в этом, ты сам тоже, ничуть не сомневался, — и вдруг ни с того ни с сего что-то между ними разладилось. Аральские ребята, обучающиеся в столице, только диву давались, при встречах недоуменно расспрашивали друг друга, но никто ничего толком объяснить не мог. А прошли какие-то дни, и твоих земляков ошарашила еще одна новость, на этот раз — ваша скорая свадьба... Это казалось им вовсе не постижимым, прямо-таки в голове не укладывалось. И только ты... один ты тогда не чувствовал под собою ног. В те дни ты и по земле-то не ступал, все вальте, птицей витал где-то в облаках. Там, внизу, на тесном и душном асфальте суетились, спешили куда-то вечно озабоченные люди, а ты парил себе, парил безмятежно в голубом пространстве между

солончаковой пылью, перекаленным саманом. И вот по этому городку бродил ты в поисках работы не один день. По распределению выпускников тебе следовало бы ехать на Балхаш, но тянуло в родной край. А здесь слонявшихся по учреждениям, со свободными дипломами на руках, оказалось немало. Куда бы ни приходил, никто тебя не ждал. Вначале это удивляло, и ты по простоте своей недоумевал, сетовал было на невезение, пока не понял простой истины: в захолустном городке, где люди искони занимались одним только рыболовным промыслом, никакой другой промышленности или хотя бы мало-мальски приличного ремесла не было. И потому местные кадры, как говорится, мертвой хваткой держались за свои кресла, словно наездник за гриву скакуна. Вскоре незадачливый долгоязый молодой специалист всем намозолил глаза. Едва ты, сутулясь, неловко протискивался в очередной кабинет, как обладатели заветных мест настаивали и зарывались носами в свои бумаги. В такие минуты ты готов был провалиться на месте. И впервые понял тогда, как нехорошо, стыдно даже быть никому не нужным.

Все это поросло быльем, старые страсти кажутся теперь мелкими, неважными, но тогда... Да, тот случай и потом, с годами, нередко вспоминался тебе, и всякий раз ты не мог сдержать усмешки. Однажды кто-то надоумил тебя попытать счастья в тихом, на отшибе, учреждении. Когда ты пришел туда, там в тесном и душном кабинете с окнами на юг изнывал от жары тучный мужчина. Продолжая обмахиваться газеткой и тяжело отдуваясь, он благодушно принял из твоих рук диплом. Едва взглянув в него, вскинул голову:

— А-а, молодой специалист, не так ли?

— Да, ага!...

Отрывки из нового романа. Полностью печатается в журнале «Дружба народов».

¹ Ага (казах.) — уважительное обращение к старшим.

— Ну, молодой специалист, поди ко мне поближе. Ну говори, как... как зовут тебя?

«Повезет»...—радостно мелькнуло в голове. Сердце лихорадочно забилось, подскочило к горлу, от растерянности ты не успел произнести свое имя, а добродушный толстяк за своим маленьким, будто сундучок, столиком уже нетерпеливо заерзал:

— Имя... имя твоё как, спрашиваю?!

— Жадигер.

— Жа-ди-гер, говоришь?

— Да, ага...

— Жадиге-ер... значит. Оу, мне это имя знакомо. Да-да, знал я вроде некоего Жадигера...

— Может быть...

— Конечно, конечно... очень даже может быть.— Он все еще буравил тебя крохотными, мышиными зрачками из-под отягощенных жиром век и вдруг радостно встрепенулся. И радость эта, видно, была так велика и внезапна, что на мгновение он даже оторвался от стула, но тотчас вновь осел, будто обвалился всей тушей.— Вспомнил!.. Да, вспомнил! В детстве приходилось мне читать разные хиссы, и в одной, кажется, героя звали Жадигером... Подожди, подожди, милоч! Кажется, он был даже батыром. Эй, да ты ведь тоже малость на батыра смахиваешь! Хоть и жидковат, зато долговяз, хха-ха-ха!..

Веселый толстяк отвалился жирным загривком на спинку скрипнувшего стула, запрокинул лицо и хрипло захохотал, заклохотал. Наконец он успокоился, вытер заслезившиеся глаза:

— Так вот, милоч, был, значит, в старину такой Жадигер. И если не подводит память, он... он... — Толстяк в напряженном раздумье застыл с разинутым ртом. Ты догадался: в

своем тесном кабинете он явно изнывал от скуки и теперь доволен тем, что подвернулась какая-никакая забава. Твой небольшой опыт подсказывал, что иные добродушные люди перед тем, как облагодетельствовать кого-либо, испытывают порой потребность сначала покуражиться, как бы в кошки-мышки поиграть, насладиться своей властью.

— Слушай... выходит, ты Амиржанов?— спросил благодушный толстяк, вновь покосившись в диплом.

— Да, ага, Амиржанов.

— Тогда... что ж это получается, ты сын нашего достопочтенного рыбака?

— Да, ага, я его сын.

— Да, говоришь... Значит, ты сын Амиржана, что жил на этом берегу, а не на том, так?

— Да, с этого берега.

— Надо же, а?! С этого берега, говоришь? Хм-м... это как же тогда получается? Выходит, если ты, черт долговязый, сын почтенного Амиржана, который жил на этом берегу, то... это тот самый Амиржан, что из рода Жакаим, да?

— Да, ага, из рода Жакаим...

— Ну и хорошо, хорошо... Только скажи-ка мне теперь, какой Жакаим? С верховья или с низовья?

Ты замялся, не зная, как ответить на этот вопрос...

— Ну, скажи: ты из каких жакаимцев — морских или сухопутных?

— Наверное, морской. Рыбаки мы...

— О аллах, выходит, мы с тобой одного рода, и я, кажется, видел тебя у Амиржана? Ай, как мчится времечко-то, а?! Да-да, я ведь помню тебя еще сопливым, чумазым мальцом... Ты тогда без рева и похлебку-то не хлебал... о-ха-ха-ха!..

Ты, весь в ожидании, покорно стоял, упершись взглядом в носок обтерханного парусинового ботинка. Тебе, конечно же, было приятно, что веселый толстяк оказался твоим сородичем. И не просто сородичем, а близким — из рода морских жакаимцев. Удача своенравна, и, случается, она идет тебе в руки. Сколько дней ты, как слепой кутенок, понапрасну тыкался туда-сюда, и вдруг такое везение, такая награда за все унижения и волнения: встретился человек, который знал и помнил твоего отца... Мало того, он еще и тебя самого помнил. Даже про нос не забыл твой сопливый, ну и пусть потешается, если это ему доставляет удовольствие. Если разобратся по совести — кто из нас в детстве не бывал сопливым? Помнится, мать, обремененная заботами многолюдного дома, с утра до вечера не вылезала из хлопот, и все же среди нескончаемых своих забот она нет-нет да и подойдет к тебе, чернявому карапузу, ползающему по полу, и вытрет, ласково приговаривая, подолом рубашонки вечно замызганный твой нос.

— Значит, выходит...

Ты вздрогнул. Поднял на толстяка глаза. Но, встретившись с острыми зрачками, в упор уставившимися на тебя, поспешил отвести взгляд. И улыбку воспоминания на губах пригасил. Ты ничуть не сомневался, что сейчас услышишь наконец из уст этого добродушного, веселого человека из одного с тобой рода-племени долгожданные слова о назначении, о работе, которая станет смыслом всей твоей жизни. И тогда к приезду Бакизат все будет улажено, останется лишь отпраздновать вашу свадьбу. Нет, не зря, видно, сегодня с утра дергался у тебя правый глаз: это ведь, говорят, к добру, к радости. «Может, еще и

к себе на работу возьмет?» — мелькнула робкая догадка. И в надежде услышать сейчас обо всем этом от сородича, ты несмело, ожидая глянул на него, прикашлянул. Поймав твой взгляд, дородный морской жакаимец тяжело качнулся на скрипнувшем под ним стуле и вдруг опять хохотнул. Что-то, пока ему одному известное и забавное, снова его рассмешило:

— Слушай, милоч, если ты из морских жакаимцев, то должен бы знать...

Ты растерянно моргал, не догадывался, о чем собирается вести речь твой шутник-сородич.

— Да, ага...
— Должен, думаю, знать припевку, помнишь, о нашем роде...
— Припевку?
— Да-да, о нас. Забавная такая, помнишь:

Недотепа-жакаим!
Велика ли слава:
Воды соленой нахлестался —
Аж трещат суставы...

Ну знаешь?

— Знаю, конечно...
— Ну, и как?
— Ой, ага... да ведь это аульные остряки придумали, чтоб друг над другом подсмеиваться...

— Шутка, думаешь? Не-ет, дорогой, совсем не шутка. Суровая жизненная правда. Если хочешь знать, дорогой, у человека, постоянно пьющего соленую воду, откладывается в суставах соль. В медицине так и называется — отложение солей. И потому у него суставы трещат. Гены, понимаешь? А ну, давай-ка пройди взад-вперед. И если ты истинный морской жакаимец, то, аллах свидетель, и у тебя при ходьбе должно стрелять в пятках!..

И тут веселый толстяк всей своей кабаньей зашеиной опять отвалился на спинку стула и залился неудержимым стонущим хохотом. Хотел так, что колыхалось брюхо, выпирившее из-за стола. Колыхался в спазмах смеха расплывшийся бабий подбородок. Колыхались, дрожали, как студень, рябые жирные щеки и запропали где-то в щелочках глазки. Только рот разевался, хватал воздух... И кто знает, сколько бы еще продолжалась вся эта мистерия смеха, не влети в это время в кабинет одуревшая от зноя крупная муха. Дородный морской жакаимец тотчас оборвал смех, неожиданно ловко вскочил. И мигом слетела с него и недавняя сонная одурь, навевшая было нещадным аральским зноем. Схватил свернутую в трубку газету и напряженно, на цыпочках, двинулся за возмутительницей спокойствия.

Вот этим мгновением ты и воспользовался. Схватил со стола раскрытые, словно просящие ладошки младенца, свои «корочки» и осторожно выбрался из кабинета. Едва выйдя, закрыл за собой дверь, привалился спиной к ней. Смех и слезы одновременно душили тебя. От зноя или от волнения кровь отчаянно, до звона стучала в висках, и звон этот почувствовал вдруг тебе жужжанием той самой зеленой мухи, за которой метался только что в тесном кабинете твой сородич. И тут за дверью раздался резкий, как выстрел, хлопок. Ты вздрогнул, инстинктивно откочнул и пошел, потом побежал по гулкому коридору. И, уже больше никуда не заглядывая, заспешил на станцию: в тот день приезжала из Алма-Аты Бакизат...

С тех пор прошло тринадцать лет. Веселого толстяка из рода морских жакаимцев ты больше не встречал. Впрочем, нет... Однажды, многие годы спустя, ты увидел его неожиданно в столице, в президиуме ученого совещания. Он тебя не заметил, и ты тоже не подошел к нему. Но от тех слов толстяка-сородича у тебя и сейчас еще, случается, горят уши. Все чудится, будто кто-то так и норовит тебя уязвить, обзавав сопливым мальцом. Мать Бакизат, богом данная тебе теща, например, и понине не скрывает своей нелюбви к незадачливому зятю. Однако, бог с нею, с тещей, не она же в самом деле причина всех зол. Она просто одно недоразумение, каких оказалось немало в вашей изначально нескладной, неудавшейся жизни. Об этом не надо думать. Но когда стоишь вот так один-одинешенек на открытой всем ветрам льдине и часами маешься, хочешь не хочешь, поневоле

всякое лезет в голову. Что и говорить, немало крови попортила тебе старая хрычовка за эти годы. Она никогда не считала тебя достойной парой для своей дочери: просто терпела, по-женски скумекала, что нельзя, не годится взрослой дочери всю жизнь одной томиться в постели. И своей нелюбви, неприязни к тебе никогда не пыталась скрывать — ни от бога, ни от людей. В припадке злобы не один раз кричала прямо в глаза: «Запомни, зятек, это мы, мы тебя в какие-никакие люди вывели!..» И ты терялся тогда в таких случаях, не мог и не знал, чем ответить ей, молча проглатывая очередной упрек, потому что в глубине души все же сознавал некую правоту ее слов.

Да, сказать тут было нечего... Влиятельные родичи жены имели широкие связи и в городе и в аулах. И надо отдать им должное, в первое время усердно принялись за тебя, с ходу подхватили, как подхватывает лодчонку бурное течение. Но в решительный момент всякий раз проявлял ты малодушие, строптивился, точно боязливый верблюд у брода. И кто знает, что было бы без их хлопот и усердия, хоть ты кончай десять институтов и все карманы набей себе дипломами. Наверняка бы оказался первым с самого сотворения синего Арала дипломированным рыбаком в этом краю и хлюпал бы сапогами в соленой воде, тянул бы сети, и, может быть, тебя, как первого дипломированного из рода-племени казахов-рыбаков, время от времени выставляли бы, точно редкий экспонат в музее, напоказ народу в президиумах всяких там производственных совещаний и собраний. Впрочем, теща твоя не перестает называть тебя «дипломированным рыбаком», при этом как она заливается, прихихикивает. Она никогда не упускала возможности уколоть тебя побольнее. Особенно если нужно повернуть какое-нибудь дельце по дому, она, ухмыляясь, бросает дочери: «Так вон же сидит твой дипломированный рыбак... Попроси его хорошенько, поумоляй. Нынче ведь чабаны, хлебоборбы, рыбаки там всякие в почете, к их голосу, говорят, даже и в верхах прислушиваются... Ха-ха-ха-а...»

Что ж, пусть смеется... подвернулся ведь случай...

Глядя теперь на свои следы как бы со стороны, он видел сейчас и понимал в себе многое такое, что в обыденной жизни часто ускользало от его сознания. Как ему казалось, следы сейчас говорили, рассказывали ему о себе и о том даже, что он думал. Особенно в том месте, где его как раз опять застиг прошедший уж было гнев: шаги получились неровные, размашистые, он шел, не разбирая дороги... Уж он-то знал причину яростной своей вспышки, знал, отчего горело сердце. Не мог только представить, какой у него был вид в это мгновение. Должно быть, густые брови, обросшие инеем, встопорчились. Большие глаза, небось, белыми стали от злости. И был он, наверное, страшен, будто только что из пламени вырвался, и сжимал отяжелевшие, словно литые из чугуна, кулаки...

Хорошо еще, что в эти минуты тебя не видела Бакизат... Увидела бы и ожгла исподлобья полыхающими зрачками: «Ох уж и собачий твой характер!..» Слава всевышнему, недоумившему его вовремя уйти из аула, не то, кто знает, что бы он мог натворить еще в приступе бешенства. В тот момент он был, пожалуй, почти невменяем, горе и отчаяние совсем замutilи ему рассудок. Новая беда, мало сказать — бесчестие (а именно так и понимали это все жакаимцы), навалившаяся вдруг на него, верно, где-то подстерегала, поджидала его до поры до времени. Сколько лет он собирал, допирал в себе эти разъедающие душу сомнения, досаду, скрытую даже ярость на себя и на всех, кто не понимал его, сколько захлебывался в этих сомнениях, травя обреченную на молчание свою душу... И вот надо же было так случиться, что последней каплей в его чаше стал Сары-Шая. Способный кого угодно вывести из терпения, он с таким видом ворвался в кабинет, будто наступил конец света. Ввалился, подскокил к нему вплотную, топоча ногами, завопил: «Ойбай, ойбай! Лучше смерть, чем снести такой позор! Смерти нам! Смерти!..»

Ты молчал, а Сары-Шая, будто подхлестнутый тмочим молчанием, закричал, трясая воз-

детьми руками перед твоим лицом: «Если не дорога тебе твоя честь, так побереги честь нашего славного рода Жакаим! Смотри вон, как топчут ее выродки из рода Тлеу-Кабак!..» Но ты и на сей раз смолчал. И тогда этот сморчок, задрожав от злобы, судорожно сорвал с головы мерлушковый борик:

— Апырай, и ты молчишь?! Но где это видано, чтобы среди белого дня, при всем честном народе прямо из постели жену выволакивали?! Ойбай, ойбай, чем сносить такой позор, лучше смерть! Смерти нам!..

— Ну, вот что... Сгинь-ка с моих глаз!

— А?

— Сгинь, говорю! Чтоб глаза мои тебя не видели.

— Сгинь, говоришь? Чтоб глаза не видели, говоришь? Это меня-то?! Хе-хе...

Сары-Шая не спешила напротив. Закинул ногу на ногу. В кошачьих желтых глазах, злобно блеснувших было, появилась некая даже ирония:

— Ты, милоч, это всерьез?

— Скорпион ты, а не человек... Уходи!

— Вон оно как! Ну-ну!.. Народ прозвал меня Сары-Шая, но никак не скорпионом. Ишь, придумал тоже... скор-пи-он... Ну, спасибо, милоч, порадовал. Очень даже неплохо. Кхе-хе-хе... — Сары-Шая был удивительно спокоен, даже вроде бы благодушен. Зато ты был готов взорваться гневом. Ты стиснул кулаки, сцепил зубы. В теле нарастала неодолимая дрожь, и ты знал, что за этим может последовать... Кажется, и Сары-Шая видел твоё состояние. И, продолжая ухмыляться, краем немигающих глаз мельком покосился на твои чугунные, напряженно высовывающиеся из под рукавов кулаки.

— Милоч, это же кувалды! Ей-богу, кувалды! — Он опять глянул на них, уже в открытую, и, взяв твой кулак в свою ладонь, восхищенно покачал его на весу. — Вот это да-а!.. Жаль только, милоч, что не пользуешься ты ими по назначению...

Ты торопливо подобрал кулак в рукав. И еще больше задрожал от негодования и собственного бессилия, видя все ту же наглую ухмылку на спокойном лице родственника. А он, бестия, между тем, убедившись в твоей беспомощности, ткнул пальцем в твой кулак:

— Милоч, убери-ка это... убери! А если уж силы некуда девать, то мой тебе совет: докажи-ка лучше это своему столичному... хе-хе... дружку. Да, да, милоч. Это будет честнее...

— У, кр-е-тин!

— А? Как ты меня назвал, милоч?

— Кретин!

— Это я-то?! — удивленно переспросил Сары-Шая и медленно поднялся со стула. Злобная искорка в желтых глазах потухла. Бледный и злобный, он смерил тебя с ног до головы. — Это ты, милоч, кретин! Я бы даже сказал — кретинице, каких свет не видывал! У тебя посреди дня, при всем честном народе бабу вон отбирают, а ты еще и...

Что было дальше — ты плохо помнил. Черная, какой никогда не было у тебя, ярость помутила сознание. И тебя понесло, захлестнуло, и ты уж сам как следует не помнишь, что было потом. А от того, что помнишь, готов даже здесь, в безлюдье, от стыда сквозь лед провалиться. И бог бы с ним, что было, то сплыло... но как пережить то, что всю эту безобразную сцену видела кроткая, не смеющая перед тобой глаз поднять смуглая девушка-секретарша?.. Когда ты в слепой ярости сгребал Сары-Шая за грудки, она, такая робкая всегда и тихая, подлетела к тебе, повисла на твоей руке, по-девичьи взвизгнула: «Агатай!.. Опомнись! Что вы делаете, агатай?!» Только тут ты ее и увидел, но уже не владел собой, не слушая мольбы ее, не помня себя, с остервенением бил и бил, загнав в угол, этого оборотня, этого подстрекателя и учителя своего, а потом схватил его за шиворот и потащил к двери, чтобы вышвырнуть...

Мороз больно щипнул за щеку, точно ожег. Да, собачий характер... А разве не правда? Разве не он, этот твой собачий характер, выжил тебя из дома?

Авторизованный перевод с казахского
П. КРАСНОВА и Г. БЕЛЬГЕРА.

Окончание следует.

Вехи русской дипломатии

Петр Первый. Ему посвящены тысячи статей и монографий, его жизнь пытались воссоздать авторы многочисленных повестей, романов и поэм. Особенно много изучали Петра и его эпоху, естественно, историки. Поколения исследователей прочесывали архивные джунгли, собирая, накапливая, систематизируя факты и свидетельства очевидцев. Достаточно вспомнить хотя бы изданное в конце XVIII века И. И. Голиковым обширнейшее собрание материалов о Петре, которое выдающийся русский историк С. М. Соловьев метко окрестил «30-томным гимном преобразователю».

Усилия ученых, разумеется, не пропали даром. Сегодня можно проследить некоторые периоды жизни Петра Великого чуть ли не по дням. И все же о каких-то его важных устремлениях мы знаем еще недостаточно. Попытка углубленно проанализировать внешнеполитическую деятельность Петра предпринята в книге профессора Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Первого», помогающей по-новому взглянуть на существенную сторону действий великого преобразователя.

Знаменитый русский историк В. О. Ключевский писал, что имеет лишь один надежный способ верно оценить деятельность того или иного политика. Необходимо выяснить, насколько результаты его усилий соответствуют тем целям, которые он перед собой ставил. Если дипломатию Петра Великого оценивать с этой точки зрения, ее действительность не может не порадовать.

В тяжелой борьбе Россия, отстаивая свою независимость, сокрушила одну из сильнейших европейских держав того времени — Швецию. Петр, раздвинув пределы государства, заложил основу для решения другой важной задачи — получения выхода к Черному морю. Какова же роль во внешнеполитических успехах России самого Петра?

Он, как известно, постоянно направлял и контролировал всю внешнюю политику страны, руководил работой своих дипломатов и, как правило, лично проводил важнейшие дипломатические переговоры. Петр твердо знал, чего он хочет добиться во внешней политике, и все свои действия подчинял поставленной задаче. И при этом он, как отмечает Н. Н. Молчанов, искренне считал высшей целью своей внешней политики интересы отечества. «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего».

Слова эти, обращенные к рус-

ским солдатам, были произнесены Петром перед Полтавской битвой. Государственный деятель, а тем более монарх, придерживающийся таких взглядов, явление в истории нечастое. Но в этом, пожалуй, и заключается одна из причин того, что вот уже на протяжении столетий люди, произнося его имя, невольно добавляют слово «Великий».

Петр был личностью удивительно сложной и противоречивой. В нем как будто отразилась запутанность и противоречивость духовной жизни России того времени. Но если говорить о Петре как о дипломате, необходимо отметить еще одну чрезвычайно яркую черту его характера — искренность.

Казалось бы, парадокс. Интрига, лицемерие, тайна во все времена считались первейшими средствами дипломатии, залогом ее успеха. И тем не менее, читая книгу Н. Н. Молчанова, неизбежно приходишь к выводу, что Петр всегда стремился быть честен в политике и перед собой и перед друзьями.

Роль Петра в разработке и осуществлении внешней политики России огромна. Но никакой государственный деятель, даже масштаба Петра Великого, не в состоянии добиться успеха в одиночку. Петра окружала целая плеяда сподвижников — талантливых русских дипломатов, умело и настойчиво защищавших интересы своей родины. Правда, к ним история оказалась неблагодарна. В исторической литературе петровским дипломатам уделено до обидного мало внимания. Яркая, грандиозная личность Петра заслонила, отеснила на второй план многих незаурядных людей. Н. Н. Молчанов предпринял попытку хотя бы отчасти восстановить справедливость. Ницуть не умаляя значение деятельности самого Петра, автор воздает должное тем, кто стоял рядом с царем и кому Россия во многом обязана своими внешнеполитическими победами.

В своей книге Н. Н. Молчанов рассказывает и об Афанасии Лаврентьевиче Ордин-Нащокине, во многом превосхитившем преобразовательные планы Петра, и об Емельяне Игнатьевиче Украинцеве, старом опытным московском дипломате, заслужившем доверие монарха. Но главной опорой Петра были дипломаты нового поколения — энергичные, талантливые, во-европейски образованные. Вдумчивый князь Б. И. Куракин, хитрец и умница П. А. Толстой, деятельный А. А. Матвеев... Впрочем, каждый из них достоин того, чтобы стать героем особой книги.

В своих сотрудниках, в том числе и дипломатах, Петр ценил прежде всего деловые качества и явно пренебрегал соображениями иного порядка, например, древностью рода. Проводить такой подход в жизнь было, впрочем, не легко. По случаю создания Колле-

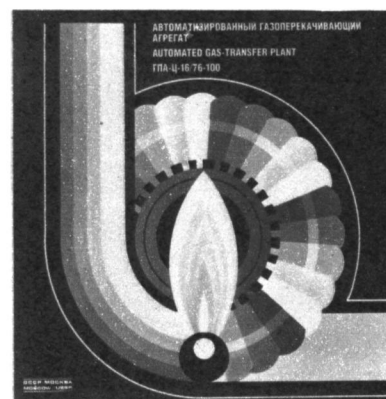
гии иностранных дел царю пришлось даже издать особый указ, гласивший: «К делам иностранным служителей коллегии иметь верных и добрых, чтобы не было дыряво, и в том крепко смотреть и отнюдь не определять туда недостойных людей или своих родственников, особенно своих креатур. А ежели кто непотребного в оное место допустит или, ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, то будут наказаны, яко изменники».

Царю постоянно не хватало людей, достаточно подготовленных и энергичных, чтобы понять и осуществить его замыслы. Именно поэтому он нередко привлекал на русскую службу иностранцев. Впоследствии это обстоятельство часто использовалось в исторической литературе для критики петровских преобразований. Его обвиняли в «онемечивании» страны, забвении национальных ценностей и традиций, «повреждении нравов» и т. д. В книге Н. Н. Молчанова мы находим любопытные факты, опровергающие эти мнения.

Петр отнюдь не был восторженным поклонником всего иностранного или наивным «гражданином мира», бездумно пренебрегающим культурой своего народа. Если воспользоваться словами А. С. Пушкина, «не презирал страны родной: он знал ее предназначенье». Петр служил России и верил в нее. Иностранцы нужны были царю для того, чтобы как можно быстрее преодолеть отставание страны от наиболее развитых государств. Показательно, что в последние годы царствования Петр стремился на всех сколько-нибудь важных постах заменить иноземцев русскими. Правда, этому замыслу царя не суждено было сбыться. После его смерти Россия оказалась под властью иноземной, немецкой по существу, династии. Произошло это по многим причинам. И помогает разобраться в этом непотомом вопросе книга Н. Н. Молчанова.

Работа эта, несомненно, является значительным событием в отечественной исторической литературе. Одно из ее достоинств хотелось бы отметить особо. Дело в том, что автор, известный советский ученый, много лет занимающийся вопросами истории международных отношений, не ограничивается, как это нередко случается, изложением лишь внешней политики России. Перед читателем разворачивается яркая, многоплановая картина всей системы европейских международных отношений, испытывавших на себе возрастающее влияние русской дипломатии. Прекрасное знание не только отечественной, но и зарубежной истории позволяет автору проводить любопытные сопоставления и приходиться к интересным выводам. И хотя некоторые суждения автора могут показаться на первый взгляд необычными или расходящимися с установившимися представлениями, тем не менее они всегда убедительны и хорошо аргументированы. Можно только добавить, что новая книга Н. Н. Молчанова, как и все его работы, написана ярким, образным языком, рассчитана на массового читателя и с первой до последней страницы читается с неослабевающим интересом.

А. ГАВРЮШИН

СЛУЖАТ ДВАЖДЫ

«Победила идея». Так назывался очерк Галины Куликовской [«Огонек» № 45, 1980 год], в котором рассказывалось о том, как в ОКБ генерального конструктора академика Н. Д. Кузнецова родилась и была осуществлена идея использования авиационных газотурбинных двигателей, отработавших летный ресурс на самолетах, для газоперекачивающих агрегатов компрессорных станций магистральных газопроводов. Первые такие агрегаты были установлены, как известно, десять лет назад на линиях Оренбург — Куйбышев и Нижняя Тура — Центр. О том, какое распространение они получили в наши дни, рассказывает заместитель главного конструктора ОКБ, доктор технических наук В. Н. ОРЛОВ.

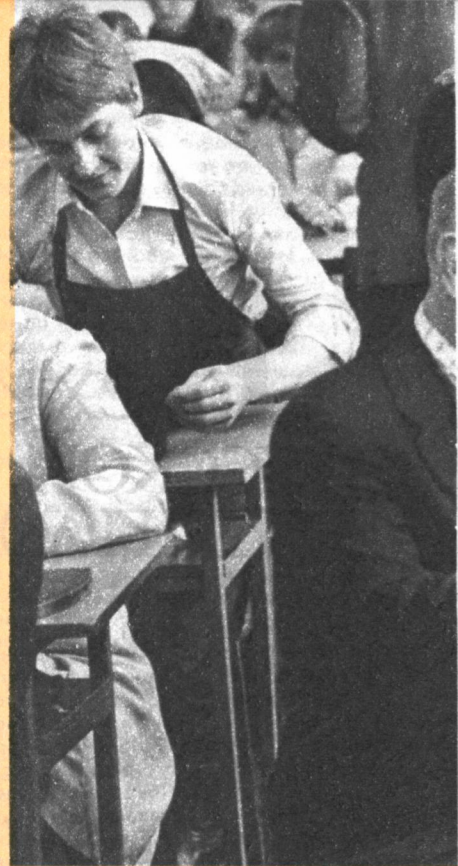
— Нашими двигателями первого поколения (НК-12СТ) оснащены агрегаты на многих компрессорных станциях. Они особенно удобны в труднодоступных районах Крайнего Севера, где сосредоточены крупнейшие месторождения природного газа и где тяжелые климатические условия. Малый вес двигателей, легкость демонтажа и доставки любым видом транспорта на завод-изготовитель позволили организовать на компрессорных станциях новый вид сервисного обслуживания — ремонт двигателя производится в заводских условиях.

В последние годы нами был создан еще более мощный двигатель, на 16 тысяч киловатт (НК-16СТ), на базе мотора, отработавшего свой летный ресурс на пассажирском самолете Ту-154. В ответ на дискриминационную политику администрации Рейгана по поставке оборудования для экспортного газопровода Уренгой — Ужгород Министерство авиационной промышленности в сжатые сроки организовало серийное производство этих двигателей. Ими уже оснащены газоперекачивающие агрегаты на северных станциях газопровода Уренгой — Ужгород. В настоящее время агрегаты второго поколения устанавливаются на компрессорных станциях северных участков газопроводов Уренгой — Центр I и Уренгой — Центр II.

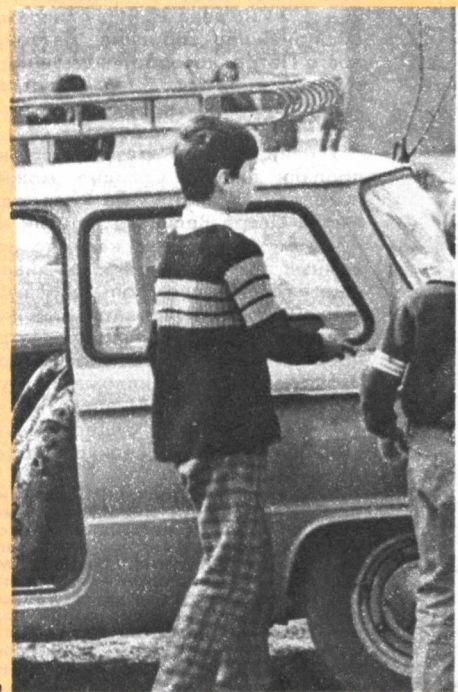
Применение двигателей авиационного типа позволило сократить в два-три раза сроки ввода в эксплуатацию компрессорных станций по сравнению со стационарными агрегатами, на сорок процентов снизить капитальные вложения, на треть сократить число нужных для строительства людей. Прекрасно они зарекомендовали себя в Газли, когда там недавно, уже во второй раз после подземной бури 1976 года, произошло землетрясение. Ни один газоперекачивающий агрегат с авиационным приводом не пострадал.

К концу пятилетки общая мощность работающих на магистральных газопроводах двигателей особого типа составит значительную часть установленной мощности всех газоперекачивающих агрегатов страны. Их эмблему — голубой огонек на ярко-красном фоне лопаток турбины — можно встретить на многих газовых магистра-

Н. Н. Молчанов. Дипломатия Петра Первого, М., «Международные отношения», 1984, 440 с.

2.

3.

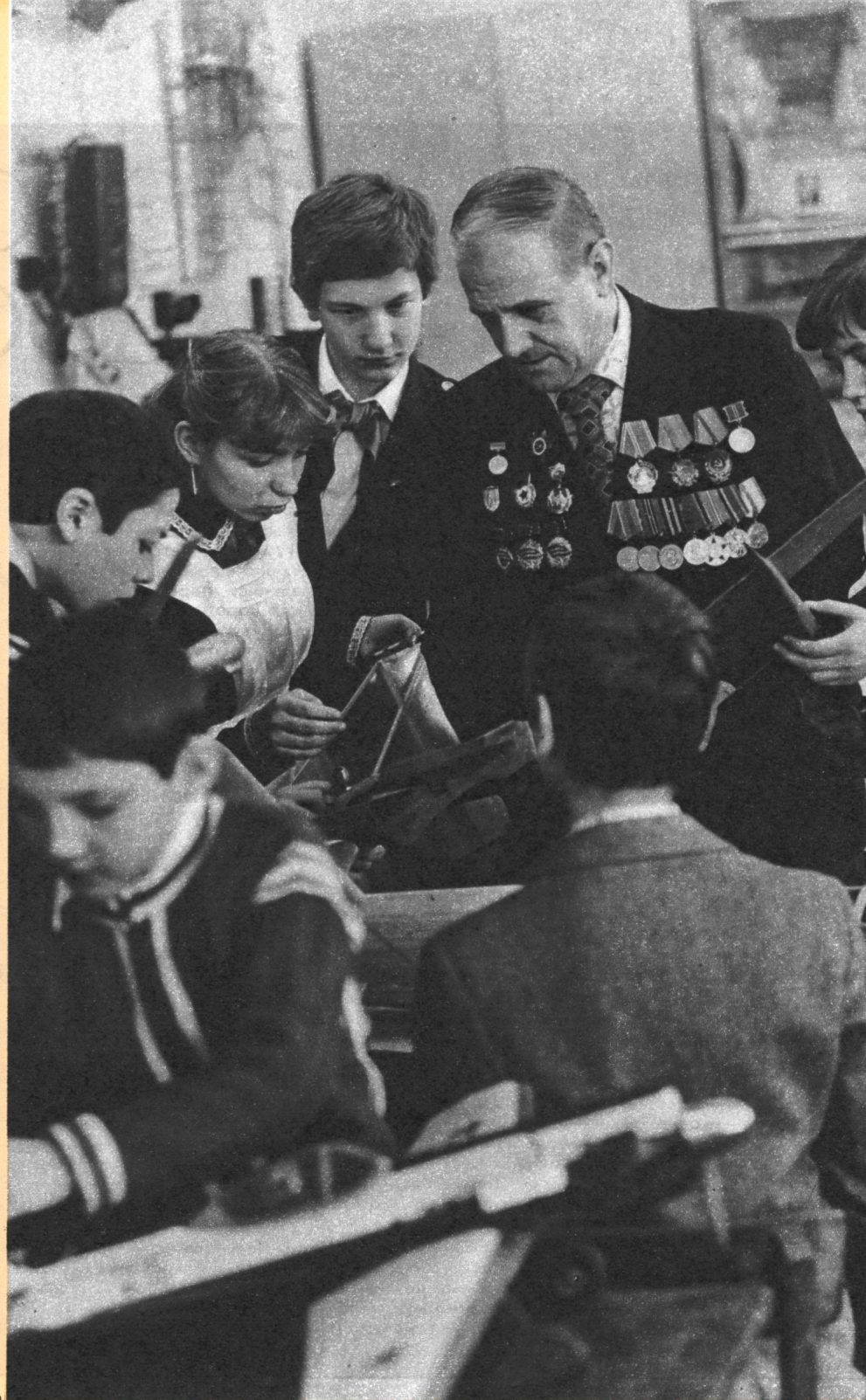
**Ю. ПЛЮЩЕВ,
фото
Э. ЭТТИНГЕРА**

Есть в центре старинного Гродно Доска почета. Фотографии. Под одной подпись: Житнов Александр Андреевич, мастер-обувщик производственного объединения «Труд». Кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны... Спокойный, светлый взгляд, орденские планки на пиджаке.

— Как-то еду на машине. Воскресенье. К вечеру уже. И вижу у дороги двух девушек. Та, что повыше, одну ногу поджала, а в руках — босоножка... Каблук сломался. И вид такой растерянный, что я даже из машины заметил, остановился. Приехали мы в мастерскую. Прибил каблук. А то ведь прямо катастрофа — девушки на бал торопились... — говорит Александр Андреевич.

А его руки в это время осматривают ботинки, отгибают кожу —

1.

4.

САПОЖНИК

пальцы безошибочно ставят диагноз. И вот уже стучит молоток, пошел в дело треугольный сапожный нож. Там подрежет, здесь подклеит, там подошьет — нехитрая вроде бы работа.

— Сейчас слово «сапожник» редко услышишь... Говорят «обувщик», «мастер по ремонту обуви». Не в названии суть, — он окидывает взглядом мастерскую, — всякую обувь несут. Бывает такая модель, что и призадуматься, как сделать, чтобы вид не испортить и чтобы добротно было. Есть у нас поговорка: без работы, так шей коту боты, но у нас дел хватает. (Мне сказали, что за долгую свою работу он отремонтировал тысячи пар обуви.)

— Я зимнюю рыбалку люблю и футбол...

Александр Андреевич идет по городу, по весеннему Гродно, слегка опираясь на палочку. Орденские

планки на пиджаке. 9 мая. Из репродукторов музыка.

— Сапожником-то меня война сделала. Я сам из деревни Лозы, что под Гродно. По-настоящему жили только в сентябре тридцать девятого года. А вскоре война... Восемнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт. За несколько дней до Победы под Берлином тяжело ранило. Очнулся в палате. Без обеих ног. Страшно стало. Потом Москва, госпиталь. Три с лишним года — госпиталь. А мне после войны только двадцать было. Вокруг Москва, девушки... Не знаю, как смог побороть отчаяние. Когда первый раз встал на костылях, мне медсестра сирень подарила... В Гродно я сирень перед домом посадил. Дочь Марина ухаживает, поливает... Попал на курсы писарей, чуть машинисткой не стал. Понял — не по мне это. И пошел в сапожники.

Из окна квартиры Житковых сквозит ветки сирени виден обычный двор, со скамейками, гаражами. Двери одного из гаражей распахнуты, у дверей «Запорожец». Александр Андреевич разговаривает со своим приятелем — учителем.

— Ур-ра! — многогласно разнесется по двору, и вслед за этим пронесется ватага ребятишек.

— Опять в войну играют, — говорит учитель. — А ты, Андрейч, в школу на сбор приходи, у нас следопыты собираются.

— Приду. Съезжу в Друскининкай, подлечусь немного, а потом приду.

Он придет. Обязательно придет, чтобы рассказать ребятам о долгой, непостижимо трудной войне. Об умении жить после войны, жить честно и достойно. Так, чтобы фамилия — она у него от слова «жить» — гордо звучала.

1. Александр Андреевич Житков, ветеран войны, ветеран труда.

2. В ГПТУ № 74. С будущими закройщиками.

3. Когда Александр Андреевич ремонтирует свой «Запорожец», ему помогают все мальчишки.

4. Во Дворце пионеров.

Н. Навашина-Крандиевская. Род. 1923. СЕСТРЫ. 1983.

Н. Навашина-Крандиевская. ЛЕНОЧКА. 1983.

СЕКРЕТ УСПЕХА

Спросим себя: в чем заключается общий секрет успеха недавно прошедших в Москве гастролей Башкирского академического театра?.. Ответ будет неоднозначен, но мне сразу хочется отметить интересно представленный, разнообразный и содержательный репертуар. Театр и на сей раз (нынешние гастроли были по счету одиннадцатыми) привез в столицу прежде всего произведения национальных авторов. И, как в прежние приезды, все они привлекали каждый по-своему: и в современных спектаклях и в классике четко выражена гражданская позиция, столь необходимая искусству; зритель задумывается о ценностях истинных и мнимых, решает вместе с артистами нравственные проблемы, поставленные авторами пьес.

Все чаще и результативнее обращается театр и произведениям прозы, художественной литературы, делая их сценическим первоисточником, — таковы «Долгое детство» Мустая Карима, «Кукушки слышу счет...» Т. Тагирова (на сцене — «Галия»).

Особое место в репертуаре, безусловно, занимает драма А. Атнабаева «Красный паша». Спектакль был истинным украшением гастрольной афиши. Как в зеркале отразилось в нем творческое лицо, возросшая зрелость театра, в чем большая заслуга главного режиссера Р. Ибрафимова и его помощников.

Спектакль документален в своей основе, поскольку сюжет построен на реальных событиях жизни и реальном подвиге человека реально. Это молодой коммунист, красный командир Карим Хакимов, прославленный герой гражданской войны.

Он — первый советский дипломат в Йемене и некоторых других арабских странах. Интересно, что А. Атнабаев, автор пьесы, объездил все те города, где случилось бывать Кариму, и собрал о нем громадный, насыщенный событиями и размышлениями материал, воскрешающий острую политическую обстановку того вре-

Сцена из спектакля «Красный паша».

мени, в какой-то степени пересекающуюся с нашей нынешней современностью.

Спектакль этот о грозном и прекрасном времени начинается великолепно сыгранным прологом. Мы видим встречу Карима Хакимова с Лениным и Чичериным. И надо сказать, что артисты А. Абушахманов, К. Фахриев и Ш. Рахматуллин представили нам достаточно убедительно те незабываемые мгновения истории живой, подлинной.

— Вы, товарищ Хакимов, едете в самую горячую точку земли,

вернее, в восточную страну, только что проснувшуюся к новой жизни... Помните, дипломат — это и политик и в то же время полководец без войска... — говорит Кариму Владимир Ильич. Молодой дипломат уезжает на мусульманский Восток. Больше уже никогда он не встретится с Лениным. Но живая память об этой встрече поддерживает его в самые трудные минуты, помогает найти выход в положениях, казалось бы, безвыходных... «Красный паша» — именно так называли на Востоке Карима.

Постановщик спектакля Л. Валиев сумел интересно, тонко передать публицистический пафос пьесы, ее актуальное звучание. Спектакль оформлен изящно, без сценнографических излишеств. Здесь главным становится и необычайность, подлинность всех ситуаций и блеск острых диалогов, их значение...

Сильное впечатление оставила «Галия» — драма Т. Тагирова и Р. Ибрафимова (он же постановщик спектакля). Это повесть о такой неизменной, верной любви, которая всегда бывает — и должна быть — длиннее жизни; о героях, отдавших молодость и самую жизнь свою за счастье Родины. И еще о светлой, вечной памяти о них — навсегда ушедших...

Об ответственности человека за свою судьбу рассказывает современная драма А. Атнабаева «Трудное счастье», где герой не сумел оказаться таким сильным, как этого требовали обстоятельства. Требовала жизнь. Требовали нравственные устои народа.

О многом заставляет задуматься и пьеса-притча М. Карима «Пеший Махмут».

«Тебе никогда не вскочить на коня, мой бедный Махмут. Ты навсегда останешься пешим», — говорит Махмуду жена, когда решает покинуть своего «непрестыжного» мужа. Он не нужен ей, добытчике!..

Под смех и аплодисменты зрительного зала идет «Похищение девушки» — комедия М. Карима, где зрители включаются в веселье и радость сельского праздника. Ведь и самое «похищение» — тоже игра, тоже праздник со множеством участников...

Башкирский театр невозможен без традиционного жанра музыкальной комедии, где причудливо переплетаются сцены лирические и сатирические, причем добро непременно должно победить зло. Таковыми были «Голубая шаль» К. Тинчурина и «Зятек» Х. Ибрагимова.

Хочется в заключение сказать, что своеобразно и удачно дополнила спектакли выставка эскизов декораций главного художника театра — первой башкирской художницы Г. Имашевой.

Ф. КОВАРСКАЯ

СУДЬБЫ, ХАРАКТЕРЫ, ЧУВСТВА...

Русскому драматическому театру из Вильнюса надо отдать должное: он интересен и в выборе оригинальной драматургии, и в открытии новых имен, и в возвращении к жизни забытых пьес известных писателей.

На московские гастроли театр привозил «Равняется четырем Франциям» А. Мишарина, «Вдовый пароход» И. Грековой и П. Лунгина, «Доходное место» А. Островского, «Барбора Радвилайте» Ю. Грушаса, «Женщина с моря» Г. Ибсена, «Два клена» Е. Шварца... Уже тут была выявлена четкая позиция главного режиссера И. Петрова и всего коллектива.

Высокая амплитуда человеческих чувств, внутренний максимализм роднят таких непохожих, разных героев, как, например, Барбора Радвилайте в одноименном спектакле и Анфиса Громова во «Вдовьем пароходе», живущих в разные времена, но исповедующих одну веру. Веру в могущество Человека.

Поиск художественного идеала, который сегодня ведет театр, поиск положительного героя наиболее четко, думается, проявился как раз в спектакле «Вдовый пароход». Режиссер И. Петров и актеры настолько верно прочитали роман и так прониклись миром героев, что создали драматургический вариант на уровне повести. Проживание антемами своей судьбы настолько психологически достоверно, что, кажется, сама жизнь во всей своей великой простоте и вместе сложности выплеснулась в зрительный зал... «Вдовый пароход» — это ведь коммунальная московская квартира, где судьба и свела вдов, заставила их вместе делить тяготы войны и послевоенной разрухи... Впрочем, в отличие от романа действие в спектакле начинается с кончины Анфисы, бывшей фронтовички, неутомимой труженицы.

Поминальный стол, вокруг которого скорбящие женские фигуры и единственный мужчина, сын Анфисы, станет как бы «центром» истории жизни героини, как и всех остальных обитателей «бабьего ковчега».

Здесь крупным планом показаны главные женские судьбы. Это многострадальная Анфиса (С. Атамашкина), всю себя отдавшая людям и единственному сыну. Это несущая, экзальтированная, но в сущности добрая Ада Ульская, в прошлом опереточная певица (Е. Майкина). Это Евлампия Захаровна, заведующая Домом ребенка (Л. Перфильева). Тут и электромонтер — справедливая и честная, хоть и грубая Панька Зыкова (Т. Гензель). И, наконец, сключная, корыстная «женщина из очереди» — ночной сторож Капа Гушина (М. Полякова). Ну, конечно, всем им вторит главная рассказчица Ольга Ивановна Флорова, наиболее пострадавшая в войну, роль эта удивительно точно сыграна молодой актрисой В. Мотовиловой.

О пьесе А. Мишарина «Равняется четырем Франциям», о ее режиссерских трактовках уже писала пресса. И все-таки хочу сказать, чем же именно она привлекала театр из Вильнюса. Думаю, не экстремальностью ситуаций, но острой конфликтностью между старым, отжившим методом руководства и новым, глубинным исследованием психологического облика, душевной структуры современного руководителя, партийного лидера... На сцене разгорается страстная полемика. И зал напряженно, с интересом следит за Серебренниковым (А. Иноземцев): он секретарь райкома партии. Его бескомпромиссность, твердость, требовательность несомненны. Но рядом совсем иной — импульсивный, горячий, защищающий людей М. Шахматов — М. Евдокимов... В кабине

те крайкома партии ощутимо бьется пульс современности.

Позиция высоких чувств, глубина философской мысли Ю. Грушаса (на материалах исторической хроники начала XVI века) обрела новое дыхание в поэтических метафорах спектакля «Барбора Радвилайте». Здесь старинные, средневековые фрески словно ожили на наших глазах и заговорили с нами о вечных человеческих ценностях: любви, чести, совести... Тайные разговоры, убийства, борьба за престол — все померкло пред силой взаимного притяжения Барборы (В. Мотовилова) и Сигизмунда-Августа (В. Ефремов). Их любовь через толщу веков донесла до нас свой немеркнущий свет. Но задыхается святая Барбора в замкнутом пространстве, под низкими сводами королевских палат. Ей не нужна корона, власть, она пытается все конфликты, все междоусобицы решить миром, она хочет только любить и быть любимой...

В позабытой театрами пьесе Г. Ибсена «Женщина с моря» режиссер И. Петров заново символическим ключом театра открывает душевные переживания свободной, как морская стихия, Эллады (В. Мотовилова); говорит о человеческом долге, о праве выбора, о верности данной клятве...

Неоднозначное впечатление производит лишь спектакль «Доходное место» А. Островского. Кажется, именно русский классикой должен быть особенно силен русский театр в национальной республике. Но в этом спектакле не определен жанр. С одной стороны, это лирическая драма, где очень четко проработана тема семьи, тема поруганной и проданной любви Анны Павловны (Т. Майорова) и Юлиньки (О. Демичева)... Но с другой — это трагикомический фарс, где молодые люди добиваются доходного места любой ценой. Жанровая неопределенность породила и неточ-

Полина — Н. Недвига. «Доходное место».

ное оформление и исполнительский разномыслие. Э. Микунский играет Жадова минорно, показывая растерянного человека, не способного не только на поступок, но и на смелые мысли... Зато Л. Владимиров — Белогубов ведет свою роль эксцентрично, создавая шаржированный тип чиновника, который, кстати, еще и по возрасту явно отличается от сверстника.

Вероятно, главный режиссер, все спектакли поставивший сам, тоже должен взглянуть на работу театра как бы «со стороны»... Ведь у театра сильная труппа, немало молодежи. Ей многие задачи по плечу.

Любовь ЛЕБЕДИНА

К ТАЙНАМ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Почти две недели крупнейшие биохимики мира гостили в Советском Союзе. Здесь проходили XVI конференция Федерации европейских биохимических обществ и международный симпозиум «Перспективы биоорганической химии и молекулярной биологии».

Открытие и закрытие Форума биологов проходило в Кремлевском Дворце съездов.

В своем приветствии Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, подчеркивая значение конференции, отметил:

«Современная биология богата выдающимися открытиями, но сделать предстоит еще больше. Научные успехи в этой области являются важным вкладом в решение таких глобальных проблем человечества, как предупреждение и лечение опасных болезней, продовольственные ресурсы, охрана природы и рациональное использование природных богатств.

Международное сотрудничество ученых способствует росту взаимопонимания, доверия между ними, укреплению мира на земле, оно служит гуманным, благородным целям науки, познающей тайны самого сложного явления природы — жизни. В нынешних условиях обострения международной обстановки это имеет особое значение».

Ученые-биохимики почти из сорока государств Европы, Азии и Америки посетили крупнейшие научные центры нашей страны. Они побывали в Ленинграде, Киеве, Алма-Ате и других городах.

В работе конференции в Москве и симпозиума в Алма-Ате приняли участие известные во всем мире своими работами в области био-

органической химии советские академики Ю. А. Овчинников, А. А. Баев, С. Е. Северин, П. Г. Костюк, профессор К. Либек из Бельгии, профессор Л. Эрнстер из Швеции, профессор М. Грюнберг-Маного из Франции и другие.

Биохимия изучает структуру, пути образования и химические превращения веществ, входящих в состав живых организмов, то есть исследует химические основы жизни во всех ее многообразных проявлениях.

Достижения физико-химической биологии открыли новые горизонты для направленного воздействия на генетический аппарат и тем самым создали фундамент для более глубокого понимания проблем эволюции и управления наследственностью.

В сфере практического применения это может обеспечить подъем на качественно новый уровень работ по генетике и селекции микроорганизмов, растений и животных, создание крупномасштабных производств по получению труднодоступных гормонов человека и животных, а также дефицитных белков посредством микробиологического синтеза.

Отмечая вклад советских ученых-биохимиков, президент XVI конференции ФЕБО академик Ю. А. Овчинников назвал целый ряд работ, которые являются пионерскими в важнейших направлениях биохимии, в частности исследования генетического аппарата эукариотов, осуществленные членом-корреспондентом АН СССР Г. П. Георгиевым; работы академика А. А. Баева в области генной инженерии; фундаментальные исследования передачи наследственной информации в клетке на уров-

не трансляции, выполненные академиком А. С. Спириным.

Будет ли побежден рак? Этот вопрос волнует всех. Вот как на него ответил нам академик Ю. А. Овчинников:

— В борьбе с этим недугом биохимии принадлежит очень важная роль. И прежде всего в выяснении причин злокачественного перерождения клеток. Открыты два с половиной десятка онкогенов, отвечающих за конкретные формы ра-

ка, получены соответствующие белки, их анализируют, выясняют структуру.

Нынешняя, XVI Конференция ФЕБО совпала с двадцатилетием образования этой Федерации. В связи с этим оргкомитет конференции в Москве учредил памятную медаль, она будет вручена ее участникам. Деятельность ФЕБО вносит огромный вклад не только в развитие биохимической науки, она выполняет важную роль в установлении и укреплении личных контактов между учеными разных стран мира, способствует разрядке международной напряженности.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Ученые посетили выставку биохимического оборудования.

Фото С. Комарова

КТО ЛУЧШЕ СВАРИТ КАШУ?

На столе, накрытом крахмальной скатертью, ваза с цветами — розы, астры, георгины. И все это вырезано из овощей. Рядом овальное блюдо с заливным. И здесь тоже цветы — ландыши, ромашки, колокольчики. Цветы как живые, а сделаны из моркови, красного перца, вареного белка и зелени... На сковороде — рыба под белым соусом, пюре уложено розочками. Красиво, аппетитно, вкусно...

В выпускных группах московского профессионально-технического училища № 19, готовящего поваров и кондитеров, идет кон-

курс по профессиональному мастерству. Его лауреаты потом участвуют в городском. И хотя издавна считается, что лучшие повара — мужчины, в прошлом году победительницей стала Галина Тимохина.

Конкурсу предшествовали три года учебы. Ребята изучали кулинарию и товароведение, основы рационального питания и его физиологию. И с первого месяца практиковались на предприятиях общепита. А начинали с того, что учились чистить овощи, правильно их обрабатывать, нарезать кубиками, соломкой, готовить овощные

блюда. Дальше — уже более сложные: мясные, рыбные. А сколько окрошек да борщей, щей учатся варить ребята, сколько рецептов и секретов узнают... И передают им свое умение, прививают все эти навыки мастера производственного обучения, многие годы проработавшие в училище.

— «Добрый повар стоит доктора» — гласит народная мудрость. И вот мы, мастера, стараемся привить любовь к профессии, раскрыть ее, сделать из ребят добрых поваров, — рассказывает Екатерина Никифоровна Кулябичева. — И наши дети не забывают нас, когда выходят на самостоятельную дорогу: приходят, звонят, пишут. Пишут из армии В. Крылов, Е. Сидоренко, рассказывают, как помогают им в теперешней службе знания, полученные в училище. А Галина Никитина прислала уже не одно письмо из Нью-Йорка — там она работает при ООН поваром, — благодарит за науку и доброту своего мастера Нину Павловну Кутью.

Ребята получают в училище не только профессию, но и среднее образование. Ведь современному повару нужны и химия, и физика, и математика. Гордятся здесь кабинетом физики, его создали сами учащиеся под руководством преподавателя Э. М. Аракеляна. Удобный демонстрационный стол с пультом, который управляет проекционной техникой, освещением, вращающейся классной доской. Здесь же смонтированы киноаппарат и кадропроектор. Есть в кабинете даже лазер. И когда проходят оптику, двое не бывает. Каждый год на практику приходят сюда студенты из педагогического института имени Ленина, и кое-кто остается преподавать в училищах.

Учитывать насущные проблемы, склонности молодежи считают здесь очень важным.

Давно дружат ребята с ветеранами Второй ударной армии, участвовавшей в снятии блокады Ленинграда. В музее боевой и трудовой славы проходят уроки мужества, комсомольские собрания, прием в комсомол. А сейчас заседает комитет комсомола: обсуждают характеристику Елены Колгуновой, которая в группе учащихся ПТУ едет этим летом в Румынию. На стендах — фотографии бывших учащихся профтехобразования — Героев Советского Союза, ветеранов труда. На полках — подарки делегаций, посетивших училище. Недаром оно коллективный член многих обществ дружбы с зарубежными странами...

Кончились занятия. А ребята не спешат домой: кто готовит научно-практическую конференцию «Хлеб — наше богатство», кто спешит в математический кружок или на занятия театрального коллектива. А спортивных секций не счесть: и легкоатлетическая, и баскетбольная, и волейбольная, и настольного тенниса.

— Уже третий раз полтора часа учеников едут в Ростовскую область в летний трудовой лагерь, — рассказывает директор училища Тамара Васильевна Розонова. — Работают там по четыре-пять часов. А потом отдых, купание. А сколько интересных встреч с ветеранами войны и труда, дискуссий, вечеров самодеятельности, лекций! И еще футбольные баталии с местными ребятами, которые уже стали друзьями.

А у выпускников в конце июля — бал. Скоро новые мастера придут в столовые и рестораны столицы.

И. МИХЕЕВА

Приготовить яичницу — тоже искусство.

Фото А. Козьмина

Вот уже четыре года сборная команда СССР по водному поло выигрывает все важнейшие турниры — Олимпийские игры, чемпионат мира, дважды Кубок мира, чемпионат Европы. И совсем недавно еще одна большая победа в турнире сильнейших команд мира.

Если смотреть лишь на табельную сторону этих выступлений, может сложиться впечатление, что преимущество нашей команды над всеми другими явное и подавляющее. Но такое преимущество в большом спорте бывает крайне редко, и выступления советской сборной подтверждают это. Так, в мае прошлого года в Лос-Анджелесе разыгрывался Кубок мира. К заключительному дню турнира лидировали западногерманские спортсмены, потерявшие лишь одно очко, тогда как у наших дела были похуже. Таким образом, в заключительной игре с командой ФРГ нам нужна была только победа. До последней минуты никому не удавалось забить гол. Согласно правилам водного поло, замены игроков разрешаются лишь после гола. Между тем все участники матча были измождены до предела. До триумфа западногерманской команды оставалось 33 секунды, когда Георгий Мшвениерадзе забил этот решающий гол.

Подводя итоги турнира, старший тренер команды Борис Попов сказал журналистам:

— Мшвениерадзе показал, пожалуй, наиболее интересную игру за все время выступлений в сборной. И дело не только в результативности (он забил 11 мячей — больше всех в команде). Практически ни в одной команде сейчас нет защитника, который мог бы переиграть Мшвениерадзе.

А вот еще одно мнение. Оно принадлежит знаменитому венгерскому тренеру Бела Райки:

— Мшвениерадзе — лучший игрок Советского Союза, в настоящее время является, без сомнения, лучшим центральным нападающим в мире. Его физические данные, огромная сила и техника владения мячом делают его способным демонстрировать такие шедевры технического мастерства, что его можно сравнить с жонглером.

Здесь требуется уточнение. Словам этим четверть века, а Георгию Мшвениерадзе на два года меньше. Речь идет не о Георгии, а о его отце — Петре Яковлевиче Мшвениерадзе.

Заслуженный мастер спорта, десятикратный чемпион СССР, обладатель серебряной и бронзовой олимпийских наград, капитан сборной команды страны, а ныне полковник, доцент кафедры уголовного права Академии МВД СССР не смог завоевать самых высших спортивных титулов, как и его старший сын Нугзар, который в составе сборной выступал много раз, но — увы — не в лучшие ее годы. Так что за отца и брата все мировое золото приходится добывать младшему, Георгию.

Прошло почти двадцать лет, как отец закончил выступать, однако до сих пор нет в нашем водном поло игрока, подобного ему, как нет второго Всеволода Боброва. Здесь оправданием нынешнему

спортивному поколению может служить возросший уровень мастерства. Может быть, поэтому проходной балл в «клан великих» столь высок. Нынешняя всеумоющая спортивная поросль вознеслась «на плечах гигантов». А на чьих плечах вырос Мшвениерадзе-отец? Ответа нет.

Нередко он забивал такие голы, повторить которые и самому больше не доводилось. Не потому, что они были случайными. Просто именно такая ситуация больше не складывалась. А если и складывалась, то он уже действовал, применяя другой прием, может быть, снова неповторимый, но другой. Потому что эти приемы, финты, удары порождены были вдохновением.

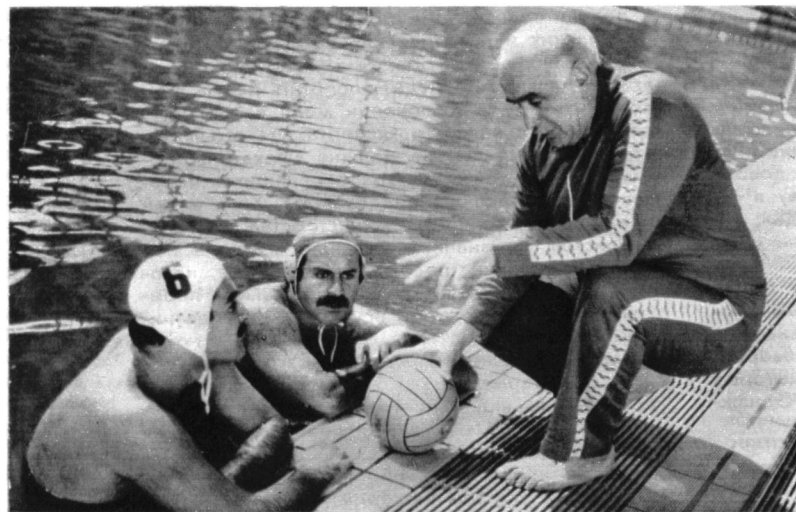
Когда Петр Мшвениерадзе собирался на Олимпиаду в Хельсинки, родился Нугзар, и счастливый

мой Олимпиадой — римской. Каха не лелеял рыбок и птиц, как некогда старший брат. Он не мечтал о карьере пожарного. И если сказать, что Георгий Мшвениерадзе родился в ватерпольной шапочке, преувеличения большого не будет.

Почему эта любовь захватила мальчишку сразу, всего, без остатка, тогда как Нугзар к ее обретению шел долгие годы? Если бы знать! Но таков факт, и, возможно, он и предопределил более удачную спортивную судьбу младшего.

Поплыл он в возрасте трех лет от роду в лягушатнике. Отец и брат становились на небольшом расстоянии и толкали малыша навстречу друг другу, как надувную игрушку. Игрушке это нравилось, она хохотала и кувыркалась. Так Каха и поплыл.

ВСЕГДА В АТАКЕ

П. Я. Мшвениерадзе с сыновьями Георгием (слева) и Нугзаром.

Фото И. Уткина

отец сразу же предрек ему большое ватерпольное будущее. Так что вопрос, быть или не быть Нугзару ватерполистом, в семье не обсуждался. До 10 лет отец занимался с ним сам и только потом отдал его в команду, но сам по-прежнему ходил на тренировки сына, а по окончании занятий прыгал в воду, и учеба продолжалась.

В 16 лет Нугзара включили в состав юниорской сборной, и вскоре он стал самым молодым в стране мастером спорта, а впоследствии трехкратным чемпионом СССР, обладателем Кубка европейского чемпионатов. Он окончил экономический факультет МГУ, сейчас продолжает играть, являясь капитаном команды университета, по-прежнему одной из сильнейших в стране.

Георгий, которого в семье называют Каха, также родился перед са-

миса Дмитриевича, Женья, на год старше Кахи, и когда младший Мшвениерадзе еще только учился ходить, Петр Яковлевич сказал товарищу: «Подрастут наши мальчишки, вместе играть должны».

И действительно, Каха и Женья совсем еще мальцами оказались в одной команде. Чуть позже к ним присоединился Михаил Иванов. Кто мог тогда подумать, что эти трое щуплых несмышленишей пошагают одной дорогой через все возрастные ступени и категории спортивного мастерства? Что через шесть лет, еще не выйдя из юношеской группы, они составят костяк московского «Динамо», станут чемпионами Европы среди юниоров, что в 1980 году завоюют звание олимпийских чемпионов, а спустя два года — чемпионов мира.

Но с Кахой были проблемы. Азарта и игровой отваги у него всегда хватало с избытком, и тренировался он едва ли не больше всех, однако с плаванием отношения у него складывались трудные. Здесь он выполнял лишь тренировочную программу, да и ту редко с охотой, чаще с недоработками. Товарищи и тренеры его убеждали: «сейчас не те времена, что при отце, другие нынче скорости, каждый игрок должен быть максимально подвижным, каждый нападающий обязан играть и в обороне. Долгое время Каха так и не перестраивал свою игру. Тем не менее и в «Динамо» и в сборной страны он оставался практически незаменимым игроком — столь силен он своей техникой и пониманием игры. Но от него ждали большего.

Получилось так, что последнее выступление Нугзара в сборной практически совпало с дебютом в ней Георгия. Так что фамилия Мшвениерадзе вновь громко зазвучала на самой почтенной международной арене. Уже в следующем году после дебюта в сборной — 1979-м — Георгий Мшвениерадзе стал лучшим бомбардиром проводившегося в Мексике турнира Всемирной универсиады. 24 мяча записал он на свой счет. Заключительный матч с командой США наши спортсмены проиграли — 6:8, но из этих шести Каха забил пять мячей.

Получив золотую олимпийскую медаль, Каха тут же направился к отцу и с удивлением увидел, что глаза его на мокром месте. Таким он отца еще не знал... Наступил золотой век советского водного поло. В 1981 году наша сборная стала победительницей турнира на Кубок мира, годом позже выиграла звание чемпионов мира. Георгий Мшвениерадзе играл виртуозно, забивал такие мячи, какие некогда его отец. Но это чаще всего были сольные партии, а от Кахи по-прежнему ждали большего. И вот незадолго до турнира на Кубок мира в олимпийском бассейне Лос-Анджелеса у игроков сборной состоялся серьезный разговор с центром нападения:

— Пора, Каха, тебе наконец пересмотреть свою тактику. Ты должен играть на команду, как команда играет на тебя. Ты можешь так играть, не раз это доказывал.

И Каха оправдал веру друзей. Тот турнир стал лучшим в его спортивной биографии.

Однако будем верить, что лучшие игры Георгия Мшвениерадзе все еще впереди.

Герхард КЕГЕЛЬ

Автор этой документальной книги, Герхард Кегель, родился в 1907 году в Верхней Силезии, входившей тогда в состав кайзеровской империи. Когда Гитлер пришел к власти, принимал активное участие в подпольной борьбе против фашизма. Будучи видным журналистом-экономистом и корреспондентом немецких буржуазных газет, он в конце 1934 — начале 1935 года поступил на службу в германское посольство в Польше в качестве эксперта по вопросам экономической политики. О дальнейшей разведывательной деятельности Герхарда Кегеля, уже в германском посольстве в Москве и в министерстве иностранных дел гитлеровской Германии, подробно рассказывается в его книге «В бурях нашего века», фрагменты из которой предлагаются читателю. В 1944 году Кегель был мобилизован в вермахт и направлен унтер-офицером на советско-германский фронт. При первой же возможности он перешел на сторону Красной Армии.

После разгрома гитлеровского фашизма Герхард Кегель — в числе тех «активистов первого часа», которые на развалинах «третьего рейха» начали строить новую жизнь в Восточной Германии. До недавнего времени он, в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла, являлся постоянным представителем ГДР при ООН в Женеве. Президиум Верховного Совета СССР наградил Герхарда Кегеля орденом Красного Знамени и Дружбы народов, а германское социалистическое государство — орденом Карла Маркса и Почетным знаком к Золотому ордену «За заслуги перед Отечеством».

МОСКОВСКАЯ УВЕРТЮРА

Развязав 1 сентября 1939 года вторую мировую войну, германский империализм зверг значительную часть Европы в огонь уничтожения. В те дни я, еще даже и не предполагая, куда забросит меня судьба, находился в Берлине. Отдел личного состава германского министерства иностранных дел временно направил меня в отдел торговой политики (сектор Восточной Европы). Отдел этот возглавлял посол Риттер.

...Убедившись в том, что гестапо не следит за мной, я связался с товарищем Ильзой Штёбе¹. Она имела задание поддерживать контакт в Берлине с дипломатом Рудольфом фон Шелиа. У нее имела постоянная связь с Москвой. Во время бесед мы обменивались с ней мнениями и советовались по поводу моей подпольной работы. Но поскольку я находился в министерстве иностранных дел, так сказать, «в подвешенном состоянии», не оставалось ничего иного, как ждать.

В секторе Восточной Европы отдела торговой политики за отношения с Советским Союзом отвечал посланник д-р Шнурре, знавший меня по тем прежним торговым переговорам, которые он вел в Варшаве и в ходе которых я показал себя человеком полезным. Однаж-

ды он позвал меня к себе и спросил, не хочу ли я принять участие в подготовке торгового договора с Советским Союзом. Это будет самый крупный торговый договор, какой когда-либо заключался между обоими государствами.

Конечно, я выразил желание участвовать в этой работе. К слову, я рассказал Шнурре, что вот уже полтора года изучаю русский язык, даже выписывал в Варшаве газету «Известия», чтобы не только освоить язык, но и получить некоторое представление об экономических и политических проблемах Советского Союза. Шнурре был явно обрадован этим и заявил, что будет хлопотать перед послом Риттером о включении меня в торговую делегацию в качестве эксперта. Он объяснил, что делегация вскоре должна выехать в Москву для продолжения возобновившихся переговоров о заключении договора. Хотя в ней представлены многие министерства, но специалистов со знанием русского языка в ней нет. Сотрудники посольства в Москве, которые владеют русским, сейчас слишком перегружены, к тому же за исключением советника посольства Хильгера они ничего не понимают во внешней торговле. Поэтому, не дожидаясь решения этого вопроса, я должен немедленно включиться в совещания делегации, чтобы быть в курсе дела. Руководство делегацией и ведение переговоров осуществляются министерством иностранных дел, а персонально — послом Риттером; он же, Шнурре, помогает ему и замещает его. Чтобы познакомиться с особыми проблемами, я, пока мы еще находимся в Берлине, должен внимательно просмотреть соответствующие документы. И он распорядился, чтобы мне дали их.

Для меня все это явилось столь же неожиданным, сколь и радостным событием. Оно открывало передо мной огромные возможности в борьбе против ненавистного фашизма. Соблюдая все правила конспирации, я немедленно поставил в известность Ильзу Штёбе, а она проинформировала Центр. Важно, что уже в этой подготовительной фазе я смогу ознакомиться с основополагающими директивами, а также со всеми проблемами и подводными камнями...

Поздней осенью 1939 года делегация, в которую я был зачислен экспертом, выехала во главе с послом Риттером в Москву. На Бело-

русском вокзале ее встретили по протоколу со всеми почестями. Не успел я выйти из спального вагона, как меня дружелюбно приветствовал высокий мужчина лет пятидесяти (самому мне исполнилось всего тридцать два). Он представился: советник посольства Хильгер. О нем я до сих пор знал лишь понаслышке. Хильгер пользовался вполне оправданной репутацией лучшего знатока России во всей тогдашней Германии. Я был обескуражен, когда он прямо на перроне поздравил меня с моим решением после окончания переговоров остаться в Москве в качестве его заместителя по торгово-политическому отделу германского посольства в СССР и оказать ему энергичную помощь. Сам, правда, я ничего о таком своем «решении» не знал! Что ж, пусть будет так!

Ситуация, в которой я оказался в Москве, была для меня новой и непривычной. Я, активный антифашист, впервые находился в столице Советского Союза, первого в истории социалистического государства. Но поделиться теми впечатлениями, которые производили на меня этот неповторимый город и его люди, теми открытиями, которые я ежедневно делал для себя, я не мог ни с кем. Я не имел права внешне в том кругу, в котором я вращался, как-либо выражать мою симпатию к этому городу, к этой стране, к ленинской Коммунистической партии, к этим людям, которые, преодолевая невероятные трудности, строили социализм. Что бы я ни делал, что бы ни говорил, я ясно понимал: в моем положении любое необдуманное высказывание может иметь тяжелейшие последствия, даже стоить мне головы, а лишиться ее я никак не хотел.

Во время официальных приемов, обедов и ужинов моими соседями по столу и собеседниками часто бывали и члены советской делегации на переговорах. Разумеется, они не знали и не должны были узнать, кто я такой на самом деле. Поэтому в разговорах с ними я не мог выходить за рамки дипломатической дружелюбности. К тому же рядом сидели мои немецкие «братья» и коллеги, и я не знал, кому именно из них гестапо поручило следить за нами. Быть подпольщиком в стране друзей мне было трудно... Но я хорошо понимал, что — не в последнюю очередь в интересах своей личной безопасности — контакты с моими советскими друзьями и их Центром, непосредственно подчиненным командованию Красной Армии, я могу поддерживать только через специально подобранного, испытанного и имеющего специальное задание связника. Ильза Штёбе сообщила Центру о моем пребывании в составе торговой делегации. Об этом она сказала мне еще в Берлине. А потому я был уверен, что вскоре кто-то даст мне знак.

Дней через восемь после приезда в Москву вечером в моем номере в гостинице «Националь», где разместили делегацию, зазвонил телефон, говорила женщина; она настойчиво желала условиться со мной о встрече. Мне это показалось странным. И поскольку женщина эта в течение всего разговора, продолжавшегося довольно долго, ни разу не употребила ни единого слова, которое я мог бы принять за код, я сказал ей, что она, наверно, ошиблась номером телефона, и положил трубку.

Прошло еще несколько дней, и вот вечером, сняв трубку, я услышал хорошо знакомый голос моего соратника по подпольной борьбе Рудольфа Херриштадта¹. Мы немедленно договорились о встрече в холле соседнего отеля. А потом во время прогулки по

¹ Рудольф Херриштадт — немецкий журналист-международник, активный участник антифашистского Сопротивления. После войны был главным редактором органа ЦК СЕПГ газеты «Нойес Дойчланд».

РАССКАЗ
НЕМЕЦКОГО
АНТИФАШИСТА

ТАК ГОТОВИЛОСЬ

отдаленным улицам ночного города обсудили все необходимое.

В начале пребывания торговой делегации в Москве товарищ Хернштадт был моим постоянным связным. Он жил в небольшой гостинице на другом берегу Москвы-реки, в которой обычно иностранцы не бывали. Мы встречались каждую неделю или каждые две недели, в основном в его номере, обменивались информацией и мнениями, делали друг другу небольшие обзоры мировой политики. А потом я оставался полностью предоставленным самому себе, хотя и в дружественной стране, но во вражеском окружении.

Примерно месяца через два я познакомился с человеком, с которым ранее неоднократно встречался. Его звали Павел Иванович.

Торговые переговоры затягивались... Поэтому рождество 1939 года и новый, 1940 год мы встречали в Москве. Рождественский вечер я провел с несколькими членами делегации у советника посольства Хильгера — моего будущего начальника.

Хильгер родился в 1886 году в Москве в семье немецкого фабриканта, пользовавшегося в царской России многими привилегиями. Окончил здесь немецкую школу, в которой учились дети богатых родителей. Затем отец, оставшийся германским подданным, отправил его в Дармштадт, где он окончил высшую техническую школу и получил диплом инженера. В 1910 году Хильгер вернулся в Россию. Первую мировую войну, будучи интернированным, он провел в небольшом городке на северо-востоке европейской части России. Он и его жена, которая тоже родилась в Москве и происходила из проживавших в России французских промышленников, были людьми весьма образованными, а русским языком владели так же хорошо, как немецким и французским. В годы Веймарской республики Хильгер находился на германской дипломатической службе в Москве. Обладая необычайной памятью, он считался ходячим справочником по истории германо-советских отношений, а также русской и советской истории и был незаменим для любого направленного в Москву немецкого посла. Не существовало, пожалуй, ни одного германо-советского договора, который не был бы подготовлен Хильгером. Даже военный атташе генерал-лейтенант Кёстринг не мог обходиться без Хильгера, хотя тоже, как и он, родился в Москве, окончил здесь школу и провел многие годы в России и Советском Союзе. В качестве переводчика Хильгер участвовал во всех более или менее важных беседах со Сталиным и другими советскими государственными деятелями. Присутствовал он и на переговорах между Сталиным и Риббентропом в 1939 году, а также между Гитлером и Молотовым во время поездки последнего в Берлин в ноябре 1940 года. Он выполнял эту роль и тогда, когда германский посол граф фон дер Шуленбург в трагический день 22 июня 1941 года около 3 часов утра получил по телеграфу поручение нацистского правительства немедленно отправиться в Кремль и Молотову и сообщить, что Германия начала военные действия против Советского Союза...

В начале января 1940 года посол Риттер вернулся из Берлина. Он привез с собой существенные уступки нацистской стороны в ответ на ряд советских требований. Это должно было снова двинуть вперед несколько замороженные переговоры о торговом договоре, который и был подписан в феврале 1940 года.

Итак, в течение весьма волнительного для меня во многих отношениях 1940 года, я, большей частью предоставленный сам себе, старался обрести твердую почву под ногами в нацистском посольстве в качестве заместителя начальника торгово-политического отдела.

Я обнаружил, что представители некоторых крупных германских концернов считали меня кем-то вроде своего сообщника и рассказывали мне многое такое, о чем не стали бы говорить с обычным членом торговой делегации. Среди этих представителей был и некий д-р Шиллер от химического концерна «ИГ Фарбениндустрии». Официально он имел задание «народнохозяйственного отдела» этого концерна подготовить фундаментальный анализ рынка сбыта в СССР. Сначала я даже поверил этому. Но в начале 1941 года военный атташе генерал Кёстринг попросил меня ознакомиться с этим анализом и высказать свое

мнение. Внимательно прочтя составленный Шиллером доклад, я был поражен и даже несколько напуган. Почему, гадал я, Кёстринг поручил это именно мне? Не ловушка ли это? Ведь Кёстринг ни разу не давал мне в руки ни одного секретного материала из своей области, если только я официально не имел к нему отношения. Из этого «совершенно секретного» документа, сфабрикованного «народнохозяйственным отделом» концерна «ИГ Фарбен», совершенно определенно явствовало: германский империализм активно готовит военное нападение на СССР.

Я сказал генералу, что документ составлен с безответственным легкомыслием, Кёстринг беседовал со мной целый час и согласился с моим мнением. С тех пор он стал со мной гораздо более откровенным.

Еще во время четырехмесячных переговоров о торговом договоре я старался как можно точнее оценить — как с кадровой, так и с деловой точки зрения — ту обстановку, в которой мне предстояло в будущем, притом неопределенное время, работать легально и вместе с тем нелегально.

Все решения в посольстве принимались, по сути дела, тремя лицами: послом фон дер Шуленбургом, советником Хильгером и военным атташе генералом Кёстрингом. Остальные руководящие лица были по сравнению с ними бесцветны и малоинтересны. Среди них был, например, числившийся только на бумаге «вторым человеком» посольства советник фон Типпельскирх, остававшийся поверенным в делах на время отсутствия Шуленбурга. В 1940 году он получил ранг посланника. Он приходился племянником полковнику, в дальнейшем генерал-майору с той же фамилией, который в нацистском генеральном штабе занимался Советским Союзом. Московский Типпельскирх перед Хильгером и Кёстрингом по малкивал. Далее, имелся некий фон Вальтер, возглавлявший консульский отдел посольства, — я считал его возможным человеком гестапо.

И, наконец, был начальник среднего и низшего персонала, а одновременно начальник канцелярии и управляющий делами посольства, некто Ламла. Он имел дипломатический ранг, и все называли его «канцлером». То была важная персона! Без него не мог бы функционировать сложный административно-хозяйственный и технический аппарат посольства. Хотя я и не подчинялся ему, для меня он был человеком чрезвычайно полезным, и я

Ильза Штёбе.

старался быть с ним в самых наилучших отношениях. Поскольку Ламла занимался распределением номеров в отелях, он всегда знал заранее, кто именно придет в Москву из Берлина и что будет здесь делать, каких ведомственных курьеров (большой частью бывших офицеров, а также и доверенных лиц гестапо) следует ожидать, какие видные промышленники или делегации собираются вскоре прибыть. И так как почти всем этим людям приходилось заглянуть к Ламле, я имел возможность лично познакомиться с ними.

Атмосфера внутри нацистского посольства в Москве характеризовалась недоверием друг к другу. Мне вскоре бросилось в глаза наличие кабинетов, в которые из соображений безопасности не разрешалось входить никому из посторонних. Вполне естественно, интересовавшая меня регистрация секретных документов размещалась в специальном бункере. Это напминавшее куб сооружение из бетона было построено в 1937—1938 годах и подведено под крышу посольства. Оно отнюдь не предназначалось служить бомбоубежищем, а состояло из строго изолированных от остального посольства помещений для работы сотрудников, допущенных к секретным документам, которые хранились здесь с соответствующими грифами. Даже тогда, когда мне поручалось по служебной надобности работать с тем или иным документом, хранившимся в секретной регистратуре, я не имел права входить в бункер. На звонок появлялся дежурный сотрудник, которому я, находясь снаружи, должен был устно или письменно изложить свою просьбу. Если же мне надо было взять секретный документ с собой, то дата, время и цель пользования вносились в специальную контрольную книгу с моей распиской. Так как эта контрольная книга регулярно просматривалась послом или его заместителем, я только в исключительных случаях, при наличии безупречного служебного повода разрешал себе взглянуть на секретные документы. Имелись также специальные закрытые для «посторонних» помещения радиостанции и телеграфистов, где производилось шифрование и дешифрование служебной переписки. Мне туда входить не разрешалось. Стало ясно, что в Москве мне будет гораздо труднее, чем в Варшаве, получить доступ к документам и информации, выходящим за пределы отдела внешней торговли, где для меня секретов не было.

Отношения с моим новым непосредственным шефом — советником Хильгером — развивались благоприятно. И вскоре я понял, что он (исходя, разумеется, из совсем иной мировоззренческой основы, чем я, поскольку он был антикоммунистом) считает подготавливаемую Гитлером войну против Советского Союза несчастьем для Германии. Хильгер же — такое складывалось у меня впечатление — все больше относился ко мне как сведущему и инициативному работнику. Когда однажды я сказал ему, что тоже рассматриваю военное нападение на Советский Союз как самоубийственную для Германии авантюру, он в разговорах со мной с глазу на глаз стал немного приоткрываться. Разумеется, я не мог riskнуть дать понять ему, что принадлежу к числу борцов антифашистского Сопротивления. После нападения гитлеровской Германии на СССР «большая карьера» Хильгера кончилась. В Риббентроповском ведомстве его использовали только в качестве эксперта или «консультанта». Он получил статус руководителя реферата. После длительного пребывания после войны в США и временного интернирования он некоторое время еще проработал в боннском министерстве иностранных дел в качестве «специалиста по Востоку». Умер он в 1965 году.

Для посла фон дер Шуленбурга я первое время был величиной незаметной, незначительным молодым сотрудником, а потому и не мог надеяться на его доверие ко мне. В его резиденции я бывал только по случаю официальных приемов. Постепенно он стал все больше замечать меня — это было видно по моему месту за столом. Поначалу меня — строго по протоколу — сажали рядом с такими гостями, которые или говорили только по-русски или имели дело с внешней торговлей. Но так как лишь немногие из служивших в посольстве дипломатов понимали русский язык, а еще меньше — во внешней торговле и эконо-

22 июня 1941 года

Нацистская Германия. На пути в концлагерь.

номике, военному атташе генералу Кёстрингу пришла наконец идея — вероятно, его натолкнул на это Хильгер — использовать меня и для других целей.

Посол граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, родившийся в 1875 году, подвизался на германской дипломатической службе с 1901 года. Этапами на его длинном дипломатическом пути были, в частности, Варшава, Тифлис, Эрзерум, Дамаск, Тегеран, Бухарест. В 1934 году его послали в Москву в качестве преемника посла Надольного. Тот подал в отставку с поста германского посла в СССР ввиду своих принципиальных разногласий с Гитлером, особенно по вопросам политики в отношении Советского Союза, и был переведен нацистским правительством «в запас». Шуленбург же считался гораздо более покладистым и бесцветным чиновником, от которого не приходилось ждать ярко выраженных собственных мнений и инициатив. Именно благодаря этим качествам он и был направлен в Москву. Ведь Гитлер хотел сначала свести германо-советские отношения до минимума, а затем и заморозить их на самой низшей точке до тех пор, пока он не будет в состоянии навсегда покончить с Советским Союзом в ходе захватнической войны на уничтожение. Для этого периода замораживания отношений до состояния войны, когда уже никаких дипломатических связей больше не потребуются вообще, спокойный, уравновешенный, «постоянно кочующий с места на место, махрово-консервативный, да к тому же приближающийся к пенсионному возрасту дипломат казался фигурой наиболее подходящей. Шуленбург служил кайзеровскому рейху и Веймарской республике, в 1934 году, как от него потребовали, стал членом нацистской партии, а тем самым послушным и верным Гитлеру чиновником-служаккой.

Но Гитлер, Риббентроп и его министерство иностранных дел ошиблись в оценке Шуленбурга: на самом деле он оказался человеком с собственным мнением, которое, правда, часто отбрасывал в сторону, когда надо было следовать директивам своего министра. Однако у него — и впоследствии он доказал это — имелись свои морально-политические принципы.

В период замораживания нацистской Германией отношений с Советским Союзом Шуленбург со все более явной последовательностью старался сохранить эти до минимума сократившиеся отношения, чтобы обеспечить извечную основу для их оживления и улучшения.

Шуленбург с самого начала производил на меня впечатление знающего, умудренного жизненным опытом, осторожно действующего дипломата, который в конечном счете ста-

рался в отношениях Германии с Советским Союзом не бить посуды больше, чем уже перебили ее и ежедневно били нацистские власти. Подтверждением правильности его основной линии явилось для Шуленбурга то, что, проявив летом 1939 года заинтересованность в нормализации отношений с Советским Союзом, Гитлер поручил именно ему предпринять в Москве необходимые шаги в этом направлении. То, что его использовали для бессовестного, обманного маневра, при помощи которого Гитлер хотел прежде всего на время нейтрализовать СССР, дабы создать себе более широкую платформу для, как и прежде, планируемой большой решающей войны против Москвы, впервые и раз и навсегда стало Шуленбургу ясно, когда ему пришлось убедиться: военное нападение на Советский Союз решено окончательно и бесповоротно, и случится оно в ближайшее время.

Это произошло 30 апреля 1941 года, когда Шуленбург после поездки в Берлин и беседы с Гитлером вернулся в Москву и объявил своим ближайшим друзьям: «Жребий брошен, война — дело решенное!» Поскольку незадолго до того в более широком кругу Шуленбург рассказывал, что при прощании фюрер заявил ему: «И еще одно, Шуленбург, вести войну против России я не собираюсь!» — а теперь, говоря о войне как о деле решенном, он, естественно, увидел на лицах удивление и поспешил добавить: «Гитлер намеренно обманывал меня». От одного абсолютно надежного старого друга он узнал в Берлине правду.

Весной 1941 года посол фон дер Шуленбург, все еще не получив никакой официальной информации об агрессивных намерениях своего правительства, решил в основополагающем меморандуме изложить свои взгляды на отношения между Германией и Советским Союзом. Главной целью этого предназначенного для Гитлера меморандума, над которым, кроме посла, работали в первую очередь генерал Кёстринг и советник Хильгер, было, опираясь на исторический опыт, предостеречь от недооценки обороноспособности Советского Союза и, не покидая позиции германского империализма, показать огромный риск агрессии против СССР.

Все три автора меморандума придерживались того убеждения, которое Хильгер и Кёстринг высказывали в доверительных разговорах и со мной: агрессивная война против Советского Союза вииграна быть не может; более того, она способна привести к гибели Германии. Разумеется, эти выводы были сформулированы в меморандуме отнюдь не так четко, а, напротив, весьма осторожно: слишком велик был страх перед репрессиями со стороны гитлеровского правительства. И все-таки предостережение чувствовалось.

В середине апреля 1941 года Шуленбург решил лично отвезти этот меморандум в Берлин, просить аудиенции у Гитлера, а кроме того, проинформироваться в германской столице о том, какие намерения правительство, которое он представляет в Москве, действительно имеет в отношении Советского Союза.

Шуленбург опасался, что война против Советской державы вторгнет Германию в катастрофу. Он считал позором для себя лично, что участвовал в маневрах по обману Советского Союза и в бессовестном нарушении торжественно заключенного договора о ненападении. Это выразилось и в его поведении утром 22 июня 1941 года, когда ему было приказано поехать к Молотову, тогдашнему наркому иностранных дел, и заявить ему, что Германия уже начала военное нападение на Советский Союз, таким образом превратив в клочок бумаги договор, заключенный при его, Шуленбурга, содействии.

Я убежден, что все это воспринималось Шуленбургом как личное унижение и послужило толчком к тому, что именно этот спокойный и уравновешенный, уже стоявший на пороге пенсии дипломат, однако обладавший морально-политическими принципами, принял тяжкое для себя решение: несмотря на свой почтенный возраст, своеобразно вступить на путь сопротивления Гитлеру. Шуленбург стоял за своего рода бисмарковскую политику стабильных добрых отношений с Россией, но эта политика была отвергнута Герделером, который возглавил в 1944 году заговор консервативных кругов против Гитлера и стремился к союзу Германии с империалистическими западными державами против СССР. Шуленбург же поддерживал тесный контакт с так называемым Крайсауским кружком тех буржуазных противников Гитлера, которые все же стремились к прогрессивной политике, к честному взаимопониманию и прочным, хорошим отношениям с Советским Союзом.

Эта коренная политическая позиция объясняет готовность Шуленбурга после Сталинграда (ему было тогда уже 68 лет, и здоровье его было уже подорвано) тайно перейти через линию фронта на советскую сторону, чтобы путем переговоров подготовить заключение компромиссного мира с Советским Союзом. В докладах гестапо Борману и Гитлеру (так называемых «Донесениях Кальтенбруннера») констатировалось: план противников Гитлера использовать Шуленбурга для контактов с Советским Союзом возник еще в конце декабря 1942 года. Осенью 1943 года была сделана попытка привлечь на сторону этого плана Герделера, но тот его отверг. В донесении Кальтенбруннера говорится: «Осенью 1943 года Герделер и фон Тресков обсуждали между собой возможность переправить бывшего посла графа фон дер Шуленбурга через германскую линию на Восточном фронте. Фон Тресков придерживался примерно такой точки зрения, что Шуленбург — один из тех немногих немцев, которых лично знает Сталин. Шуленбург должен был заново установить связь [с Советским правительством]. Если Шуленбург договорится со Сталиным, в Германии должен был быть произведен военный переворот. За это говорит тот факт, что Шуленбург предостерегал от войны с Советским Союзом. План компромиссного мира с Советским Союзом, без сомнения, был выдвинут в этой форме фон Тресковым».

Сам Шуленбург на допросах в гестапо показал, что был с этим планом согласен. Дело сорвалось из-за нерешительности и отказа нескольких командующих высокого ранга, у которых не хватило мужества оказать обещанное ими ранее содействие группе буржуазных противников Гитлера. Несмотря на это, Шуленбург заявил о своей готовности после свержения Гитлера занять в германском правительстве пост министра иностранных дел. Гитлер и его кровавые судьи отомстили этому человеку, который постоянно предостерегал их от войны против Советского Союза, а потом был готов пожертвовать собственной жизнью ради окончания войны и компромиссного мира. Они велели его повесить. Он погиб 10 ноября 1944 года.

Продолжение следует.

Перевод Г. РУДОГО.

СВАДЬБА С ПРИГОВОРОМ

Две студентки мединститута в один прекрасный день отправились провести в компании время в село Орт-Сай, что в окрестностях Фрунзе. Они были молоды, веселы и беззаботны, потому что позади у них почти пять лет учебы в вузе, а впереди — вся жизнь. Нельзя сказать, чтобы девушки были настолько хорошо знакомы с ребятами, что могли бы написать мемуары о том, как все вместе в детском саду ели манную кашу. Знакомство, скажем прямо, было шапочное, что, впрочем, не мешало девушкам охотно принять приглашение ребят на загородный пикник.

Один из студентов, М. Туменбаев, решил поговорить наедине со своей подружкой, студенткой 5-го курса мединститута, которую мы здесь назовем условно Зухра, щадя ее женскую скромность. Остальные вышли на улицу, дабы не мешать этим двоим, которые оставались наедине минут пятнадцать.

Вот и все, что произошло, если верить показаниям большинства участников загородного пикника. Однако на следующий день студента Туменбаева арестовали, и он узнал, что Зухра подала на него в прокуратуру заявление об изнасиловании.

Правда, родители обеих сторон сообща быстро погасили уголовное дело. Зухра согласилась выйти за Туменбаева, поскольку он ей нравится, а то, что случилось на даче, случилось с ее согласия.

Студента освободили, а вскоре состоялось бракосочетание в загсе, где, скромно потупив взор, невеста без запинки вместо «я вас люблю». «Свадьба прошла хорошо, — пишет отец жениха, — невеста была веселой и казалась довольной».

Но так только казалось. Через восемь месяцев молодая семья, не успев дать побегу, засохла на корню. Если верить мужу и его родственникам, то молодую жену не устраивали жилищные условия в доме мужа.

Сначала Зухра подала заявление в загс о разводе, но, поскольку муж был против, таковой не состоялся. Тогда Зухра, сопровождаемая толпой родственников, побегала в прокуратуру.

— Значит, вы требуете, — не сразу понял следователь Баль-

цер, — чтобы мы привлекли вашего мужа за изнасилование?

— Вот именно!

— С кем он поступил так плохо?

— Со мной, конечно!

— Да, но это в некотором роде нонсенс, абсурд!

И тут из толпы родственников выдвинулась энергичная ханум с властным взглядом по фамилии Абдукадырова, а по должности работник юриспруденции, — как потом выяснилось, тетя потерпевшей.

— Что значит нонсенс, когда того желает моя нежная Зухра?

То ли этот довод, то ли какие другие соображения окончательно сразили следователя, но он принял за дело с усердием и таким видом, будто подобными невероятными историями ему заниматься не впервой.

Против Малика Туменбаева, студента 2-го курса медицинского института, 1959 года рождения, началось уголовное преследование. Правда, на этом тернистом пути следователь Октябрьской прокуратуры Бальцер столкнулся с кое-какими трудностями. В первом, еще добром, деле, как мы уже говорили, хранилось собственноручное заявление нежной Зухры, где она просила освободить Туменбаева на том основании, что в близкие отношения она вступила с ним добровольно, что этот молодой человек ей всегда нравился и она намерена выйти за него замуж по любви, без всякого давления с чьей-либо стороны.

Препятствие легко устранили. Заявления невесты, как и многие первоначальные документы, бесследно исчезли. Комсомольская организация мединститута выдала М. Туменбаеву характеристику, которая как-то мешала следователю слепить четкий портрет насильника: «Дисциплинирован, аккуратен, исполнительен... Общителен, скром в быту... В коллективе пользуется заслуженным авторитетом». Но и тут Бальцер не растерялся. Не моргнув глазом, он пишет в обвинительном заключении, что М. Туменбаев характеризуется по месту учебы «посредственно». Почему? А просто потому, что ему, следователю, так удобнее. Или того пожелали нежная Зухра и ее

влиятельная в юридических кругах тетя?

Видимо, из тех же соображений в таком важном документе, как заключение об освидетельствовании потерпевшей, подтерта дата и исправлен год. И следователь и эксперт (кстати, получивший взятку) выдают потерпевшей на руки следственные документы и используют ее в качестве посыльной. Так что опять не совсем ясно, кто руководит следствием: или прокуратура Октябрьского района, или нежная Зухра и ее влиятельная тетя?

В довершение всего вопреки закону дело почему-то ведет прокуратура Октябрьского района, а не Аламединского, где якобы совершилось преступление. Возможно, там ханум Абдукадырова не имеет послушных исполнителей ее воли?

Словом, как только дело попало к нарсуду города Фрунзе, в руки судебной коллегии, та, изучив его, брезгливо отшвырнула в сторону, почуяв удушающий запах липы. Судебная коллегия вынесла разгромное определение, часть пунктов которого мы и привели в этом фельетоне. Коллегия вернула дело на дознание.

Но те, кто организовал это дело, не дрогнули, не отступили под напором грозного определения. Они даже и слегка не порозовели оттого, что им указали на бесчисленные нарушения уголовно-процессуального порядка и попросту должностные преступления (иначе как назовешь исчезновение одних документов и подделку других!). Это оказались на редкость стойкие, непробиваемые люди.

Вопреки определению горнарсуда прокурор города (ныне отстраненный от должности) снова направляет дело в тот же Октябрьский район.

Новый следователь Боров не стал утруждать себя излишними хлопотами. Он не выполнил ни одного из пунктов определения горнарсуда, хотя к тому обязывал его закон. Единственный, но зато выдающийся вклад его в расследование — это попытки запугать ребят, бывших с Туменбаевым на даче. Двоих для острастки он даже посадил на целые сутки, напористо требуя дать показания

в пользу потерпевшей. Он не поленился обмануть студентов, будто горнарсуд вынес решение привлечь их всех к уголовной ответственности как соучастников преступления. Но даже такая крутая мера не вынудила ребят изменить свои показания.

Несмотря на то, что после допознательного расследования дело не стало яснее, а процессуальные нарушения не были исправлены, Ленинский нарсуд Фрунзе осудил М. Туменбаева, а Верховный суд республики оставил этот странный приговор без изменения.

Есть уголовные дела, которые только по несправедливости занимают умы исключительно юристов. Мы думаем, есть дела, которые заслуживают того, чтобы приковать внимание широкой общественности. Отбросим процессуальные нарушения, пусть их расследуют компетентные органы. нас интересует другое.

Если, как принято считать, каждый приговор имеет не только карательное, но и воспитательное значение, то данный вряд ли можно считать в этом отношении за образцовый. Данный приговор высоким авторитетом прикрыл, по существу, глубоко безнравственное поведение молодой женщины, комсомолки, выпускницы вуза, завтрашнего врача. Смотрите: ее уговорили поехать за город — она поехала, ее уговорили выйти замуж (если верить ей, за страшного насильника) — она безропотно соглашается. А где же ее воля, ее разум, ее достоинство? Ведь замуж ее никто силком не выдавал (нельзя же считать психическим давлением уговоры родной матери). Отказ от замужества с немилым, неприятным человеком, к тому же оскорбившим ее женскую честь, ей ничем не грозил. Ни морально, ни материально! Мы живем не по законам шариата!

Остается лишь одна причина: ей этот человек нравился. И она сознательно искала с ним близких отношений, а когда эти отношения не удались, она стала просто мстить. Мстить, конечно, сильное чувство, но отнюдь не благородное. И стоило ли удовлетворять эту жажду мести с помощью тяжелой руки закона?

Рисунок В. Федорова.

Челябинск.

Рисунок Ю. Беспалова.

— Проспорил бутылку: дубу не девяносто, а сто лет.

Рисунок А. Алешичева.

Рисунок А. Орехова.

«Увидели на обложке № 21 «Огонька» нашу любимую пару фигуристов Климову — Пономаренко. Они всегда так элегантны, необычайно красивы. Интересно, кто им шьет костюмы для выступлений?» — с таким вопросом к нам в редакцию обратились супруги Рябинины из Ярославля.

Вопрос этот привел нас в Дом моделей спортивной одежды, где мы и познакомились с молодым художником-модельером Екатериной Поздняковой.

— Сергея Пономаренко и Марину Климову я тоже очень люблю, считаю их перспективными фигуристами, — начала свой рассказ Е. Позднякова. — Они очень пластичны. Нежный романтический стиль их катания, лирическая манера исполнения, даже если они создают какую-либо современную композицию, близки мне по духу, дают большой простор для творческой фантазии как художника-модельера, задачу которого я вижу не только в том, чтобы красиво одеть эту талантливую пару для выступления, но и в том, чтобы суметь подчеркнуть их индивидуальность, создать единое представление у зрителя о том, что хотят сказать и показать на льду фигуристы зрителю посредством музыки, танца, внешнего образа. Музыка И. Кальмана, рисунок танца, сами фигуристы дали мне толчок для решения этого их костюма... Марина, воплощение мягкой романтической женственности, ассоциативно напомнила мне образ лебедя. Я шла от театрального балетного костюма, конечно, с учетом требований современного спортивного танца — практичности, удобства, зрелищности. Так родилась идея юбки, выполненной по мотивам балетной пачки, верхняя часть костюма оторочена белым лебяжьим пухом. Партнер мне представлялся мужественным и в то же время галантным кавалером в строгом черном фраке с белой манишкой и белой же бабочкой.

Такова история костюмов призеров Олимпийских игр в Сараево М. Климовой и С. Пономаренко. Это далеко не единственная работа молодого художника-модельера Е. Поздняковой, лишь в 1982 году окончившей факультет прикладного искусства Московского текстильного института. Рисунок Катя начала с трехлетнего возраста, занималась в детской художественной студии, но всегда мечтала о работе художника-модельера, и, может быть, еще чуть-чуть хотелось ей стать художником-мультипликатором.

— Когда меня взяли в Дом моделей спортивной одежды под руководством Надежды Николаевны Большуновой, я считала, что мечта

моя сбылась, — говорит Екатерина. — Конечно, не все сразу удавалось, но главное, что я попала в атмосферу настоящего творчества. С одинаковым воодушевлением делаем мы костюмы для сборных спортивных команд Советского Союза, одежду спортивно-бытового назначения, разрабатываем модели непосредственно для фабрик.

Почти полгода Е. Позднякова работала над целой серией спортивно-бытовой одежды для подростков. Тут и куртки, и комбинезоны, и уже заранее заготавливаемая с лета одежда для зимнего спорта, зимнего отдыха. Вещи разные по назначению, но все их объединяет единый стиль — спортивно-нарядный. Четкая линия кроя, простота позволяют одежде быть удобной в носке. А сочетания модных в этом сезоне контрастных цветов — красного, синего, белого, желтого, бирюзы, цикламена — делают эту одежду очень нарядной, привлекательной для молодежи.

— В этом сезоне в повседневной и особенно нарядной одежде сохраняется романтический стиль, — поясняет Екатерина, — но он становится менее этнографическим. Любимый рукав модельеров этого сезона — кимоно, японка или втачной с заниженной проймой. В связи с этим изменилось и оформление ткани. Рисунок в основном крупномасштабный или, наоборот, контрастно-мелкий. Традиционная клетка, любимая молодежью, уступила первенство полосе. Модны гладкие ткани. Изменения в стиле одежды (в частности, длина юбки теперь поднялась до колена и выше) вызвали изменение и в моде на обувь. Каблук сохранился только в нарядной одежде, а к повседневному платью носят туфли на очень маленьком каблучке или вообще без него.

Рисунки Е. Поздняковой, представленные нашим читателям на четвертой странице обложки, — это темы современных моделей, позволяющих почувствовать образ сегодняшней молодежи, ее манеры ношения одежды.

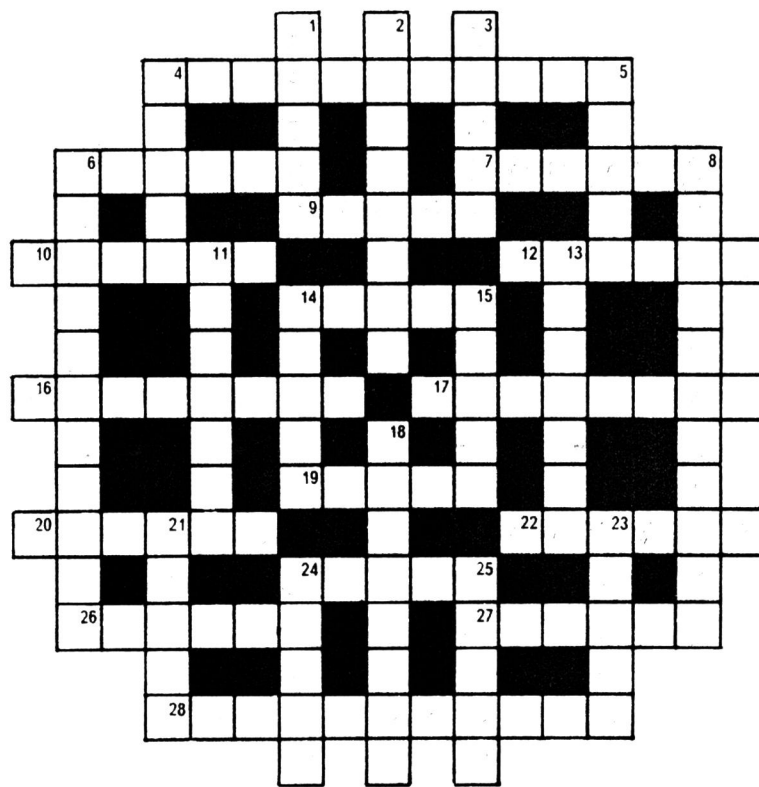
И все же самая интересная работа для Е. Поздняковой — это работа со спортсменами.

— Когда ко мне приходит Ирина Роднина с просьбой создать костюмы для ее учеников, это праздник, — невольно улыбается Екатерина. — Вы бы видели, как она рассказывает о своих подопечных. Она не просто сообщает об их программе, музыкальном оформлении, но и изображает их в лицах, демонстрирует манеру держаться, двигаться, имитирует даже голос. Ведь бывает, что фигуристов в этот момент нет в Москве, а время не ждет, надо заранее художнику подумать над решением внешнего облика спортсмена.

Очень приятно было работать с воспитанниками И. Родниной парой И. Беккер — С. Леханским, воспитанниками Л. Пахомовой Н. Анненко — Г. Сретенским. Делала я костюмы и для подопечных С. Жука М. Австрийской — Ю. Квашнина.

Я считаю, что фигурное катание — такой вид спорта, который наиболее близок к искусству, поэтому задача, которая стоит перед художником-модельером, тут особо ответственна и интересна.

В. МОРОЗОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Плоская кривая. 6. Народный поэт Кабардино-Балкарии. 7. Блестящий успех, выдающаяся победа. 9. Залив у южного берега Сахалина. 10. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 12. Сельскохозяйственное орудие. 14. Стихотворение А. А. Блока. 16. Областной центр в РСФСР. 17. Зеленая водоросль. 19. Тонкая черта. 20. Гимнастический снаряд. 22. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 24. Светильник, освещающий сцену. 26. Статуя, поддерживающая перекрытие здания. 27. Минерал, медная руда. 28. Маршал Советского Союза.

По вертикали: 1. Союзная советская республика. 2. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 3. Крупная артерия. 4. Приток Витима. 5. Один из Малых Антильских островов. 6. Пресноводная промысловая рыба. 8. Специалист, изучающий народное творчество. 11. Дополнительный музыкальный звук. 13. Комический номер в цирке и на эстраде. 14. Приток реки Тисы. 15. Город в Азербайджане. 18. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 21. Балетный танец. 23. Радиоактивный химический элемент. 24. Ряд солдат, шеренга. 25. Автомобиль в системе городского транспорта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 5. Насретдинова. 8. Кресло. 9. Клюква. 10. Леонов. 11. Тоника. 14. Жатва. 16. Топаз. 17. Транскрипция. 20. Лайка. 22. Тимор. 24. Капуас. 26. Пашка. 27. Ирпень. 28. Реомюр. 29. Консистенция.

По вертикали: 1. Нароков. 2. Прокат. 3. Ангола. 4. Иваново. 5. Балхаш. 7. Аромат. 12. Орисаба. 13. Кибитка. 15. Анапа. 16. Тацит. 18. Баглан. 19. Корнет. 21. Кешонов. 23. Испания. 24. Карась. 25. «Сирена».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пионерский почтальон Ида Клецель, ученица 7-го класса. (См. в номере материал «Почта без каникул».)

Фото Ю. Лушина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эскизы моделей летней одежды художника-модельера Е. Поздняковой. (См. в номере материал «Спорт и мода».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономике быта — 250-38-17; Познаний — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 25.06.84. Подписано к печати 10.07.84. А 10285. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 717 000 экз. Изд. № 1719. Заказ № 2942.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Чтоб покрыть свои расходы,
Он забрел в чужие воды.
Выжимает силой сок.
Из партнера на востоке.

Дм. ДЕМИН

Рис. КУКРЫНИКСЫ

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

